

СЕСТРЫ

Натаалья НЕВСКАЯ

СЕСТРЫ

Натаалья
НЕВСКАЯ

«Пока на этом свете останется хоть одна женщина, о женщинах всегда будет возможно рассказать что-то новое».

Пока на этом свете останется хоть одна женщина, о женщинах всегда будет возможно рассказать что-то новое.

Так считает Наталья Невская. Об этом она пишет — и пишет очень по-женски, мягко и лирично, правдиво и романтично...

Две сестры — эффектная, самоуверенная телезвезда и замкнутая, серьезная интеллектуалка.

Две успешные карьеры — и два одиночества.

Две женские судьбы, две попытки обрести любовь, отыскать тропинку к счастью...

ISBN 5-264-00083-2

9 785264 000836

Натаалья
НЕВСКАЯ

СЕСТРЫ

ВАГРИУС
Москва
1999

ББК 84 (2Рос-Рус)6
Н40

Серийное оформление Е.Н. Волченко

Невская Н.

Н40 Сестры: Роман. – М.: ВАГРИУС, 1999. – 368 с.

ISBN 5-264-00083-2

«Пока на этом свете останется хоть одна женщина, о женщинах всегда будет возможно рассказать что-то новое». Так считает Наталья Невская. Об этом она пишет — и пишет очень поэтически, мягко и лирично, правдиво и романтично...

Две сестры — эффектная, самоуверенная телезвезда и замкнутая, серьезная интеллектуалка. Две успешные карьеры — и два одиночества. Две женские судьбы, две попытки обрести любовь, отыскать тропинку к счастью...

ББК 84(Рос-Рус)6

© Издательство «ВАГРИУС», 1999

© Оформление

ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

ПРОЛОГ

Я проснулась рано: хотелось съездить на кладбище до наступления жары. Быстро перекусила и отправилась на автобусную станцию. Путь недолгий, но на этом маршруте всегда многолюдно. Сегодня тоже, так что пришлось стоять всю дорогу.

На моей остановке, как обычно, сошло много народу. Но здесь я от потока отделилась, основная же масса направилась к химзаводу, конструктивистской уродливой громадиной видневшемуся за мастерской по изготовлению памятников.

А за кладбищенской оградой было пустынно. Я прошла не торопясь по гравиевой хрустящей дорожке. Солнце старательно просушивало землю от ливня, ураганом пронесшегося два дня назад. Он оставил следы и здесь: размыл холмики на свежих могилах, покосил недавно высаженные цветы. Но могила бабушки оказалась почти нетронутой. Я убрала мусор, подровняла землю, протерла голубую ограду. Потом привычно посидела на маленькой железной скамейке.

Уже собиралась уходить, когда на соседней дорожке увидела похоронную процессию. Черное молчаливое

шествие медленно проплывало мимо меня. Склоненные головы, заплаканные лица — я не сразу поняла, что среди темных горестных фигур есть знакомые мне люди. Стало не по себе: значит, кто-то, кого я знаю. Кто?

Процессия скрылась за деревьями, и я пошла к выходу. Хотелось домой, в светлый, не замутненный смертью быт: успеть приготовить к приезду мужа обед, вытереть пыль, вымыть полы — какие замечательные на сегодня дела!

И только подходя к дому и глядя на рассеченный молнией во время все той же грозы молодой сильный дуб, по странной ассоциации снова вспомнила кладбище, темную шеренгу людей, смотрящих себе под ноги, и тяжелое молчание, почти ощутимо повисшее вокруг них в прозрачном солнечном воздухе.

Часть
ПЕРВАЯ

1

Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар,
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, самовар...

Ну что за чушь! Лиза прибавила шаг, и назойливая ритмическая раскачка в ее голове тоже убыстрила темп — эта глупая детская считалка никак не хотела отлипнуть.

Скосила глаза вправо и привычно отметила перемены на их любимом пустыре за соседним домом. Когда-то — и она еще помнила эти времена! — здесь стояли старые дома с небольшими палисадниками. Воплощение мещанского счастья — кисейная занавеска, по вечерам свет в окошке и дымящийся чай из старого, с еле заметной трещинкой блюдецка. Потом дома снесли, и несколько долгих лет за домом существовал роскошный пустырь — место тайных свиданий, яростных драк и клятв в верности до гробовой доски.

С недавних же пор пустырь стала осваивать местная общественность. Его расчистили, поставили качели (как-

то сразу, в один день, состарившиеся), а посередине сделали песочницу — источник вечного детского гвалта. Однако по вечерам пустырь привычно возвращался в руки прежних молодых хозяев. Девочки боялись проходить мимо, но тем не менее исправно (с бьющимся сердцем) проходили, а явившиеся на утренний выгул детей молодые мамы брезгливо выбрасывали из песочницы в контейнер для мусора пустые грязные бутылки.

Привычное зрелище это никак не меняло сегодняшней главной новости.

Девушка еще убыстрила шаг, уже почти срываясь в бег. Но такого ребячества, как бег вприпрыжку, взрослая Лиза себе позволить не могла.

Она вспомнила, как недавно — ведь совсем еще недавно! — вот здесь, около этого самого подъезда, мимо которого ее сейчас несли ноги, прыгала с подружками через скакалку и била мяч о стену. А один раз — когда же это было? — ну да, точно, четыре года назад — они в пылу игры разбили окно на первом этаже и с воплями удирали от гневной, да еще замешанной на крепком мате, брани грозного хозяина разбитого стекла. Лиза усмехнулась, припомнив, как все они, девчонки, выгораживали виновника катастрофы Кирилла, и ей почему-то влетело больше всех. Наверное, потому, рассудила теперь взрослая Лиза, что она всегда отличалась излишней серьезностью. И учителя, и папа с мамой, и родители друг ждали от нее верных решений и потому нагружали бедную девочку ответственностью за все проступки.

Лиза подошла к своему подъезду. Остановилась. Подняла лицо. Взглянула на родные окна.

Сказала сама себе: «Бедная девочка» — и улыбну-

лась. В самые теплые минуты детства, когда забиралась к папе на колени, да и теперь, когда брала его за руку или прислонялась к плечу, он иногда называл ее «бедная моя девочка». Интересно, почему? Лиза задумалась. Друзей всегда полно, в школе никогда никаких проблем, все, что задумывалось, получалось... Снова посмотрела на окна и вдруг поняла, почему старается думать о разбитом стекле или отвечает на свой же нелепый вопрос. Конечно! Конечно, таким смешным способом она пытается отключиться от мыслей о главной на сегодня новости.

«И еще тяну время, чтобы подольше не делиться своей победой. Жадина», — добавила про себя. На миг стало совестно: она знала, с каким нетерпением ее ждут дома.

Взлетела по ступенькам, нажала кнопку лифта, прислушалась: лифт, похоже, сползал с самого верха.

— А ну его!

И, круто развернувшись, понеслась на свой пятый этаж.

Уже стоя у двери квартиры, невольно прислушалась к звукам внизу и с удовольствием отметила, что лифт обогнала. Такие штучки она любила проделывать в детстве. Всегда стремилась опережать — лифт, одноклассников, даже свой возраст.

— Зачем, непонятно, — пробормотала тихо, скорее для того, чтобы взять себя в руки, принять обычный серьезный вид.

Подняла руку, наблюдая собственные нарочито медленные движения, и, наконец, позвонила. За дверью сразу же послышались торопливые шаги и громкий возглас мамы:

— Это Лиза! — И — в глубь квартиры: — Лиза пришла!

За дверью Лизу встретил немой крик, застывший не только в глазах, но в каждой складке лица Любви Константиновны.

— Ну?!

«...Как это у мамы получается, — промелькнуло в голове дочери, — даже без звука, а громко?..»

— Поступила, — степенно ответила она и была впущена в дом.

— Я и не сомневалась. — Любовь Константиновна с плохо скрываемым облегчением пожала плечами, словно перед невидимыми оппонентами, и обращаясь к мужу и младшей дочери: — В гостиную! К столу, к столу! — Сама же поспешила на кухню.

К Лизе подскочила Катька, младшая сестра, чмокнула в щеку, хлопнула по плечу, потрепала по голове (все это практически одновременно), крикнула:

— Поздравляю, Лизавета!

И полетела в комнату с криком:

— Дадут в этом доме, наконец, пожарть?

В коридоре остались Лиза и отец.

— Молодчина, — тихо сказал он. Дочь ткнулась носом ему в грудь, вздохнула запахом знакомого с детства одеколona — папа был однолюбом во всем — и почувствовала себя окончательно счастливой.

— Я так рада, — прошептала она, и отец провел ладонью по ее волосам.

Стол в гостиной по случаю важного события был выдвинут на самую середину, словно это он был сегодня виновником торжества. Однако больше в комнате ничего не изменилось. Привычная с детства югославская

стенка (когда-то предмет гордости и зависти соседей), старая мягкая мебель — раскладной диван, кресла с потертыми подлокотниками. Книжный шкаф в углу с зачитанными книгами. Странно, почему-то Лизе казалось, что гостиная к ее приходу должна была выглядеть как-то иначе.

Несмотря на открытое окно, в комнате было жарко. И не только по случаю летней погоды. Тепло, казалось, исходило от раскрасневшихся довольных лиц, от исходившего паром жаркого, даже от холодного шампанского, которое сегодня пили все, в том числе Лиза, принципиальная нелюбительница спиртного. Голова у нее кружилась — то ли от непривычного колючего вкуса во рту, то ли от удовольствия, волнами ходившего внутри.

«Как же я вас люблю, — временами думала она, окидывая родных взглядом и задерживаясь на отце. — Всех-всех».

— Ты, Лизка, все-таки нерациональная особа, — заявила тем временем Катя.

— Лиза — и не рациональна? — со смешком подхватила Любовь Константиновна.

— Ну да! — Катя отправила в рот кусочек ароматного мяса. — Кто сейчас поступает на исторический? — По очереди осмотрела собравшихся за столом. Дожевала. — В наше время кому легче всего устроиться на работу? Экономисту, финансисту, менеджеру. Причем обязательно со знанием языка, а лучше двух.

— Ну, с языками у Лизы все в порядке, — довольно вставила Любовь Константиновна.

— Вот и я говорю, — Катю нелегко было сбить с толку. — Языки-то есть, но какой от них толк без соответствующей профессии!

— Ты-то сама уже решила, куда поступать будешь? Один ведь год остался, — со снисходительной (совсем немного) улыбкой спросила Лиза.

— Естественно, — бодро ответила Катя и насладилась наступившей тишиной за столом. — На журналистику. — И как ни в чем не бывало снова принялась за жаркое.

— С какой это стати? — Любовь Константиновна даже вилку отложила; та стукнулась о нож, привесив к вопросу изумленный звяк.

— Еще десять раз передумает, — ответила за сестру Лиза.

— Увидите, — Катя тряхнула головой. — Во всяком случае, справки я уже навела.

— А почему бы и нет? — В разговор вступил Никита Владимирович. — На журналистов всегда спрос, а сейчас особенно...

— Ну о чем ты говоришь, Никита? — немедленно вскинулась на него жена. — Война же кругом. А вслед за солдатами кто туда прется? Журналисты. Чтобы с места событий.

— Мама, ну при чем здесь война? Существует же масса специализаций. Вот я, например, собираюсь работать на телевидении, вести утонченные светские программы, — гордо сообщила Катя.

— А что? — Лиза окинула ее оценивающим взглядом. — Ты неплохо будешь смотреться в ящике.

— Точно! — Катя вскочила из-за стола, схватила бокал, на время заменивший ей микрофон, и, прохаживаясь по комнате, завела: — Дамы и господа, сегодня мы в гостях у Полонских. В этот торжественный день в голубой гостиной собрались все члены семьи, дабы от-

метить вступление старшей дочери, Лизаветы, в новую жизнь. От всей души пожелаем ей больших успехов на выбранном поприще и поднимем бокалы в ее честь. — Катя жестами пригласила всех присоединиться. — Ура. — И скромно закончила: — Репортаж вела Екатерина Полонская.

— Непосредственно с места событий, — не утерпев, добавил Никита Владимирович. Он неожиданно поймал себя на мысли, что испытывает тайную гордость за своих дочерей и что возможное появление младшей из них на экране — он вдруг живо представил себе это — будет здорово тешить его самолюбие. — За вас, девочки! — Он залихватски осушил бокал и слегка хлопнул по столу: — Действительно, ура!

Катя подхватила, Лиза хмыкнула. Любовь Константиновна покачала головой — она не очень любила, когда инициатива уплывала из ее рук.

— Пора накрывать к чаю, — строго сказала она и поднялась. — Ты, Лиза, сегодня сиди, отдыхай. А ты, Катя, подключайся.

И пока звякала посуда, исчезали крошки и недоеденные куски хлеба, грязные тарелки заменялись чистыми блюдами и чашками, а скомканные белые салфетки — новыми разноцветными, подобранными под цвет чайного сервиза (Катина работа), Лиза допивала шампанское, время от времени переглядываясь с отцом.

«Трудно было?» — молчаливо спрашивал он.

«Конечно», — отвечала она.

«А все уверены, что тебе раз плюнуть».

«Они, как всегда, ошибаются».

«Тебя это задевает?»

«Ну что ты, я не в обиде».

«Я так за тебя рад...»

«...Бедная моя девочка».

Лиза подмигнула отцу и положила ладонь на его шершавую, с затейливым рисунком вен руку.

Мама уже наливала чай.

— Неплохо. Совсем неплохо, — Катя на всякий случай еще раз крутанулась перед длинным (Лизе всегда казалось, немного изумленным) зеркалом.

— Потому что здесь темно, — вдруг сказал за спиной знакомый голос.

— Фу, Лизка! — крикнула Катя. — Так и напугать до полусмерти можно. Зачем так тихо ходишь? — Катя наконец сообразила, что сказала ей сестра. — Да еще гадости всякие с утра говоришь!

— Ты все равно знаешь, что это неправда, — засмеялась Лиза.

Катя снова посмотрела на свое отражение.

— Конечно, знаю, — дружелюбно согласилась она. И тут же сменила милость на гнев: — Однако это не дает тебе права молоть всякую чушь, да еще спозаранку.

— Кстати, куда так рано?

— Молока надо купить, — Катя ненадолго задумалась и доверительно продолжила: — Знаешь, Лизавета, я, когда подрасту, тоже поставлю в коридоре вот такое зеркало. Чтобы без яркого света. А что? Правильная идея. Посмотрела перед выходом — и настроение себе не испортила.

— А как же правда жизни? — спросила Лиза, стараясь потянуть время. Ей нравилось наблюдать за сестрой: столько энергии, бодрости. И потом — она действительно красива!

— И почему все досталось тебе?

— Ну, во-первых, не все. — Младшая была великодушна. — Но если говорить о правде жизни...

Лиза ткнула ехидину в бок, обе захохотали.

— Катя! — В коридор заглянула мама. — Все перед зеркалом вертишься? Сколько можно!

— Исчезаю, — проворковала Катерина и на самом деле исчезла за дверью, на прощание шепнув: — Держись, сестрица.

Лиза же прошла в ванную и невольно всмотрелась в свое отражение. Да, не тот цвет, не тот размер. Ни тебе шарма, ни тебе изюминки, так... обычная славянская внешность.

— Просто свет яркий, — сказала сама себе и принялась чистить зубы. У нее никогда не было претензий к своей внешности. Что дано, то дано — в этом мире есть вещи поважнее. Так примерно рассуждала Лиза и ошибалась.

Мимо нее действительно можно было пройти, не заметив. Но, уж обратив на девушку внимание, забыть нежные линии ее лица, глубокие выразительные глаза было бы трудно. Весь ее облик — может, за счет светлых волос или голубизны глаз — казался светлым. Как и Катя, старшая обладала прекрасной фигурой. Однако Катерина с детства считалась признанной красоткой. А Лиза всегда оставалась в тени, сохраняя за собой репутацию девушки интеллектуальной, то есть, иными словами, занудливой и внешне малоинтересной. Да и сама она полагала, что ее сила не во внешности, а в чем-то гораздо более глубинном. Наверное, поэтому никогда не пользовалась косметикой, одевалась во что придется, главным в одежде считая удобство и опрятность. Так и повелось. Так все и привыкли.

— Лиза! — В дверь постучала мама. — Ты жива там? Завтрак уже на столе! Выходи!

— Ни минуты покоя, — вздохнула свежеиспеченная студентка и послушно вышла из ванной. Спорить с мамой было бесполезно. К этому тоже привыкли все.

Пока переодевалась, примчалась Катька. И сразу громко, но на ухо:

— Угадай!

Лиза невольно поморщилась:

— Ну что опять у тебя?

— Ну, кого я встретила? — Катя от нетерпения чуть пританцовывала. — Давай с трех раз.

— Юльку?

Энергичное мотание головой.

— Мимо.

Лиза, сощурившись, посмотрела на сестру. Конечно, она прекрасно понимала, что в такое радостно-возбужденное состояние ни одна из девочек привести Катю не в состоянии. Только кто-то из ребят. И даже знала кто. Однако угадывать не хотелось.

— Сдаюсь.

— Кирилла, балда! — Катя победно засмеялась. — У него сегодня последний экзамен. Знаешь, куда поступают умные люди?

— На юридический, — бросила Лиза равнодушно. — Пойдем завтракать, а то мама сейчас вой поднимет.

Немного разочарованная, Катерина поплелась за сестрой.

— Хотела бы я посмотреть на человека, который способен тебя растормошить, — бормотала она спине Лизы. — Хоть бы вид сделала.

— Зачем?

— Ради приличия. Чтобы другим приятно было...

— Не вижу необходимости, — отрезала Лиза. Она и сама не могла понять, почему ее охватило раздражение — на сестру, на маму, на весь мир.

— С утра — и уже цапаетесь?

— Все в порядке, мама, — натянуто ответила старшая дочь. Села за стол: спина прямая, лицо — неприцаемо.

Катя — полная противоположность: ноги вытянула, на стуле развалилась, рожицу скорчила.

— Как маленькие, — привычно проворчала Любовь Константиновна. И чуть погодя: — Какие на сегодня планы?

— Я с друзьями встречаюсь, — быстро ответила Катя.

— Опять?

— Каникулы ведь! Последний месяц остался...

— Именно поэтому я считаю, — тон матери стал категоричен, — что август вы вместе с Елизаветой должны провести в деревне у бабушки. Подышите свежим воздухом, фруктов, ягод поедите...

— Мам, — взмолилась Катя, — ты что! Это же тоска несусветная!

— У меня и без тебя голова кругом идет! Надоело, что ты целыми днями и вечерами где-то шляешься. Там хоть под присмотром будешь. Ты, Лиза, должна повлиять на сестру.

Лиза невольно усмехнулась.

Катя, расстроенная едва не до слез, вылетела из-за стола, недоев. Умчалась в комнату, и дверь за ней хлопнулась сердито, как сообщница.

— Вопрос решенный, — поставила точку Любовь Константиновна.

— Папа знает?

— Перед работой я ему обо всем сказала. И он полностью меня поддержал в этом вопросе.

— Мам, ты не на собрании, — Лиза встала из-за стола. — Я вымою посуду.

— Вся надежда на тебя, — вздохнула за ее спиной мама. — Я что-то последнее время очень беспокоюсь за Катерину. Вечно где-то пропадает, с кем она там проводит время, понятия не имею. Вдруг со швалью какой связалась?

— Мама! Ну о чем ты, — Лиза вдруг почувствовала, что устала. Бесконечно устала от навязываемой ответственности, от Каткиных взбрыков и маминых причитаний. На миг представилось: деревня, тишина, покой. И пусть себе Катька шляется, где ей вздумается. — Когда поедем?

— Послезавтра, — с облегчением проговорила Любовь Константиновна. Больше всего она боялась, что откажется старшая.

— Ну что ж, отлично, — улыбнулась та. — Значит, послезавтра.

2

Первые две недели августа были смыты дождем. Хныкающая Катька словно привезла непогоду с собой из Москвы. Дни были безнадежно похожи друг на друга. Катерина, измучившая и себя, и Лизу, и бабушку бесконечным нытьем, каждый день с садистским удовлетворением заводила:

— А я говорила, что мы тут с тоски помрем. Вот и получите, уважаемая Лизавета Никитична, по полной программе.

Но только слова ее били явно мимо цели.

Сестра наслаждалась жизнью. Шуршание воды по крыше приводило ее в восторг, свежесть совсем еще не холодных дождей будила неясные, будто из другой жизни, воспоминания: размытая беседка, склоненные к лицу мокрые блестящие листья глубоко-зеленого цвета, брошенная на скамейке раскрытая книжка с намокшими страницами... Лиза садилась на веранде у окна и смотрела на лужи, на исклеванный каплями пруд, на серое прекрасное небо.

Иногда к ней тихо подходила бабушка, несмело, с междометий, начинала разговор, что-то вроде: «Охо-хо,

ллет-то как, вот, помню, в двадцатом...» И только когда Лиза оборачивалась, Нина Григорьевна с готовностью присаживалась рядом и теперь уж только ждала вопроса: а что же такого было в двадцатом? А потом обстоятельно рассказывала внучке о прожитом и навсегда въевшемся в память.

Памятью Нина Григорьевна обладала удивительной. Она без труда могла вспомнить, во что была одета маленькая Лизочка, когда впервые ее привезли сюда, в деревню, на парное молочко. И как смешно выговаривала слова Катюшка, упорно путая буквы местами: вместо «окно» у нее получалось «онко», вместо «опять» — «отяп», вместо «пятки» всегда звучала «тяпка». И дальше, отматывая назад, бабушка рассказывала о своей дочери Любушке, которая ведь тоже была маленькой и уже в детстве показывала характер.

Но больше всего Лиза любила слушать воспоминания бабушки о ее молодости, прошедшей в далекой гоголевской украинской деревне, раскинувшейся на холмах, где когда-то было у Нины Григорьевны немалое хозяйство, где даже озеро и дубовая роща были названы ее фамилией.

Катя, иногда заглядывавшая на тонувшую в сером веранду, невнятно хмыкала и исчезала за дверью. Ей был совершенно непонятен интерес сестры к запыленным временам. Бесконечные беседы с бабушкой она объясняла ее сдвигом на исторической почве. Пожалуй, только раз младшую заинтересовал рассказ Нины Григорьевны. Было это под вечер, и Катерина совершенно измаялась от безделья. Читать она уже не могла, от телевизора — черно-белого, который, кряхтя, из последних сил ловил две программы, — тошнило. А чем еще себя

занять, представления не имела. Выглянула на веранду. Сидят. Лизка, закутанная в шерстяную, продранную на локтях древнюю кофту, с ногами на диване. И бабушка — в цигейковой жилетке, в чистом выглаженном платочке. Света не зажигают. Сумерки размывают очертания предметов, и если долго смотреть, то кажется, что и диван, и сидящие на нем парят в воздухе.

— Фу, черт! У меня от вас уже глюки начались!

— Не чертыхайся, — строго выговорила бабушка. — И уж не к ночи...

— Я в привидения и в черта не верю.

— А зря, — Нина Григорьевна поджала губы.

— Для того чтобы верить, надо руками потрогать, — Катя забралась на диван. — Подвинься, сестрица. — Отобрала кусок рукава необъятной кофты, накинула на плечи. Оказалось, уютно. — И о чем вы тут балакаете? — спросила с ехидцей.

— Бабушка рассказывает, как ее чуть не похитили, — довольно ответила Лиза: она знала — эта тема сестру зацепит. И точно.

— Ну да! Расскажи, ба! — поерзала младшая на диване, устраиваясь поудобнее.

Нина Григорьевна рассмеялась:

— Ты и в детстве, Катюша, так — обхватишь колено и: расскажи, ба, да расскажи.

— Ну, так как было дело?

— Глаза у тебя горят, Катерина, а история-то простая. Сватали меня за одного из нашей деревни. Жених — куда с добром. Родители согласны, засватали. А поехали с девушками в соседнюю деревню... я ведь в хоре пела... — Нина Григорьевна замолчала, глазами ушла в прошлое.

— Ну а дальше?

— Кать, не торопи человека.

— А дальше на следующий день приехал Степан. Ну, из той деревни, где пели. И сразу ко мне: выходи за меня, и все. Я ему: так ведь засватали. А он: ну так я тебя украду.

— Ух ты, — прошептала Катька. — И что?

— Что! Приехал с парнями, караулил у колодца, все ждал, когда выйду.

— А ты?

— А я дома просидела, даже к окну не подошла.

— Ну... — разочарованно протянула Катя. — Испугалась?

— А ни к чему мне это было, — ответила Нина Григорьевна и плечом повела. В движении этом Лиза уловила давнее кокетство и вдруг ясно увидела, какой когда-то была ее бабушка.

— И ни разу не пожалела? — не унималась Катька. — Неужели за всю жизнь хоть разочек не подумала: а вот если бы я тогда убежала...

— Да на что? — искренне удивлялась бабушка.

— Ты бы сбежала, Кать, скажи, — вставила Лиза.

— Да уж ни минуты не сомневалась бы!

— Ох, Катерина, Катерина, наживешь себе беды, — вздохнула бабушка. — Ну, ужинать, да и спать. А завтра опять посумерничаем.

Но на следующий день как-то наотрез кончились дожди — словно кто воду выключил. Выглянуло умытое солнце, и сразу обнаружилась куча дел. Прибрать двор, собрать яблоки, наварить варенья. Лиза с удовольствием ходила по мокрому саду, ойкала, когда вода с листьев скатывалась за воротник, легко злилась на ветки,

цепляющие волосы... Старалась не наступать на яблоки, которых упало с веток за время дождей немало. Если вдруг под ногой раздавался сочный ароматный хруст, вздрагивала и всякий раз невольно думала: яблоку больно.

Катя два дня честно, с постной физиономией, помогала. А на третий — пропала. Сразу после завтрака откуда ни возьмись к ним заглянула соседская девчонка, помялась на пороге и, не войдя в дом, робко спросила:

— А Катя выйдет?

Лиза сначала вскинулась — дел у нас полно! — но, видя одновременно упрямое и просительное выражение лица сестры («Только Катька так может!»), тут же сдалась. И лишь когда младшая радостно убежала на улицу, запоздало поняла, почему так не хотелось отпускать сестру с соседкой. Уж больно глаза у той бегали, прятались будто, в памяти всплывало забытое русское слово: шельма.

Однако беглянка, пришедшая обедать, имела такой счастливый вид, что у Лизы просто язык не повернулся сказать: никуда больше не пойдешь. Все-таки последние дни каникул. Если самой интереснее сидеть дома да в саду, резать яблоки и мешать выструганной палочкой варенье в тазу, то это еще не значит, что надо заставлять сестру делать то же самое. Попробовала спросить у бабушки, что за человек эта Аленка, но ответа внятного не получила. Говорят разное — и весь сказ.

Вечером Катя вернулась, когда уже спали. Лиза сквозь сон услышала, как крадется сестра, как в темноте задела стул, чертыхнулась шепотом и затем минуты три стояла, стараясь уловить: не разбудила ли домашних. Наутро, конечно, соврала, что пришла в двенадцать, ну,

может, чуть позже. Бабушка с Лизой только переглянулись: обе знали, что было три часа ночи.

То же повторилось и на другой, и на третий день. На четвертый вечер в доме наступило тревожное молчание. Ужин прошел скомканно и как-то воровато: старались не говорить о Катерине. В девять часов Лиза не выдержала.

— Ба, ну скажи, надо Катьке объяснить, что не дело это — гулять целыми днями и ночами, причем неизвестно с кем.

— Надо-то надо, Лизочка, — Нина Григорьевна вздохнула, — только не послушается она нас.

Помолчали.

— Не нравится мне это.

— А может, зря мы тревожимся?

— Зная Катерину, так и ждешь, что она во что-нибудь вляпается! — Лиза вскочила на ноги неожиданно бодро. — И ведь что интересно! Мне же потом и влетит. — Она обернулась к бабушке с веселым изумлением, за которым сквозила тревога.

— Не суетись, — бабушка старалась быть рассудительной. — Дело молодое, может, ей приглянулся здесь кто. У нас ребята есть хорошие...

— Вот этого я больше всего и боюсь, — Лиза присела перед бабушкой на корточки. Сказала доверительно: — Я однажды видела, как Катька в подъезде целовалась с парнем. По-настоящему, понимаешь? И я видела, как он ее трогал. А было тогда ей, — выдержала вполне театральную паузу, — пятнадцать лет. — И встала во весь рост, ожидая эффекта.

— Тоже мне дело! — вдруг фыркнула бабушка. — Я в шестнадцать уже Любушку родила.

— Вот что, — медленно и внятно произнесла Лиза. — Пойду-ка я ее поищу. — И стала одеваться.

— Ты, Лиза, поосторожнее там, — Нина Григорьевна засуетилась, сунула внучке кофту, попыталась навязать платок, но встретила решительный отпор. — Никуда не лезь. Катенька-то сорванец. Ей что! А ты нежная. Катюшу и обидеть непросто, а ты ведь только с виду грозная...

Она еще что-то говорила, говорила... Лиза уже шагнула с крыльца на шуршащий гравий, слова бабушки остались за спиной, в проеме света, слились с вечером, и девушка, не оглядываясь, вышла за калитку. За спиной скрипнула дверь, стало темнее.

Сделала несколько решительных шагов и остановилась. Было пасмурно и неуютно. По всклокоченному небу бежали облака, пряча ущербную на один бок луну, деревья густо шумели — совсем осень.

— Ну и куда я пойду? — тихо вслух сказала Лиза. — Катька, черт.

Постояла, пооглядывалась; глаза привыкли к темноте, и за ивами в овраге стал заметен огонек. Набрав воздуха, зашагала смело и решительно в сторону костерка. Однако шаг замедлился, а походка машинально сделалась крадущейся по мере того, как приближалась к месту. Она уже могла различить слова.

— Дай еще, Шершавый. Вот, блин, перебор, блин!

— Скидывай башмак, Суслик!

— Сдавай еще!

— Сдаю, сдаю. А ты, Катюх, не замерзла еще? Погреть не надо?

Послышался смех, немного, показалось Лизе, нервный.

— А ну как проиграешь еще пару раз? Тогда как? Кто первый греть будет?

Лиза не заметила, как остановилась. Теперь было ясно: их трое, играют в очко. И с Катькой как-то неладно.

— Давай, Шершавый, карты, много болтаешь. — Это Катька.

— Держи, дорогуша.

Стало тихо, шелестели карты.

— Еще... Еще...

— Ну, что же замолчала, Катерина?

Какой вкрадчивый мерзкий голос, отметила Лиза. Она никак не могла сдвинуться с места.

— Перебор.

Снова смех. Аж захлебываются.

— Кофточку позвольте, барышня.

— Да у меня под ней...

«Господи! — ахнула Лиза. — Да они на раздевание играют!»

Думать стало некогда. Она вступила в круг света.

— Катерина! Быстро одевайся и домой!

На Лизу глянули три пары глаз. Растерянные и в то же время полные пьяного удалства — Катины, чуть испуганные и бегающие — длинного тощего пацана (Суслик — безошибочно определила Лиза) и залитые веселой похотью — принадлежащие взрослому, самоуверенному красивому парню.

Шершавый! Их взгляды скрестились. «И кличка какая-то гадкая», — невольно подумала Лиза.

— Присаживайтесь к огоньку, девушка, нам как раз четвертый игрок нужен, — Шершавый говорил, растягивая слова, словно вбивал колышки. Взглядом медленно ощупывал ее глаза, рот, шею, грудь...

— Катя! — Лиза с презрением отвернулась. — Домой. Быстро.

Она говорила спокойно и уверенно, кожей ощущая опасность и в то же время свою силу и способность справиться с ситуацией. Катя послушно вскочила, пошатнулась, но на ногах устояла. Дернула из рук Суслика свой свитер, сняла с его плеча ремень, подхватила с земли кроссовки, пробормотала:

— Пока, ребятки, — и уж совсем по-детски ухватилась за руку сестры.

Лиза повернулась и, заставляя себя не торопиться, направилась к дому. В затылок ей, не мигая, смотрел Шершавый. Когда они с Катей отошли на несколько шагов от костра и стало зябко и совсем темно, но зато безопасно, услышала отчетливую негромкую фразу, посланную ей в спину:

— Встретимся еще, Елизавета Никитична.

— Лиза, Лиза, послушай меня! Я так хочу, чтобы ты поняла, ведь никто больше не способен и никому я не смогла бы вот так, открыто, как тебе сейчас, сказать самое-самое... И не знаю, будет ли еще когда случай. Вот теперь в темноте, когда глаз не видно, когда чувство такое, что можно сказать все и ты поймешь меня, я прошу тебя — выслушай...

Было два часа ночи. Лиза уже крепко спала, когда в ее сознание стал проникать сильный шепот. Она открыла глаза и долго смотрела в черноту, застыв, боясь выдать свое волнение. Около ее постели то ли на корточках, то ли на коленях пристроилась Катя и горячо шептала почти в ухо, и не слушать ее было невозможно.

С того злополучного вечера, когда Лиза выгнала сестру из компании игроков, прошло четыре дня. Все это время она с Катей не разговаривала, мучая молчанием не только бабушку с сестрой, но и в полной мере себя. В доме прочно установилась тяжелая атмосфера неприятного напряжения. Хотела наказать бойкотом Катерину, а вышло — всех. Нина Григорьевна притихла, постоянно старалась занять себя делом, не попадаться на

глаза девочкам, а главное — не оказываться в густом молчаливом пространстве, когда хочется что-то сказать, но убей Бог — не знаешь что. Неловко было всем.

И вот ночью — настойчивый шепот.

— Лиза, Лизка, ведь не спишь уже, я же чувствую.

— Катька, ну как ты могла, — старшая резко повернулась на бок и чуть не стукнулась лбом о подбородок сестры. Прыснули. — Ты же с такой дрянью связалась. — Напряжения как не бывало.

— Понимаешь, меня словно тянет туда. Нет-нет, ты послушай, — Катя удержала Лизу от нетерпеливого жеста. — Во мне будто живет черный паук. И вот он будто опутывает меня сетью. Я чувствую его, как я его чувствую...

— Тише, тише, бабушку разбудишь.

— Ты знаешь, когда я стараюсь его давить, он уходит, но не совсем. А потом снова опутывает, и тогда меня несет. Я когда с этими ребятами играла, Лиз, ты не поверишь, одна часть меня — большая-большая! — так мечтала проиграть. Чтобы уж до конца — раздеться, лечь под них, пропасть, а уж потом самой себе разборки устраивать. Я ж видела, как они смотрели на меня. И ты думаешь, меня это пугало? Нет! Меня это заводило. Заводило, Лизка!

— Катя, Катечка, что ты...

— А потом становится страшно. Да нет, я не ребят этих боюсь. Мне от себя страшно. Потому что не знаю я, представления не имею, что смогу выкинуть в какой-нибудь такой момент. А еще страшнее оттого, что это мне может понравиться. Вот так-то, Лизавета, — Катя прерывисто вздохнула. — Боишься меня? — спросила своим привычным задиристым тоном.

— Нет, Катька. Жалею.

— Жалеешь? Как это?

— А ты представь: не окажется рядом никого, кто сможет схватить тебя за хвост, и что? Обломаешься, свалишься и найдешь себя потом в такой грязи, что и не отмыться никогда. Растеряешь всех. И себя, себя потеряешь.

Долго молчали.

— И вы все перестанете меня любить, — задумчиво проговорила Катя. — И тогда я заболею от тоски и умру. И никто не придет проводить меня в последний путь. — И вдруг тихо-тихо затишула: — Пара гнедых, запряженных зарею...

Первой не выдержала Лиза, сдавленно в подушку засмеялась, за ней, давясь, захохотала и Катя. Стало неожиданно легко, и недавний страх исчез. Лиза почувствовала себя в детстве: когда Катя вот так же подползала к ней и делилась своими горестями и обидами — на ушко, стараясь говорить тихо, но постоянно срываясь на обиженный плаксивый полукрик-полушепот.

— Еще немного, и я подумаю, что ты меня разыграла, — сказала, улыбаясь, старшая сестра.

Но младшая вздохнула — совсем по-взрослому.

— Хорошо бы. — Немного помолчала, успокаиваясь. — Ты мне никогда этого разговора не припоминай, договорились?

Лиза всмотрелась в темное лицо Кати. Ночь, казалось, посерела, но это просто глаза привыкли к темноте.

— Договорились.

— Тогда я пойду. — Поднялась на ноги. Махнула рукой и скрылась за дверью.

Лиза откинулась на подушку, но сон пропал. Тогда,

распахнув глаза в темноту, стала вспоминать школу, друзей, вечеринки, танцы, капустники — все подряд... Но почему-то в мысли вкралось что-то липкое, черное, мешало и спать, и мечтать, обратило все воспоминания в фальшь. Постепенно стало и вовсе немого. Подумалось, что все зря. Никому не нужно. Умрем — и ничего, ни-че-го не будет. Ни радости, ни боли, ни цветов, ни бабочек, ни этих желтоватых обоев и старой лампы с зеленым абажуром на столе. Ни одной моей мысли. Меня. Меня не будет.

Ей стало по-настоящему жутко. Тоска охватила режущая, прямо предсмертная.

Резко села в постели. Провела рукой по лбу, покрытому холодным потом.

— Да что это я, — пробормотала вслух. — Успокойся. Ну пожалуйста.

Снова легла. Сердце стучало гулко. Решила думать о чем-нибудь приятном. Почему-то всплыло перед глазами лицо Кирилла, друга детства, одноклассника. Вспомнилось с неожиданной яркостью и показалось родным. Таким родным.

— Как странно, — прошептала Лиза, уже совершенно успокоенная. Мысли улетали, мешались.

Вскоре она заснула, но на губах еще некоторое время держалась улыбка. Лиза была уверена, что увидит светлый прозрачный сон. Однако приснился ей омерзительный паук с глазами Шершавого.

— Свидимся еще, — шипел паук, надвигаясь. — Свидимся, Лизавета, сочтемся, — и пасть его истекала паутиной слюной.

Закатилась за горизонт последняя неделя лета, до начала учебы оставалось совсем немного, но погода стояла такая безмятежная, что решено было уехать в последний день августа. Ночной разговор съел ссору, и в доме поселились дружелюбие и веселье. И уж никому не хотелось портить предотъездные часы.

И Лиза, и Катя почти все время проводили с бабушкой, от близкого и неизбежного расставания всем было грустно, однако делали вид, что разлуки в ближайшее время не предвидится, много шутили, смеялись по пустякам — печаль старательно оставляли на последнюю минуту.

Именно эта, последняя, неделя сильно сдружила их. Лиза не раз думала: без того темного вечера не было бы сейчас такого абсолютного понимания, такой неомраченной детской веры в лучшее и только светлое. Катя переменилась. Пропала ее ершистость, она охотно и много помогала по дому, готовила невероятные по изобретательности обеды, чистила кастрюли и — опять же — помешивала палочкой варенье в тазу. Во всем соглашалась с бабушкой и сестрой, в общем — стала гладкой.

Лиза исподтишка наблюдала за младшей, старалась понять, насколько естественны перемены, и видела — они не напускные. Однако оставался вопрос: надолго ли этой гладкости хватит? То, что сказала Катерина тогда, ночью, шло из самой глубины ее натуры. Один вечер переделать человека не может. Лиза и раньше всегда ожидала от сестры самых дерзких и неожиданных поступков, с детства. Катька, забавляясь, могла пойти на самый отчаянный риск. Например, не умея плавать, прыгнуть с вышки; толком не научившись кататься на горных лыжах, залезть на самый крутой склон или, того хуже, махнуть с трамплина. У Лизы сердце замирало так, что казалось, уже и не начнет стучать вновь, — а Катька встанет, отряхнется, волосы назад откинет и скажет свое коронное: «Классно!» И ведь всегда выходила сухой из воды. Решись Лиза на самую невинную из выходов сестры — костей бы не собрала, а с той все как с гуся вода.

Вот и сейчас: сидит на неоструганной хромой скамейке, чистит кабачок. Ловко, быстро, даже красиво. Загорелые длинные ноги в коротких вытертых шортах, полинялая старая майка, волосы схвачены обычной черной резинкой — а как смотрится! На миг Лизе вдруг стало завидно от мысли, что сама она никогда не будет такой — легкой, беззаботной, сумасбродной... Катя, наверное почувствовав пристальный взгляд, вскинула голову, глазами спросила: что-нибудь нужно? Лиза покачала головой, уткнулась в миску с очистками и неожиданно подумала: «Плюс ко всему к ней еще ничего не прилипает. Ни грязь, ни пошлость, ни сплетни. Ничего». Вспомнила, как вчера, выйдя за калитку, невдалеке увидела Шершавого. Практически все вечера он ошивался возле их

дома. Быстро вернулась, сказала Катьке: «Не ходи никуда, там снова этот подонок бродит». «Какой? — спросила та. — Ах, этот! Ну и пошел бы он подальше». И все. Начала рассказывать анекдот. Будто и не с ней все было.

— Удивительная ты натура, — вслух уже сказала Лиза, вставая со скамейки. — Но что-то в тебе есть. — Потянулась, подставила лицо солнцу. — Хорошо-то как!

— Слушай, Лизавета, мне тут мысль одна забрела в голову. — Катька выжидательно помолчала. Подождала, когда сестра повернется к ней, оставив в покое солнце. — Давай почаще сюда приезжать. Даже на выходные.

Лиза так удивилась, что не сразу нашлась с ответом.

— Что это с тобой? — спросила испуганно. — Солнечный удар?

— Я серьезно. — И правда: Катерина не улыбалась. — Я знаешь о чем подумала? Мы в Москве все-таки вместе, а бабушка здесь всегда одна. А мама, как тебе известно, не большой любитель деревенской жизни.

— Катерина, — Лиза снова села, — я хочу знать, что происходит. Либо ты взрослеешь, либо существуют причины, по которым тебя больше не пугают ни два часа на электричке, ни отсутствие тусовок, подружек и ухажеров.

— Ну, есть еще одна причина, — Катя показательно потупилась.

— Говори же!

— Ты заметила, — зашептала младшая, доверительно наклонившись к сестре, — как мы здесь похорошели?

— Да ну тебя! — Лиза слегка хлопнула ее по плечу. — Я и правда подумала, что ты всерьез.

— Я всерьез.

Катя встала, ополоснула в ведре гладкий длинный овощ. И только сейчас Лиза обратила внимание, что сестра как-то непривычно задумчива.

— Случилось что-то? — спросила тихо, боясь услышать плохую новость.

— Да нет, ничего особенного. — Катя пожала плечами. — Просто когда я сегодня встала, было еще очень рано. Бабушка уже не спала. Я услышала из ее комнаты, как она молится. О нас молилась. И как-то мне не по себе стало. Знаешь, вдруг представилось: случается что-то, а она здесь одна, совершенно одна. Страшно.

Катя говорила быстро, словно торопилась избавиться от слов, разделить внезапно появившийся груз на двоих.

— Странно, мы никогда об этом не говорили, — сказала Лиза. — Сколько себя помню, всегда так: бабушка в деревне, потому что ей там лучше, — и дело с концом.

— Вот-вот, — подхватила будущая звезда экрана. — А молитва у нее была... знаешь... в общем, я поняла, что ей очень одиноко.

— Наверное, здесь все воспринимается по-другому. В Москве такие мысли ни за что не пришли бы в голову.

— Точно, — согласилась Катя. — Больше того: в Москву вернемся, а эти мысли останутся здесь.

— Сити и не такое сжирает.

Неожиданно громко и резко постучали в калитку. Девочки разом повернули головы и увидели лохматую голову Аленки.

— Никуда не пойду! — тут же, не дожидаясь вопроса, крикнула ей Катя. — Ломают идти!

— А у меня дело к твоей сестрице, — ухмыльнулась соседка.

— Вот еще, — растерялась Лиза. — Дело какое-то.

— На вот, возьми, — и Аленка помахала рукой с зажатой бумажкой.

Скорее машинально, чем из любопытства, Лиза взяла листок. Сзади заглядывала через плечо нетерпеливая Катерина.

«Уважаемая Елизавета Никитична! Добром прошу сегодня в семь вечера выйти к колодцу. Потолковать надо». И подпись: Анатолий.

— Это еще кто такой?

— Шершавый.

— Ответ будет? — Аленка топталась у калитки.

— Пошли его сама знаешь куда, — бодро ответила за Лизу Катерина.

— Нарывается, — тихо проговорила Аленка и, не торопясь, вихляющей походочкой пошла прочь.

— Слышь, Лизавета, — Катя ткнула сестру в бок, — гены — великая вещь.

Лиза, которая стояла в неприятном оцепенении, сначала непонимающе уставилась на Катю, но почти сразу вспомнила рассказ бабушки — рассмеялась.

Быстро подступил вечер. Вообще эти последние дни летели стремительно — словно кто-то отпустил пружину. Только и слышны были (казалось, каждую минуту) далекие сигналы точного времени (у соседей всегда было включено радио). Дни, конечно, сократились. Может, и от этого впечатление создавалось такое, что не ус-

певает разгореться полдень, а уже наступают сумерки. Нина Григорьевна по вечерам, устроившись на крыльце на складном стуле и давая ногам короткую передышку, смотрела на заходящий красный шар, покачивала головой и приговаривала:

— Как темнеть-то рано стало, и не заметили — лето прошло.

И правда: по вечерам хотелось натянуть кофту, и босиком уже никто не ходил.

— Ничего, ба, — бодро говорила Катя. — Не успеешь оглянуться — опять лето наступит. Что там осталось? Осень да зима. А весной уже веселее.

— Весной — самая работа. Скучать некогда, — кивнула Нина Григорьевна. — Летом-то приедете? — спросила осторожно.

— А то! — Катерина присела на ступеньку крыльца. — Раньше приедем.

Скрипнула дверь, словно скрепляя слова, высунулась голова Лизы, а вместе с ней выплеснулся яблочный дух. Весь день собирали яблоки и, не найдя другого места, свалили их на веранде. Теперь казалось, что и стены пропитались тонким ароматом.

— Как насчет ужина? — спросила Лиза.

— Всегда! — вскочила на ноги Катя.

— Тогда тебе за водой, — и Лиза всучила на миг растерявшейся сестре ведро.

— Тогда вместе! — запротестовала та.

— И правда, девочки, вам же легче будет, — Нина Григорьевна тоже встала. — Я пока на стол накрою.

Спустились с крыльца. Катя откинула щеколду, и тут, вспомнив что-то, стукнула себя по лбу:

— Какой час?

— Что-то около восьми. А что, врач запретил тебе в это время суток носить воду?

— Лизка, балда! — громко зашептала Катерина. — Там же Шершавый у колодца! Забыла?

— Ах, черт! Что же делать? В доме воды ни капли. Ах, я клуша, совсем вылетело из головы.

Постояли в нерешительности.

— А может, он свалил уже? — с надеждой сказала Катя. — Что ему там, всю ночь торчать? Увидел — нет тебя, и отчалил.

— Скорей всего, — кивнула Лиза, но с места не сдвинулась.

— Ладно, пошли, — вздохнула Катерина. — Вода все равно нужна.

Стараясь ступать как можно тише, как будто от этого они станут менее заметными, девочки направились к колодцу. Идти было совсем недалеко, только завернуть за угол. Обогнув крайний на улице дом, и Лиза, и Катя, как по команде, стали. Всмотрелись в густеющие сумерки.

— Вроде никого.

— Точно, никого.

Гораздо смелее подошли к колодцу. Действительно, никого. Катя деловито опустила ведро. Оно загремело, стучаясь о стены. Потом раздался всплеск. Катерина заглянула вниз, чуть приподняла ведро за цепь, снова бросила — оно ушло под воду.

— Да тащи скорее, — поторопила ее Лиза и в ту же секунду услышала насмешливый голос:

— Может, подмогнуть требуется?

Лиза обернулась не сразу, сначала постаралась взять себя в руки. Потом буркнула: «Справимся». Больше

всего она боялась, что Шершавый пришел с друзьями, и прикинула, как лучше поступить: бежать со всех ног к дому или кричать что есть сил.

Затем сделала над собой усилие и смело повернула голову.

Шершавый вроде был один. Стоял, небрежно облокотившись о ствол березы, покуривал и с усмешкой на них поглядывал. С Кати вмиг слетела вся решительность, она стояла с растерянным видом.

— Отойди, Катюха, в сторону. Мне пару слов надо твоей сестре сказать.

Катя беспомощно посмотрела на сестру.

— Говори при ней. — Лиза постаралась вложить в голос как можно больше строгости, но вышло жалко — во рту пересохло.

— Да что вы, ей-Богу! — неприятно засмеялся Шершавый. — Не трону я вас. Отойди, Катерина.

Катя все-таки отошла и стала, напряженно прислушиваясь. Шершавый оторвался от березы и медленно приблизился к Лизе.

— Ну, вот что, Елизавета Никитична, — тихо начал Шершавый. — Не люблю я, когда меня лишают удовольствия. Раз. Не люблю, когда ждать заставляют. Два. А уж когда посылают подальше, не люблю вовсе. — Чем больше он говорил, тем ближе придвигал лицо, при последних словах девушке пришлось отклониться. — Вот что я хотел сказать, — губы его шевелились прямо около щеки Лизы, выдыхая смесь перегара с табачным дымом.

«Еще немного, и мне станет плохо», — возникла отрешенная мысль.

— Не лезь ко мне, поняла? — Шершавый, судя по

всему, заканчивал речь. — И не учи. А то как бы мне не пришлось тебя кое-чему поучить. — Последнее слово сказано. Стало быть, сейчас он уйдет и неприятность можно считать исчерпанной.

— Все? — Вопрос прозвучал немного надменно. И, испугавшись, что парень отреагирует на интонацию чем-нибудь неприятным, Лиза взглянула прямо ему в лицо. Надеялась, что без испуга. Почему-то вспомнилось: если не хочешь, чтобы тебя покусала собака, не показывай, что тебе страшно.

Шершавый тенью нависал над ней. Здоровый, гад.

— А ты ничего, — он с неподдельным и благожелательным интересом рассматривал Лизу. — Смелая. И с лица очень даже ничего.

Лиза не успела опомниться, как ощутила на своей щеке его ладонь. Она оказалась теплой и совсем не грубой.

— Ладно, живи пока.

Когда Шершавый убрал руку, в глазах его уже не было ни злобы, ни угрозы. Развернулся, расправил плечи и медленно, словно наслаждаясь вечерней прогулкой, пошел прочь.

— Счастливо оставаться!

Катька подбежала, схватила за плечо:

— Чего говорил-то?

— Чушь всякую молот, — махнула рукой Лиза. — Пойдем, бабушка небось волнуется уже.

— Ну а все-таки, — не отставала сестра.

— Да ерунда все. Угрожал чего-то. Ерунда! — Лиза набрала воды, подхватила ведро и решительно пошла к дому, про себя удивляясь, что не испытывает к Шершавому ни злости, ни обиды, ни даже раздражения.

— Какая ты, — бормотала Катька. — Мне же интересно, — она тащи́лась сзади, на ходу перекладывая ведро из одной руки в другую: железная дужка резала ладонь и было тяжело.

Ветер подхватил с земли первые опавшие листья, поднял в воздух, закружил. Зашумели ивы. Пруд сморщился, как от головной боли, повеяло свежестью.

Сестры поспешили в дом. Ветер сразу рванул открытую дверь, вода из ведра льдисто обожгла ногу.

— Вот ведь, — сказала Лиза. На минуту задержалась на пороге, вдохнула яблочный воздух, закрыла глаза. Ветер совсем разлахматил ее волосы.

— Проходи же, — слегка подтолкнула ее Катя. — Что застряла?

Она сосредоточилась, стараясь ненароком не пролить на ноги холодную воду, и потому не видела, какое счастливое лицо в этот момент было у Лизы.

Звонок звучал нетерпеливо. Надрывался. И как только дверь открылась и в квартиру ввалилась Катя, вместе с ней ворвались и ее громкие причитания:

— Холодно-холодно-холодно...

— Лучше одевайся потеплее, а не ори, — спокойно заметила Лиза. — Мама узнает, что ты без шапки ходишь, вкатит тебе по первое число.

— А ты не говори, она и не узнает. — Зубы у Кати никак не могли остановиться — стучали.

— Что новенького?

— Чаю дай горячего, расскажу.

Катя шмыгнула в ванную, пустила горячую воду, сунула руки, громко выдохнула: «Классно!» — и замерла.

— Слышь, Лиз! Как ты посмотришь на то, если я сзову друзей на свой день рождения?

— Да как тебе сказать. — Лиза нахмурилась. — У меня же сессия...

— Отдохнешь вечером, а? — показала заискивающую физиономию Катерины.

— О Господи. — Лиза вздохнула. — Конечно, ты меня уговоришь. Но как нехстати!

— За это можешь мне ничего не дарить.

— Я, к сожалению, не принадлежу к тому типу людей, которые все оставляют на последний день, — наставительно произнесла Лиза. И не удержалась: — В отличие от некоторых.

— А что? Что ты мне подаришь? — тут же пристала Катя. — Ну скажи, ну пожалуйста, ну что тебе стоит. Давай я буду отгадывать, а ты только говори: да или нет.

Лиза уничтожающим взглядом окинула сестру с ног до головы:

— Семнадцать лет девке исполняется, а ума и на десять не хватит.

— Ну что ты прямо! — Катя отлично знала, что ни за что не добьется ответа, и тем не менее каждый год эта сцена повторялась. Причем всякий раз Катя надеялась на чудо: а вдруг Лиза сдастся? И не столько был интересен сам подарок, хотя и это тоже, сколько поединок — кто первый уступит. — Тогда бы лучше и не говорила, что уже купила подарок! — надулась Катя. Но и это было бы нарушением традиции: Лиза любила подразнить сестру.

Засвистел чайник. Катя подошла к плите, скорее по инерции подержала руки над газом — уже совсем согрелась, стала заваривать себе чай.

— Есть будешь? Или опять худеешь?

— Пару бутербродов съем, — Катя залезла в холодильник, выгостила сыр, колбасу, масло, джем, помидор, ветчину, соленые огурцы, нарезала хлеба.

— Может, проще тарелку супа? — нерешительно предложила старшая.

— Да ну! Лучше присоединяйся!

И Катя так аппетитно стала уплетать многослойный бутерброд, что сестра не выдержала, положила учебник на подоконник, села напротив и сделала себе такой же: хлеб, масло, кусочек ветчины, кружок помидора, сыр, колбаса и сверху в виде восклицательного знака — соленый огурец.

— Что у тебя-то новенького? — с набитым ртом спросила младшая.

— Учу, — последовал невнятный ответ.

— А новенького-то что?

— В каком смысле?

Катерина укоризненно посмотрела на сестру:

— Что-то я тебя не пойму. Кто из нас учится в университете? У тебя сейчас жизнь должна фонтаном бить!

— Она и бьет, — ответила Лиза. — Знаешь, сколько учить надо?

— Ты безнадежна, — Катя с чувством прикончила бутерброд. — Еще по одному?

— Давай!

— Ты как будто тоже без обеда, — проговорила Катя, сооружая съедобные пирамидки.

— Я тебя ждала.

— Тогда, может, супчику?

— А что? — невинно сказала Лиза. — Что нам, красивым девкам...

И пока ели, обжигаясь, горячий суп, Катя рассказывала школьные новости, а Лиза с удовольствием слушала. Ей иногда казалось, что она добровольно поместила себя в безвоздушное книжное пространство. И только Катя, словно на свидания к узнику, пробивалась к ней: приносила новости, байки, свежие анекдоты.

Жизнь улицы врывалась, трепала книжные страницы, а потом снова — библиотечная тишина и уединенность.

Сегодня Лиза узнала массу интересных вещей. Оказывается, Ленка Горохова из Лизино класса, беспроектная троечница, неделю назад выскочила замуж. Но в этом не было бы ничего особо интересного, если бы не проблема с подвенечным платьем. Ленка, по словам Кати, полная дура, настояла на обтягивающем декольтированном наряде, поэтому ее пятимесячный живот выпирал, как баскетбольный мяч. Светка Бойко, томная красотка из параллельного класса, завалив экзамены в Институт иностранных языков, пристроилась, наконец, секретарем-референтом в рекламную фирму, рассказывает, что уже спит с шефом, что ее тошнит от него, но зато что ни неделя, то новая шмотка. А Юлька (это уже подружка и одноклассница Катки) нашла себе нового поклонника. У него и машина есть, и денег куры не клюют, и он уже водил Юльку в самое настоящее казино.

— Она ему пять сотен там проиграла. Врет, наверное. Ты его увидишь, если не сбежишь в свою библиотеку. Я их пригласила на день рождения.

— Так ты что, — опешила Лиза, — уже и гостей назвала?

— Ну, — Катя замялась, — пока немного. Только своих.

— И сколько?

— Человек пятнадцать...

Лиза вздохнула. Посидела молча. Опять вздохнула:

— Лучше библиотека.

— Да брось ты! — Катя обиделась. — Только и знаешь, что зубрить. Почему бы тебе не отвлечься не-

много? Потанцевать? Потрепаться? Да и помощь твоя нужна будет.

— Вот с этого и надо было начинать, — Лиза поняла, что начинает злиться. — А меня ты спросила? Мне это надо? Пусть твоя Юлька посуду за этой оравой моет! А я твоих друзей и не знаю толком.

— Там будут и такие, которых ты знаешь, — тихо сказала Катя, уже не надеясь, что сестра ей поможет. И кто за язык тянул?

— Кто же? — по инерции поинтересовалась Лиза.

— Ну, Кирилл, например, — не глядя на нее, ответила Катя.

Лиза осеклась. Имя прозвучало неожиданно. Она вдруг поняла, что очень давно не видела Кирилла и не вспоминала о нем. А когда прозвучало его имя, в сердце будто гвоздик вонзили и повернули.

Боясь выдать волнение, встала, начала убирать посуду со стола. Сестра сидела потупившись, комкала салфетку.

— Не обижайся, — Лиза зашла за спину Катерины. — Я подумаю. Может, мне действительно пора сделать небольшой перерыв, а то совсем на человека перестану быть похожей. Только устраивай вечеринку не накануне экзамена.

— Естественно! — Катя вскочила, всемирной тоски как не бывало. — Я тебя люблю, Лизавета! — чмокнула сестру в щеку. — И за то, и за это! — И умчалась к себе в комнату.

— А мама-то знает? — опомнившись, крикнула старшая вдогонку.

— Уговорю! — был ответ.

«И точно, уговорит. Кого хочешь», — подумала Лиза и снова взялась за учебник.

День рождения был в разгаре. Именинница не только легко уговорила маму, но и умудрилась отправить родителей в гости. Здесь, правда, свою роль сыграл авторитет сестры: как только мама узнала, что Лиза тоже будет принимать участие в этом частичном разгроме квартиры, так сразу и успокоилась.

Она надеялась, что старшая дочь никакого безобразия не допустит.

Но мама явно переоценила ее возможности. Начиналось все тихо и обычно. Народ стал подтягиваться к пяти. Первыми пришли неразлучные подруги из Катиного класса: Лариса, Томка и Нина. Были немедленно отправлены на кухню, где последними приготовлениями руководила Лиза. Виновница торжества в это время докрашивала глаз. Когда стол был накрыт, показалась именинница в новом красном платье, не по сезону открытым, но тем более сногшибательном. Лариса сразу скисла и мысленно ругнула маму, которая заставила ее надеть глухой свитер.

— Сойдет, — одобрила Лиза. — Пойду тоже переоденусь.

Когда она заправляла рубашку в джинсы, снова переливчато зазвенел дверной звонок, и появились штатные поклонники Кати: Коля и Сержик, и с ними вместе независимый Костя. Костей сразу занялась Лариса, которая поставила себе непростую задачу — до конца учебного года задурить ему мозги.

Все расселись на диване перед столом, стали перебрасываться шуточками, кося глаза на салаты и веж-

ливо ожидая прихода остальных. Вскоре показался Кирилл со своим новым университетским другом Димой Венгеровым, представленным как Венгр. Катя порхала между гостями, словно яркая бабочка, Лиза в уме пересчитывала, хватает ли приборов, и все время сбивалась со счета. Под конец появился классный остряк Клопик, прозванный так за небольшой рост и едкость, — без него не обходилась ни одна вечеринка. Затемплыла Юлька, распространяя вокруг себя новомодный запах французских арбузов, а за ней — поначалу закрытый от любопытных глаз корзиной цветов — тот самый Артем, о котором все уже были насышаны.

— Видала? — шепнула Катя сестре, не в силах скрыть восхищения. А Артему, чинно принимая от него корзину: — Спасибо за цветы.

— Поздравляю.

Артем оказался невысоким плотным молодым человеком лет двадцати трех-четырех. Большинство оценило его как мужчину вполне преклонного возраста.

— Я сейчас вернусь, — басом сказал он Кате и снова исчез за дверью.

Гости недовольно, хотя и негромко, зашумели. Но Артем не заставил себя долго ждать. Юлька едва успела сделать загадочное лицо на вопрос Кати: «Куда это он?», а Артем уже входил в дверь, снова с чем-то очень весомым...

«Катастрофа!» — ахнула про себя Лиза.

На пол бухнулся ящик шампанского. Юлька сияла так, словно это у нее сегодня был день рождения.

— Гуляем, мужики! — Артем оглядел собравшихся. На него смотрели восторженные глаза.

— Вот это я понимаю! — первым опомнился Клопик. — Вот это подношение от нарождающегося класса забитому школьному пролетариату.

— Давайте, что ли, за стол, — без энтузиазма предложила Лиза и в первый раз за вечер пожалела, что не смылась.

Катя устроилась во главе стола, Лиза с краю, уже обреченно понимая, что бегать на кухню придется только ей, и с тоской ожидая завершения бала. Как-то сразу загалдели, зашумели, открыли три бутылки шампанского сразу, залили часть скатерти и юбку Нины, Костя полез салфеткой вытирать ей ноги, она смущенно захихикала и покраснела. В общем, вечер начался без пробуксовки.

Закуску смели быстро. Лиза вскочила убрать со стола. Неожиданно в помощники к ней вызвался Венгр. Вдвоем свалили тарелки в раковину, Лиза достала из духовки дымящееся мясо, слила воду из кастрюли с картошкой. Венгр, прислонясь к стене, молча наблюдал за девушкой.

— Поможете донести? — обернулась она.

— Не торопитесь, — ответил он. — Подождут.

Из гостиной доносился ровный шум, кто-то уже поставил музыку и время от времени слышались возгласы Клопика: «Разрешите? А вас? А вас? Ну, вас, наконец?!»

Идти к гостям не хотелось. Лиза подумала, что кухня напоминает ей сейчас тихий безопасный островок, рядом с которым на материке бушует ураган. Из комнаты донесся звон разбитого стекла. Лиза опустилась на табуретку и махнула рукой: ну и шут с ними со всеми.

— А вы совсем не похожи на сестру, — задумчиво проговорил Венгр.

— Конечно. Она красивая, а я так...

— Я не про это, — поморщился он. — Вы, кстати, гораздо интереснее.

Лиза, не ожидавшая такого захода, вскинула голову. Долговязый Венгр застыл рядом с дверью, не сводя с нее глаз.

— Да ну! Что вы говорите. — Девушка смешалась. Как реагировать на этот непрошенный комплимент, понятия не имела. — Пойдемте уж, отнесем им мясо.

— Мне кажется, там уже не до этого.

Как-то так само собой получилось, что существует «там» и «здесь», что «мы» и «они» разделились.

— И что же теперь делать?

— А ничего. — Венгр отлепился от стены и устроился напротив нее за маленьким кухонным столиком, вытянув длинные ноги, которые заняли полкухни. — Давайте здесь посидим.

— Давайте. — Лиза пожала плечами.

Замолчали. О чем говорить с незнакомым человеком, было неясно.

— Хотите, я вам по руке погадаю? — предложил Венгр. И, не дожидаясь согласия, взял ее ладонь, повернул к себе и начал напряженно вглядываться. Провел пальцем по длинной линии. — Вот это линия ума. Она у вас впечатляющая. Стало быть, вы умная и образованная девушка. — Лиза хихикнула. Ей стало весело, и осторожные прикосновения Венгра казались приятными. — А вот это — линия сердца. — Он покачал головой. — Вы удивительно целеустремлен-

ный человек. Это выражается даже в ваших сердечных привязанностях. То есть их даже и нет, — Лиза невольно погрузилась. — А есть один человек, которого вы будете любить всю свою жизнь. А вот это линия жизни, смотрите...

Но Лиза его уже не слушала. Она пыталась прикинуть, кто же этим человеком, которого она обречена любить всю жизнь, может быть. И никак не могла сообразить.

— О! Знакомые лица! — В коридоре показался Кирилл. — Что это вы тут делаете?

— Не мешай. Я занят, — Венгр попробовал отодвинуть его плечом.

— Твой друг мне по руке гадает, — охотно объяснила Лиза. — Говорит, я всю жизнь буду любить одного человека.

— А кого?

— Здесь не написано, — сказала Лиза, но Кирилл на всякий случай заглянул в ее ладонь.

— А там, между прочим, народ уже кроссовками шуршит, — счел он нужным добавить.

— Ну и шуршите себе, мы вам что, мешаем? — Венгр оттеснил Кирилла и как ни в чем не бывало повернулся к Лизе. Ей стало совсем весело. — На жизненном пути вас ожидают большие трудности и испытания.

— Пророк хренов, — не выдержал Кирилл. — Кого они не ожидают?

— Испытания разные бывают, — все еще спокойным философским тоном парировал Венгр, но уже видно было, что реплики Кирилла ему надоели — рушили романтическое настроение. — Вот смотри, если

не веришь, — Венгр чуть подвинулся, уступая Кириллу место. — Видишь крестик?

— Этот, что ли? — Кирилл слегка дотронулся до ладони Лизы, и девушка почувствовала, как ей стало жарко.

— Этот, — важно кивнул Венгр. — Он означает смертельную опасность.

— Ты подумай! — Кирилл с уважением взглянул на приятеля — тот снисходительно ему улыбнулся. О Лизе, похоже, оба забыли. — А пациент выживет? — шепотом спросил он.

Венгр с чувством сжал Лизину руку.

— Ты, кажется, плясать собирался? Вот иди и попляши!

— Ты еще и на басни мастак! — успел крикнуть Кирилл, уворачиваясь от тумака. — Ладно уж, — сказал им из коридора, — ухожу...

Интерес Лизы к хиромантии сразу пропал. Она убрала руку. Венгр тяжело вздохнул.

— Пришел, все испортил. Пойдемте тоже потанцуем? — Он поднялся сам, галантно помог девушке. — И кстати, перейдем, наконец, на «ты».

— А как же мясо?

— Захотят есть, найдут.

Гостиная сильно изменилась с того последнего раза, как ее видела Лиза. Стол был задвинут к окну, верхний свет погашен, горел только торшер, прикрытый чьим-то свитером. Под громкую тягучую музыку в полумраке двигались пары. Кто где, сразу и не разберешь. Венгр обнял Лизу за талию и крепко прижал к себе, она едва доставала ему до плеча.

«Вот целоваться-то, наверное, с ним неудобно», — подумала она.

Попыталась повернуть голову: ей было интересно посмотреть, кто с кем танцует. Но Венгр, уловив движение и неверно его истолковав, еще крепче прижал к себе девушку, держа ее уже не за талию, а за спину и немного поглаживая.

Она полностью сосредоточилась на том, чтобы хоть чуть-чуть от него отстраниться. Музыка кончилась, Венгр и не думал отпускать Лизу.

— Потанцуем еще, ты так хорошо двигаешься, — неожиданно попросил он.

Лиза про себя только удивилась: какое там «двигаешься», они просто топтались на месте. Не дожидаясь согласия, Венгр снова надежно прижал ее к себе. Но на этот раз Лиза отвоевала себе право вертеть головой.

Итак. Юлька, естественно, с Артемом. Тоже слились так, словно и не танцуют вовсе. И руки Артема, со смущением заметила Лиза, как-то уж очень низко сползли со спины.

«Неужели Юлька с ним спит? — резанула догадка. — Она ж ровесница Катькина».

Глазами машинально поискала сестру. Неожиданно физиономия той возникла прямо напротив и подмигнула. Танцевала Катя с Кириллом, и эта пара действительно двигалась. Кирилл всегда умел танцевать, чем выгодно отличался от остальных мальчишек. Стало завидно. Сильно захотелось оказаться на Катькином месте. Чтобы просто потанцевать по-человечески, — так объяснила Лиза свои чувства. Стараясь до конца быть последовательной, проследила глазами еще две пары. Клопик забавно вертелся рядом с высокой Томкой, уговаривая стать его дамой сердца, а Нина танцевала с Костей, щека к щеке. Глаза Нина закрыла. Лиза по-

искала Ларису и обнаружила ее на диване. Та зло следила за каждым движением ненавистой парочки.

«Назревает драма», — подумалось как-то весело.

Кончилась очередная песня, и Лиза увильнула от рук Венгра. Решила сходить на кухню, чтобы немного отдышаться от жарких объятий. За кухонным столом сидел Сержик и уплетал мясо.

— Вот, — кивнул он Лизе, — заедаю тоску горячим и заливаю ее же холодным, — и с этими словами вылил в себя шампанское, которое пил из большой чайной кружки. Сержик был уже порядочно пьян.

— Не расстраивайся, — Лиза села напротив. — Влюбишься еще в кого-нибудь.

Он ожесточенно помотал головой.

— Лучше ее нет никого, — сказал упрямо. — А она меня в упор не видит. Постоянно ходит с этим Кириллом, черт его... — Он отодвинул от себя тарелку и устроил голову на сгибе руки.

— Что значит — постоянно? — Подождала ответа, но Сержик головы не поднимал, словно она стала для него непосильной ношей. Лиза потрясла его за плечо: — Что значит постоянно?

— То и значит, — он попытался сфокусировать взгляд. — А, это ты.

— Тебя мать-то домой пустит в таком виде?

— Пустить пустит, — ответил Сержик задумчиво. — Но и врезать — врежет. — Он вдруг поднялся. — Пойду я.

Раскинув руки в стороны и держась за стены, чтобы не болтало из стороны в сторону — преимущество узких коридоров, — он добрал до вешалки, долго

рылся в груди одежды, наконец, выдернул свою куртку, стал пихать руку в рукав, но ее не пускало какое-то препятствие. Чуть не завалившись, выудил из рукава шарф и шапку, кое-как оделся, махнул Лизе и ушел.

Лиза с грустью наблюдала за ним, и почему-то ей казалось, что теперь у них много общего. Машинально придвинула к себе бутылку, которую не сумел прикончить Сержик, взяла его кружку и вылила в нее остатки шампанского. Получилось почти до краев. Выпила словно воду. В голове зашумело, и Лиза подумала, что необходимо найти сестру и серьезно с ней побеседовать. О чем именно надо говорить, не знала, но надеялась, что вспомнит об этом, когда окажется с Катькой один на один. Ибо разговор предстоял серьезный и с глазу на глаз. В этом Лиза была уверена.

Она заглянула в гостиную. Уже никто не танцевал. Посреди комнаты стоял стул, на полу друг против друга сидели Кирилл и Венгр и мерились силой: кто чью руку положит. Остальные столпились вокруг них и бурно болели в основном за Кирилла. Клопик бегал вокруг и выполнял роль неподкупного рефери.

— Бред какой-то, — сказала Лиза, но на нее никто не обратил внимания.

Она приоткрыла дверь в комнату родителей и услышала голоса.

— Это невозможно, — говорила Катя.

— Нет ничего невозможного, — отвечал ей чей-то голос, Лиза никак не могла сообразить чей. — Скажи только «да».

— Не скажу. Ни за что.

— Но почему? Почему? — допытывался незнакомый голос. — Я все для тебя, все что хочешь. Ты

прикинь! Я много могу. Уже сейчас. А через год-два, так вообще!

«Богатый словарный запас», — отметила Лиза и решила выяснить, кому принадлежит неопознанный голос, методом вычисления. Она снова заглянула в гостиную, сосредоточилась, посчитала. Не хватало Сержика, который, она это точно видела, ушел домой, и Артема.

— Вот еще, — пробормотала Лиза и поспешила на выручку сестре.

Без стука вошла в комнату, и вовремя. Артем, заломив Кате руки, лез целоваться и уже обшлюсывал ей всю щеку. Он не сразу заметил вошедшую, а заметив, ничуть не смешался.

— Мне сестра ваша нравится, — нагло, как показалось Лизе, объяснил он, однако руки Катины отпустил. — Ты запомни, что сказал. — Это уже Катерине. — Я от своего не отступаю.

— А я не твоя! — кокетливо ответила девушка и поправила платье.

Тут взгляд Лизы упал на большие напольные часы — мамину гордость, — и мысли приняли принципиально иное направление.

— Катька! — закричала она так, что Артем вздрогнул. — Через полчаса родители придут!

— Так, — Катя выпрямилась. — Всем выметаться.

— Понял, — сказал Артем и бодрым шагом прошел в гостиную, где схватка окончилась вничью и снова начались танцы.

Родители пришли на десять минут раньше, но гостей, к счастью, не застали. Основные последствия вечера

девочки успели устранить, Катя мужественно мыла посуду. Мама на скорую руку провела инспекцию и в целом осталась довольна. Насторожили ее только два несоответствия. Первое: уж очень мало было съедено, как будто поздравить младшую дочь пришли три-четыре человека, но грязной посуды в то же время была целая гора. И второе, совсем уж непонятное: ни одной пустой бутылки во всем доме, а стаканов и фужеров на целую роту, и от дочек как будто пахнет спиртным. Но вдаваться в детали не хотелось. Хотелось спать — вечер выдался утомительным.

Поняв, что пронесло, Катя с Лизой облегченно выдохнули. Когда они судорожно сбрасывали бутылки в мусоропровод, стены их дома потряс небывалый грохот, и девочки боялись, что папа с мамой подходят к подъезду как раз в этот момент.

Катя спешила и потому думала только об одном — не упасть. Было чудовищно скользко. Ноги разъезжались, скользили, а с небольшой горки она просто съехала, как на коньках. Уже несколько дней стояла устойчивая оттепель, все потекло, а тут вдруг с утра — легкий морозец, вмиг превративший большой город в опасный каток. Но зато как пахнет! Катя вдыхала воздух и не могла насытиться. Ей казалось, она втягивает в себя и солнце, заполнившее светом московские улицы, и свежесть дня, которая сегодня, после слякотных теплых дней, ощущалась в полную силу, и искрящиеся сосульки, которых выросло за последнюю неделю несметное количество.

«Словно на парад выстроились, — подумала про них Катя, ускоряя шаг. — Перед торжественной встречей». И снова, как будто не хватало дыхания, набрала полную грудь воздуха, еще раз за сегодняшнее утро удивившись его сладости.

Взглянув на изящные часики на тонком кожаном ремешке (подарок Лизы на последний день рождения), поняла, что никуда не опаздывает, чуть сбавила темп, но

ненадолго. Скоро ноги опять понесли ее с прежней скоростью. Ходить медленно Катя не умела. Ну а уж сегодня, когда даже асфальт был напоен весной, когда ее ждал любимый человек и Катя представляла, как побежит к нему навстречу, как обхватит и как он обалдеет, ну конечно, обалдеет от счастья, светящегося в ее глазах, она не могла бы заставить себя идти неторопливой походкой, даже если бы вдруг очень этого захотела.

Однако, подходя к месту встречи, Катя все же притормозила. Огляделась беспомощно. Кирилла нигде не было видно.

«Вот дура! — обругала сама себя. — Приперлась раньше времени».

Запахнула дубленку, настраивая себя на ожидание и почувствовав, что на улице никак не меньше пяти градусов мороза. Больше не успела подумать ни о чем, потому что сзади обрушился Кирилл, обнял, закружил, завертел, поцеловал в открытые горячие губы.

— Привет, — выдохнула Катя. Из глаз ее выплескивалось счастье.

— Привет, — он отстранился немного. — Ты чего такая радостная?

— Весна, балда! — засмеялась Катька. — Разве не чувствуешь, как пахнет?

Кирилл послушно понюхал, скорее даже принюхался, изображая из себя щенка (он знал, что Катя любит его дурачества), и растерянно развел руками.

— Дасморк у меда, — прогнусавил.

Катя захохотала, растрепала его волосы, просунула руки под распахнутую куртку, крепко-крепко обняла.

— Потому что, — серьезно сказала, глядя на него снизу вверх, — надо в шапке ходить. Так Лиза говорит.

— Ну, если Лиза, — протянул Кирилл, — значит, так оно и есть.

Обнявшись, они пошли по Тверской, наслаждаясь близостью друг друга, сверканием последнего снега, мимолетными вспышками стекол, которым удавалось поймать солнце, — словом, предчувствием чудесного будущего.

— Куда пойдем сегодня? — спросила Катя. Ей в общем-то было все равно куда идти, она готова была прошагать вот так, с ним вместе, хоть пол-Москвы, опять же все равно, в какую сторону. Просто молчать было сложно, захлестывало пронзительное острое чувство. Кате казалось, что она падает в воздушную яму, и тогда, чтобы как-то удержаться на поверхности, говорила что-нибудь.

— Сначала посмотрим один фильм, а потом посидим в кафе, — обстоятельно ответил Кирилл. — Устраивает?

— А какой фильм?

— Про любовь. — Тон его был невыносимо серьезен, Катя уже давилась от смеха.

— А меня пустят? — с опаской спросила она.

— Если пообещаешь контролеру, что не будешь соблазнять меня в темноте, то пустят.

— Как же я могу пообещать то, — Катя уже вовсю смеялась, — чего заведомо не смогу исполнить!

Она остановилась и, запрокинув голову, залилась смехом. «Боже, как хороша, как хороша, — думал Кирилл, не сводя с Кати взгляда и заражаясь ее веселостью. — И моя. Моя девочка».

Чувство, что он владеет ею, что может целовать, обнимать, ласкать эту хохочущую красавицу, когда поже-

лает, пьянило Кирилла. Хотя в мыслях он немного преувеличивал. Они, конечно, упоенно целовались на улицах, в подъездах, дома у Кирилла в те редкие часы, когда никого больше в квартире не было. Но дальше страстных обжигающих поцелуев дело не шло. И не потому, что их сдерживала стыдливость или предрассудки — это было бы смешно, — просто не хотелось наспех, каждую минуту ожидая прихода или родителей, или младшей невыносимой сестренки Кирилла. У себя дома Катя даже представить себе не могла любовную с Кириллом сцену. Она была уверена, что и стены, и мебель, и книжные полки, не говоря уже о предательских простынях, выдадут ее маме с головой, и уж тогда пощады не жди. К тому же и Лиза иногда возвращалась из университета в самые неурочные часы.

Они подошли к кинотеатру, без труда взяли билеты, фильм начинался через пятнадцать минут. Прошли в фойе, купили мороженое и стали угощать друг друга разноцветными шариками — кто сумеет больше слизнуть. Наблюдая за Катей, за ее проворным ярко-розовым язычком, Кирилл почувствовал, что сходит с ума. Перед глазами неотвязно стояла картина: они занимаются любовью прямо здесь, на этом шатком столике, не видя и не слыша ничего вокруг...

— Что с тобой? — невинно спросила Катя, прекрасно понимая, что происходит с Кириллом. Не надо было быть большим психологом, чтобы прочитать в его глазах невыносимое желание.

— Ничего, — ответил он хрипло, даже немного грубо и хоть и с трудом, но оторвал взгляд от ее лица. — Пойдем в зал.

Они сели в центр полупустого зала, уже привычно

взялись за руки, свет погас, и Кирилл прикрыл глаза. Он лихорадочно соображал, с кем можно договориться насчет квартиры, — ну хотя бы на один вечер. На ночь, конечно, нереально. Кто ее отпустит? А вот вечер — в самый раз. Мелькнула совсем уж бредовая мысль, не попросить ли Иринку об одолжении, но тут же сам себя одернул — окончательно спятил.

Иринка училась на экономическом факультете и была на четыре года старше Кирилла. И именно ей он был обязан первыми познаниями в любовном искусстве. Познакомились они на вечеринке у Венгра, который спал с ее подругой и решил сделать Кириллу к двадцать третьему февраля такой вот подарок — многообещающее знакомство с прекрасным боевым товарищем. Уже в первую ночь все и произошло. Ребята пошли провожать девушек — те снимали на двоих двухкомнатную квартиру в Беляево — и, естественно, были приглашены на чашечку кофе. В доме как-то сразу разошлись по комнатам, и о кофе больше никто не вспоминал.

Ирина немедленно взяла инициативу в свои руки. Ловко расстегнула Кириллу ремень, «молнию», брюки с него упали сами собой... На секунду ощутив неловкость, Кирилл отшатнулся от Иры и наступил на собственные штаны. Поднял голову и наткнулся на ее спокойный взгляд. Неуверенность исчезла. Незнакомым для самого себя движением Кирилл одновременно справился с брюками, носками и ботинками. Подался к Ирине. Снял с нее кофточку, попытался совладать с застежкой бюстгальтера, не смог и отвел руки, словно почувствовав, что дальше все произойдет и без его участия. И действительно, не произошло даже малейшей задержки: с Иринино тела соскользнул лифчик, полетели в сторону

колготки, за ними последовали и трусы. Она, наверное, получала немалое удовольствие от его неумения и робости. Дальше Кирилл помнил себя уже в постели, но как-то смутно. Даже не смог бы толком восстановить в памяти, как выглядела обнаженная Ирина. Вот пыхтение и стоны из соседней комнаты впечатались в память, наверное, намертво.

Утром сбежал, когда все еще спали. Представить себе, как он станет смотреть Ире в глаза, было трудно. Но днем к нему как ни в чем не бывало завалился Венгр, сказал, что вечером их ждут в гости и что Ирина с Зоей конечно же пойдут с ними.

С тех пор Кирилл не раз побывал в Зойкиной квартире, как приятели называли дом девушек. Они шумно выпивали, расходились по разным комнатам, и Кирилл старательно набирался опыта. И Зоя, и Ира считали, что главное в жизни — получить удовольствие, и ни в чем себе не отказывали. Венгр уже намекал Кириллу, что неплохо бы как-нибудь объединить усилия и собраться, наконец, большой дружной семьей в одной комнате, но здесь Кирилл был непреклонен.

Две недели назад Зоя срочно вылетела в Новгород, к маме, которая тяжело заболела, и Ира на время осталась в квартире одна. Она настойчиво предлагала Кириллу перебраться к ней хоть на несколько дней, но Кирилл, чувствуя, что девушка начинает к нему серьезно привязываться, стал избегать встреч, поскольку связь свою с Ирой считал чисто познавательной. Вот с Катей...

С Катей, конечно, другое дело. Здесь попахивало любовью со всеми вытекающими отсюда последствиями. На Кате бы Кирилл женился.

Скосил глаза в ее сторону и увидел: она поглощена экранным действием.

«Вот интересно, — подумал он. — Девочки существуют в параллельных мирах, и мне это даже нравится. Но требовать от Кати то, что дает мне Ирина... Нет, невозможно представить».

Еще немного подумал и решил, что, пожалуй, Ира для него уже перестала существовать, с ней кончено. Даже в мыслях он не хочет невольного сопоставления, оскорбительного для Кати.

Успокоившись на этом выводе, Кирилл решил обратить внимание на фильм, о котором слышал много хорошего. И вскоре был поглощен не меньше Кати. Смотрели «Ночной портье» Лилианы Кавани.

Из кинотеатра вышли притихшие и погрузневшие. Долго шли молча, не разнимая рук.

— Знаешь, Кирилл, — Катя остановилась и посмотрела на него без обычного своего лукавства. — Все правда. Любовь съедает человека. И уж если ты ей попался, если она дала выход твоей сути, то может произойти все что угодно. Мы никогда не знаем, на что способны.

— Философ ты мой любимый, — Кирилл наклонился и поцеловал кончик покрасневшего от холода носа. — И какой вывод следует из твоей сентенции?

— Вывод очень простой, — Катя помолчала, ей хотелось, чтобы Кирилл проникся торжественностью момента. — Я люблю тебя. И я хочу всегда быть с тобой. Всю жизнь.

Кирилл застыл. Он понял, что происходит нечто очень серьезное, и, наверное, из-за того, что немного испугался и очень сильно разволновался, почувствовал лег-

кость и одновременно головокружение. Потянуло на сумасбродство, на дерзость.

— Я хочу сказать тебе «да», — тихо и горячо сказал он. — Но на четко поставленный вопрос.

Катя посмотрела на него с вызовом. Выдержала паузу.

— Ты будешь моим мужем? — спросила очень твердым голосом.

Кирилл посмотрел на небо, почесал в затылке, задумчиво уставился на Катю.

— Я должен подумать, — выдал, наконец.

Катя сначала опешила, а потом бросилась на него с кулаками. Он поймал ее, прижал к себе и, уже не дурачась, задышал прямо в ухо:

— Да, да, да...

Они долго целовались, забыв о морозе, о людях, которые проходили мимо, — некоторые с улыбкой, некоторые равнодушно, а некоторые с осуждением на лице. И опять бродили по Москве, пили кофе с коньяком в маленьком ресторанчике и считали дни — сколько там осталось до Катиного совершеннолетия, и строили замечательные планы.

Домой Катя вернулась поздно, получила привычный нагоняй от мамы, пожала плечами на вопросительный взгляд сестры и, счастливая каким-то абсолютным счастьем, завалилась спать. Мысленно она жила уже в будущем году и находилась в будущей своей прекрасной роли — жены Кирилла.

Лиза швырнула книгу с таким отвращением, что напугала сама себя. Та обиженно стукнулась о стену и свалилась на пол. Владелица угрюмо проследила путь ни в чем не повинного учебника. Неожиданно стало совестно — встала, подняла его с пола и уже аккуратно положила на стол. Было тошно. Было так тошно, что отвлечь не могло ничто: ни описание исторической эпохи, ни закрученный детектив, дожидавшийся своего часа на столе, ни боевик, который увлеченно смотрели в соседней комнате родные.

— Надоело! — прошипела Лиза. — Господи, как же надоело!

Стала мерить шагами пространство от окна до софы, но поскольку было оно небольшим, то постоянные повороты направо скоро привели к тому, что закружилась голова. Бухнулась на софу. Попыталась вспомнить, когда последний раз отдыхала. Получалось, что несколько месяцев назад, на Катькином незабываемом дне рождения. А после этого — учеба, учеба и учеба. Как завещал великий Ленин. И вот опять на носу сессия, а значит, кроме учебы, в ближайшем будущем ничего не светит.

— Случилось что-нибудь? — В комнату заглянул отец. Взгляд полон сочувствия.

Боясь, что расплачется, Лиза коротко кивнула. Никита Владимирович, больше ни о чем не спрашивая, сел рядом, прижал голову дочери к груди, погладил по волосам. Лиза почувствовала, как по щеке скатилась слеза, и совсем по-детски дернула носом.

— Ну что ты, девочка моя бедная, ну нет же причин для слез, — тихо сказал Никита Владимирович. — Устала ты просто.

Лиза снова кивнула и на этот раз промывчала что-то нечленораздельное, означавшее, видимо, — да как же не устать, когда столько на себя взвалила. Мало мне учебы, так еще и научной работой занялась.

— Может, поменьше тебе заниматься? — участливо спросил отец.

— Да как поменьше, тогда ничего не успеешь, — смогла выдавить из себя, хотя уже было понятно, что слезы, толком не начавшись, кончились.

«И плакать я не умею», — с обидой на весь мир, лишивший ее такой простой человеческой слабости, подумала Лиза.

— Ложись-ка ты спать сегодня пораньше, — посоветовал Никита Владимирович и немного отстранил от себя лицо дочери. Тыльной стороной ладони, немного шершавой и такой родной, провел по ее щеке, вытирая уже высохшую слезу, чмокнул в лоб. — Отдохнуть тебе надо.

Она кивнула. Некоторое время посидели вместе, пока из гостиной не донеслось вечное мамино:

— Никита, не мешай Лизе заниматься! Иди сюда!

Он поднялся, виновато, немного как бы невсерьез,

развел руками — вот, мол, ничего не поделаешь, старшему по чину надо подчиняться — и натолкнулся на понимающий взгляд дочери. Вмиг слетела шутейность, и впервые стало перед дочерью стыдно: умный солидный мужик, а дал себя полностью подмять властной женщине с излишне громким голосом.

— Ты иди, иди, — поспешила сказать Лиза. Ей стало немного не по себе оттого, что отец правильно понял ее взгляд.

— А ты ложись отдыхай, — сказал Никита Владимирович и немного задержался в дверях, демонстрируя независимость.

— Никита! Где ты там!

Он еще раз кивнул дочери и со словами «Да иду, иду, что шум поднимать» скрылся за дверью.

Было всего полдесятого, но Лиза разложила софу, постелила, приняла душ и легла. Однако сна не было. И как ни старалась, но мысли, которые загоняла в самый дальний угол сознания, начали выползать из всех щелей.

Она накрылась одеялом с головой, зажмурилась, даже заткнула уши. Куда там! Мысли-то лезли не из внешнего мира, а исключительно из внутреннего. Тогда Лиза села, распахнула глаза в темное окно с качающейся на фоне вечернего неба веткой и попыталась подождать, пока непрошенные гости исчезнут. Но проклятые прочно застряли в мозгу.

— Вот черт! — Она решила прибегнуть к последнему средству. Говорят, если дать тоске имя, она уйдет.

А имя у тоски было. Ее звали — Кирилл.

Вот уже несколько месяцев Лизу изводила безна-

дежность. И вовсе не в усталости было дело — этим объяснением она лишь пыталась направить свое сознание по безопасной дороге. А дело было в том, что, проснувшись однажды утром, Лиза с пугающим спокойствием приняла как данность свою любовь к Кириллу. Любовь к мужчине, у которого роман с ее младшей сестрой. Тут же постановила: не путаться у них под ногами. И поначалу была уверена, что легко сможет победить в себе это не нужное никому чувство.

Однако проходили дни, а зверек, поселившийся в ее сердце, грыз острыми зубками все сильнее и больнее. И как ни старалась послать его подальше, ничего не выходило. В университете дела, правда, шли лучше и лучше, а вот дома Лиза начала срываться, и конечно же на Катке. Та сначала с великодушным счастливого человека все терпела и прощала, а с недавних пор начала огрызаться, и дружба сестер, казавшаяся, несмотря на мелкие ссоры, вечной и нерушимой, стала осыпаться.

И вот теперь Лиза сидела в постели, смотрела в темное окно и соображала, как остановить беду.

Во-первых, надо перестать цепляться к сестре. Это главное.

Во-вторых, необходимо дать ей понять, что я союзник, а не враг ее любви.

В-третьих... А третьего пункта уже не было, потому что Лиза знала: притворяться не умеет. Потому и второе решение выходило фальшивым.

Есть такая старая мудрость, внезапно вспомнила девушка. Лекарство от любви — любовь. Поморщилась от приторной банальности, но, справедливо отметив, что в каждой банальности есть изрядная доля истины, ста-

ла мысленно подбирать себе достойный объект для любовного эксперимента.

Перебрав в уме сокурсников, не смогла ни на ком остановить свой выбор. Все, что было поприличнее, уже расхватали более расторопные девчонки, а хилый Павлик из родной группы, время от времени бросающий на девушек робкие взгляды, дико закомплексованный, а потому производящий довольно странное впечатление — то ли наглеца, то ли придурка, хотя на самом деле неплохой и неглупый парень, — Андрей Скоморошин никак не являлись героями ее романа. Кто остается? Подумала, подумала и вдруг вспомнила. Венгр! К тому же друг Кирилла, что, естественно, автоматически является безусловным достоинством.

А что? Лиза приободрилась. Он ведь звонит иногда. И они очень мило и подолгу болтают. И хоть не виделись с той безумной вечеринки, благодаря телефону ощущение, что знакомы уже сто лет. Девушка попыталась представить себе, как она соглашается на свидание, как он провожает ее, как целует на прощание... Здесь вышла заминка. Никак не удавалось поместить себя в рамки его объятий.

Кстати, интересно, насколько далеко зашли отношения Катьки с Кириллом? Зная сестру, Лиза голову бы дала на отсечение, что они давно уже... ну, не мальчик с девочкой. Однако, судя по Катькиным оговоркам, случавшимся еще в те времена, когда отношения сестер не были испорчены вспыльчивостью и внезапной раздражительностью старшей (как все ошибочно полагали, от перегрузок), до главного не дошло. Хотя... может, в последние дни, недели...

Нет. Лиза помотала головой. Я бы почувствовала.

Невозможно скрыть такие грандиозные перемены, как потеря девственности и все, с ней связанное (что именно входит в это «все», представлялось смутным и непонятным), которые, по ее представлениям, проводят некую видимую черту в жизни каждой женщины. Лиза считала, что даже внешность должна измениться. Что-то вроде того, как меняется подросток во время полового созревания. Но сильно уверена в этом не была. Ведь ее сексуальный опыт сводился к нескольким несмелым поцелуям, случившимся еще в школьные годы.

Вот Катька — другое дело. Она-то небось уже все знает. А поговорить сейчас с ней сложно. Так и боишься, что выдашь запретное чувство к Кириллу. Лиза вздохнула. Легла.

«А вдруг? — подумала с надеждой. — Вдруг Венгр окажется тем парнем, который мне нужен. Вот было бы здорово! Дружили бы тогда вчетвером!»

Решив завтра обязательно ему позвонить, Лиза стала вспоминать, куда записала телефон, и, уже засыпая, с тревогой подумала, что, если подойдет к телефону кто-то из родителей, придется звать Венгра по имени. А имя-то она и не помнила.

— Завтра, — прошептала сонно в подушку. — Завтра все вспомню.

И с этой нехитрой мыслью провалилась в глубокий мирный сон.

Однако прошла неделя, а Лиза так и не занялась поисками телефона. Правда, имя вспомнила — Дима. Практически все дни она проводила в библиотеке, вечером возвращалась совершенно выжатая и вести не-

принужденный игривый разговор у нее просто не было сил. Завтра, завтра, говорила она себе ежевечерне, но завтра в точности повторяло сегодня. Как вырваться из этого заколдованного круга, Лиза не знала и, честно говоря, не очень старалась узнать.

Наконец, как-то после ужина Венгр позвонил ей сам.

— Привет. — По инерции Лиза сначала досадливо поморщилась, потому что пришлось оторваться от занятий по любимой теме — эпохе Екатерины. Но тут же, вспомнив свои недавние планы, постаралась быть приветливой. — Как поживаешь?

— Лучше всех. А ты все корпишь над книжками?

— Угу.

— Не надоело?

Лиза покосилась на раскрытую книгу, выловила интересный абзац: «...так как Досангу все равно пропадать же, то, по моему мнению, надобно сделать так: объявляя все его дурные дела, объявив, что императрица отнимает от него свою руку, отдать его на суд Черен-Дундуку, чтоб управился с ним сам...», вздохнула, сказала:

— Еще как.

— Так это просто великолепно! — немного растерянно, а потому наигранно воскликнул Венгр. Он явно не ожидал такого ответа. Однако логика разговора подсказывала ему следующий вопрос. — Может, пора перерывчик себе устроить?

— Да ты знаешь, похоже, эта пора пришла, — опять вздохнув, ответила Лиза. «Императрица отвечала, чтоб Вольнский поступал по тамошнему состоянию дел и по своему рассуждению. Досанг начал исправляться

по-калмыцки: удавил брата своего Нитар-Доржи и прислал труп его к Волынскому...»

— Тогда вот что, — Венгру приходилось соображать на ходу: Зойке сегодня отлуп, она, конечно, надуется, но переживет. Упускать возможность увидеться с Лизой парень не собирался. Чем-то она крепко зацепила его, а Зойка уже недели три как стала доставать. Тем более что сравнивать девушек было смешно, даже нелепо — они словно обитали в разных измерениях. — Как насчет сегодня? — Он мысленно пересчитал имеющиеся в наличии деньги — нормально.

— Сегодня? — чуть испуганно переспросила Лиза. — А не поздно?

— Ты что! Детское время, — Венгр заторопился. Теперь он боялся, что она откажется от встречи.

— Ну, ладно. А где? — упавшим голосом спросила Лиза («...между тем дело Мещерского не затихло...») и захлопнула «Историю» Соловьева.

— Давай на «Арбатской». Погуляем, посидим где-нибудь.

— На «Арбатской» где и во сколько?

Только в метро Лиза осознала, что едет на первое в жизни серьезное свидание с возможными серьезными последствиями. До этого она все проделала автоматически и в каком-то замешательстве. Подкрасила ресницы, оделась, расчесала волосы. Мама сначала вскинулась — «куда это так поздно, да с кем, да почему я узнаю об этом последней», — но неожиданную твердость проявил отец: «девочке необходима передышка». Катька, моментально забывшая все обиды, влетела в ванную, где Лиза заканчивала приготовления, с блеском в глазах и с нетерпеливым:

— Ну кто? Ну кто? Ну, Лизка!

Узнав, что свидание с Венгром, аж закружилась. Как здорово! Они же друзья! И Венгр вполне приличный мужик...

— А что, — говорила Катька, — я видела, как на него бабы заглядываются.

Теперь, в метро, Лиза пыталась разглядеть свое отражение и добиться ясности, как она выглядит. Сидящий напротив парень, неправильно истолковав ее пристальный взгляд, пересел к Лизе и вежливо поинтересовался:

— А можно узнать, куда едет такая симпатичная девушка?

— Какая? — уставилась на него Лиза. Парень смешался.

— Вы.

— Я? — Лиза так удивилась и растерялась, что ответила не только честно, но и исчерпывающе: — На свидание с Венгром.

Парень расстроился:

— Своих, что ли, мало?

К счастью, поезд уже тормозил на «Арбатской», и Лиза, спохватившись, вылетела из вагона. Она вдруг почувствовала себя легкой, красивой, гибкой. На эскалаторе не стоялось, и, словно опаздывая куда-то, она бодро взбежала по ступенькам, ничуть не запыхалась и — буквально налетела на Венгра. Он стоял возле цветочного развала и решал непростой вопрос: покупать или не покупать цветы. Подарить Лизе что-то изысканно-утонченное, например бордовую розу на длинном стебле, или, наоборот, крошечный букет незабудок, очень хотелось, но практичность подсказывала,

что таскаться с цветами весь вечер будет неудобно. Внезапное появление Лизы разом решило проблему.

— Пойдем? — спросила она вместо приветствия.

Вышли на улицу и окунулись в шумную разношерстную толпу. Было совсем тепло и по-праздничному многолюдно. Лиза глазела по сторонам: чувствовала себя провинциалкой, попавшей в гущу столичной жизни.

— Как давно, оказывается, я никуда не выбиралась, — заметила с сожалением.

Венгр подхватил девушку под руку. Они пошли по Старому Арбату, вертя головами во все стороны. Был замечательный теплый вечер, отовсюду неслись смех, шутки, музыка, одуряюще пахло сиренью — ее ветви продавались на каждом углу. Венгр болтал о своей любви к Москве, к ее старым гулким улочкам и переулкам, рассказывал студенческие хохмы, анекдоты, сам же над ними смеялся. Лиза благодарно принимала этот треп, ее тоска размылась, и она ощущала полноту жизни.

Позже в кафе, за обе щеки уплетая пирожное, она по-новому взглянула на сидящего перед ней парня. Венгр уже не казался ей забавным нескладным другом Кирилла. Он выглядел симпатичным молодым мужчиной и воспринимался совершенно независимо от своего друга.

Под взглядом Венгра притих, посерьезнел, Лиза уловила грусть в его глазах, и это моментально сделало его ближе. Она подумала, что, видно, и у него есть свой камень на сердце и скрытые переживания.

Он проводил Лизу до самого дома. Они вместе прошли мимо пустыря, и Лиза с удивлением обнару-

жила, что качели исчезли. На их месте белела в темноте скульптура мальчика с вытянутой вверх рукой, в это время суток наводившая на мысли о привидениях. Наверное, таким образом местные власти решили облагородить территорию.

У подъезда остановились. Лиза поднесла к лицу букетик ландышей (около метро Венгр все-таки купил ей цветы), закрыв глаза, втянула любимый аромат. Когда прощались, парень отважился — быстро наклонился и поцеловал Лизу в уголок рта. Это было и неожиданно, и приятно. Лиза поймала себя на мысли, что страстный поцелуй с этим долговязым молодым человеком уже не представляется ей невероятным.

Вспоминая дома подробности вечера, Лиза ощутила уверенность, что теперь ее жизнь потечет по-иному. Она предчувствовала скорые перемены в своей судьбе, радовалась им и ждала их.

Напряженность между сестрами исчезла без следа. Словно и не было никакого раздражения, ревности, обиды и непонимания. Катя стремилась любыми путями выведывать у Лизы подробности ее сердечных дел и, в свою очередь, платила искренностью, рассказывая сестре о своих отношениях с Кириллом. Нельзя, конечно, сказать, что Лизе нравились такие откровения, но она испытывала смутное, несколько, может, мазохистское удовольствие от ощущения безоблачности их счастья. Конечно, за сестру радовалась. Во всяком случае старалась. С Венгром установились отношения, которые вмещали в себя не только прогулки по Москве и посещение театров, но и не так уж невинные объятия и поцелуи. Лиза открывала в себе все новые ощущения, и они ей нравились.

От Кати она, правда, отставала. Если той не терпелось перейти последнюю грань в отношениях полов, то Лиза, наоборот, этот момент старалась отодвинуть как можно дальше. И когда руки Венгра слишком, на ее взгляд, увлекались блужданием по ее телу, неизменно

отстранялась и делала строгое лицо. Венгр переживал, но виду не показывал.

В последнее время они даже и к экзаменам готовились вместе. Родители Венгра постоянно обретались на службе, и большая солнечная квартира в самом центре Москвы бывала в их распоряжении. Катя с нескрываемой завистью слушала рассказы Лизы о жилплощади ее приятеля, но попросить об одолжении не решалась — ей это казалось неприличным. Она не подозревала, что Кирилл уже говорил с Венгром на болезную тему бездомности, но, вопреки радужным ожиданиям, получил отказ. Хозяину не столько было жалко места, сколько времени: каждый день ему казалось, что именно сегодня Лиза уступит, и он из-за странного суеверия боялся отдать квартиру Кириллу на несколько часов. Был уверен, что по закону подлости Лиза проявит необузданную страсть как раз в тот момент, когда Кирилл с Катей будут наслаждаться друг другом на его койке.

Надо сказать, он совсем измаялся. Как подступить к девушке, в которую вдруг влюбился, не знал. Все его испытанные приемчики здесь явно не годились. Кроме того, он в присутствии Лизы робел, чуть ли не заикался. Сам себе представлялся плебеем, а подруга рисовалась утонченной аристократкой. Она обладала каким-то врожденным изяществом. Иногда наклон ее головы, непринужденный взмах тонкой кисти вызывали в памяти образы женщин прошлого века, а может, даже и гораздо более ранних времен. И посему увлечение Лизы эпохой Екатерины Венгр считал абсолютно логичным и естественным. Он скорее удивился бы, если б девушка начала копать в истории коллективизации.

На сегодня договорились, что Лиза придет заниматься после полудня. С утра она собиралась съездить в библиотеку, а оттуда сразу к Венгру, предварительно позвонив.

Было как раз двенадцать. По квартире гулял жаркий ветер, гонял по полу тополиный пух — Венгр распахнул в доме все окна. Со двора доносились веселые вопли подрастающего поколения, с упоением копавшегося в песочнице, и предостерегающие окрики мамаш. Вдувающиеся от сквозняка занавески дирижировали этим оркестром. Но Венгр ничего не замечал и не слышал. Он не находил себе места. Разгуливая по квартире в одних трусах, парень лихорадочно соображал, как объяснить Лизе свои чувства.

В разгар лирических раздумий в дверь позвонили. Он было дернулся в коридор, но глазом уловил в зеркале собственную долговязую фигуру в белом, далеко не новом белье. В ужасе рванул к себе в комнату, однако по пути уже совсем панически подумал, что, пока он будет натягивать джинсы, Лиза решит, что его нет дома, и уйдет. Резко развернулся, чуть не грохнулся на скользком паркете и снова кинулся к двери.

— Кто там?

— Это я, Димочка, открой.

— Фу, черт, Зойка, — облегченно выдохнул Венгр и спокойно открыл дверь.

— О! — Зоя стыдливо приложила ладошку к губам и окинула Венгра понимающим взглядом. — Я почему-то так и думала, что ты меня ждешь. — И бесцеремонно прошла в его комнату. Дорога ей была хорошо известна.

— Жарко, вот и все. — Он поспешил за Зоей,

надо было срочно ее выставить. Но как? Сказать, что сейчас придут родители? Нет, лучше скажу, что мне надо бежать по делам. Но тогда придется выходить вместе с ней, а вдруг Лиза...

— Димочка, милый, я так по тебе соскучилась, что не выдержала, проходила мимо и решила заглянуть на одну минутку, — она уже обнимала его, прижимаясь всем телом.

— Зоя, Зоя, — бормотал Венгр, пытаясь отодвинуться, — родители сегодня не работают, вышли в магазин...

— Ты не бойся, не бойся, я сейчас уйду, — сказала Зоя и заплакала.

Венгр опешил. Он впервые видел свою боевую подругу в слезах. Раньше ему даже и в голову не могло прийти, что Зоя способна плакать.

— Ну что ты, что ты, — прижал ее к себе и почувствовал ненужное ему сейчас желание. Чуткое Зойкино тело мигом отреагировало на благоприятные перемены.

— Мне так тебя не хватает, — томно прошептала Зоя, резво стягивая с себя сарафан. Теперь они были в равном положении — на каждом оставалось по небольшому кусочку материи. С последними препятствиями девушка расправилась быстро и решительно.

Не успел Венгр опомниться, как уже лежал на бывшей своей подружке, целовал ее грудь, живот, мягкие губы, с удовольствием подчинялся опытным и нетерпеливым Зойкиным рукам. Время от времени закрывал глаза, видел под собой вовсе не Зою — Лизу и становился почти страстным. Кончил быстро, не особо заботясь о партнерше.

«Все-таки у меня очень давно не было женщины», — попробовал он оправдать себя, и в эту минуту снова прозвенел дверной звонок. Венгр скатился с Зойки, свалился на пол, больно ушиб коленку, зашептал ей, помогая себе жестами:

— В ванную, в ванную, одежду возьми...

А сам побежал к двери, на ходу впрыгивая в джинсы и снова чуть не падая.

— Кто там? — выпалил спасительную фразу.

— Это я, Лиза.

Лиза! Венгр закрыл глаза, прислонился к косяку, чувствуя, как внутри все у него опускается. Наконец, смог застегнуть узкие джинсы и трясущимися руками открыл дверь.

— Что это с тобой? — спросила Лиза, улыбаясь.

— А что? — испуганно прохрипел он, предполагая самое худшее: например, губную помаду на шее или часть женского туалета у себя на голове.

— Просто ты весь какой-то взъерошенный. Можно я войду?

— Да, конечно, — он посторонился, машинально приглаживая волосы. — Заснул посреди дня. От жары, наверное, разморило. — И мучительно подумал: «Что за чушь я несу».

— Да, ужасно жарко сегодня, — согласилась Лиза. — Мне бы очень хотелось умыться, хотя бы руки сполоснуть...

Ей не удалось закончить фразу.

— Нет! — завопил Венгр. — В ванной жуткий бардак, мне неудобно. — Больше всего на свете ему сейчас хотелось провалиться под землю.

— А на кухне? — Лиза внимательнее посмотрела

на своего приятеля. — Ты извини, что я не смогла позвонить, автомат съел два жетона, а больше у меня не было, и я решила...

— О чем ты говоришь, Лиза, — Венгр повел ее на кухню. Пустил воду мощной струей. — Умойся пока здесь, пожалуйста, а я ванную чуть-чуть в порядок приведу.

Зоя, слава Богу, одетая, стояла за дверью в боевой готовности.

Подозрительно спросила:

— Кто пришел?

— Мать, — коротко ответил Венгр, думая, что еще немного, и ему станет все равно — откроется обман или нет.

Зоя прислушалась. Уловила звук льющейся из крана воды на кухне, и это ее успокоило. Ее мать тоже первым делом проходила на кухню, откуда бы ни вернулась.

— Когда закончим наши игры? — игриво спросила на прощание.

— В другой раз, в другой раз, — бормотал хозяин, подталкивая подружку к двери. Теперь, когда опасность почти миновала, он молил Бога, чтобы Лиза его не окликнула или, еще хуже, не вышла из кухни. Зоя потянулась к нему губами, но тут краем глаза Венгр увидел, как дверь на кухню, словно в замедленной съемке какого-нибудь фильма ужасов, открывается. Он что есть силы выпихнул оторопевшую девушку на лестничную клетку и захлопнул дверь.

— Да пошел ты... — сказала Зоя вслед.

— Кто-то приходил? — спросила Лиза.

Венгр тихо сползал по стене.

— По-моему, у меня тепловой удар, — сказал он.

Лиза участливо взяла его за руку, отвела в комнату и уложила на еще не успевшую остыть постель. Сбежала за полотенцем, и скоро на лоб Венгру легла мокрая холодная тяжесть. Он держал прохладную Лизину ладонь и чувствовал нечто сродни блаженству. Глаза открывать не хотелось.

— Тебе лучше? — услышал он ее голос, кивнул и улыбнулся.

— Ложись рядом, — сказал он и неожиданно понял, что попросил без всякой задней мысли. Удивился. Еще больше удивился, когда ощутил Лизино тело, вытянутое рядом со своим, и полное у себя отсутствие желания этого желанного тела.

— Что же это происходит? — невнятно пробормотал он.

— Что? — лениво спросила Лиза и тоже закрыла глаза.

Она чувствовала себя в вязком приятном тумане, двигаться не хотелось, а хотелось только прислушиваться к себе, к жарким волнам, которые переливались через нее и выплескивались, как ей казалось, на Венгра.

«Если не открывать глаз, — подумала Лиза, — то можно представить себя на пиратском корабле посреди Индийского океана в обществе головореза-капитана».

Она перекинула руку через горячее голое тело Венгра. Он широко раскрыл глаза и уставился в потолок: что делать, не знал совершенно. Вспомнил, как всегда боялся подвоха со стороны судьбы, и вдруг внятно и громко сказал:

— Так я и думал.

Лиза тут же убрала руку и села.

— Ты о чем? — спросила очень напряженным голосом.

— Конечно же о тебе, — ответил Венгр так поспешно, что Лиза тут же поняла: конечно обо мне.

— Знаешь, я, пожалуй, пойду, — она уже стояла. — По-моему, мы оба сегодня не расположены к занятиям.

Венгру ничего не оставалось делать, как тоже встать и проводить гостью до двери. Когда дверь за ней хлопнулась, он какое-то время постоял, тупо глядя на замок, вернулся к себе в комнату и снова лег на диван. Ему было тоскливо и одиноко. Он закрыл глаза и, как ни странно, уснул. События последнего часа, видимо, сильно утомили его.

В общем, опять ничего не получилось.

Лиза благополучно сдала сессию на повышенную стипендию, и теперь все внимание семьи было уделено Катерине. Аттестат она получила неплохой, хотя последнее время не столько занималась, сколько гуляла. Выпускные экзамены навсегда остались в школьном — моментально отдалившемся — прошлом. На последний бал Катя даже не пошла. Вместо этого с Кириллом, Юлькой и Артемом завалилась в дорогой ресторан и отметила окончание школы на полную катушку. Платил, естественно, Артем.

Катя, впервые оказавшаяся в подобном месте, глазела во все стороны. Вот это жизнь, вот это как раз то, что нужно, думала она, небрежно выпуская изо рта сигаретный дым и попивая коньяк. Ей пришлось по вкусу все: изысканные непривычные блюда из морской снеди, разнообразие напитков, музыка, которую прилично лабали музыканты, полуобнаженные красотки, высоко вскидывающие ноги на небольшом возвышении. Очень нравились взгляды, которые она на себе ловила. Настораживало лишь беспокойство Юльки, которой,

похоже, как раз не очень нравилось, как на Катю смотрит Артем.

Музыканты заиграли медленный тягучий блюз, и Артем поднялся из-за стола.

— Надеюсь, никто не будет возражать, если мы с Катериной немного разомнемся? — сказал он. Не дожидаясь ответа, подошел к Кате и протянул ей руку.

Она грациозно встала, Кирилл на мгновение пожалел, что не он ведет ее танцевать, и вежливо предложил Юльке последовать мудрому примеру. Юлька встала, не сводя глаз с соперницы.

— Артем, — проговорила Катя прямо в ухо партнеру, — ты, наверное, уже заметил: Юлька не одобряет твое поведение. — Артем дернулся, и девушка поняла, что ее саму ситуация забавляет.

— А ты должна была заметить, — чуть ли не зло ответил он, — что мне абсолютно наплевать, кто что одобряет или не одобряет. Я всегда делаю только то, что хочу делать.

— Ты очень крутой парень, — с нажимом сказала Катя и почувствовала: объятия спутника стали почти железными. Видимо, в благодарность за комплимент. Ей стало смешно.

— Я уже говорил, что от своего не отступаюсь. Помнишь? — Она кивнула. — Так вот. Я, конечно, подожду, пока ты не наиграешься со своим дружкой. Но помни. Ждать вечно я не намерен. Так что подумай лучше, от чего отказываешься. Если надумаешь, позвони, телефон мой у тебя есть. — Крутой парень помолчал недолго. — Первым делом съездим с тобой куда-нибудь на острова, на Гавайи, скажем. — Он говорил так,

словно не сомневался в согласии Катерины. — Покажу тебе настоящую жизнь.

Объятия Артема стали еще крепче, а рука переместилась почти вплотную к ее груди. Внезапно Катя ощутила сильное возбуждение, и Артем, будто почувствовав, провел губами по ее шее и прошептал:

— Нам будет здорово вместе.

— Артем, отпусти, — негромко попросила Катя. Она вдруг испугалась. Его силы, своего сумасбродства и нелепого желания. Да с какой стати! — Отпусти, — гораздо тверже сказала она. — Я люблю Кирилла, и мы собираемся пожениться. Вот.

— Ну-ну, — Катя ожидала, что он хотя бы смешается, но Артем снисходительно улыбался. — Хотел бы я на это посмотреть.

— Ты так отвечаешь, будто я глупость какую-то сказала!

— Ты не та женщина, Катенька, которая создана для бедной жизни. Ты должна носить бриллианты, меха и ездить на курорты. А Кирилл... — Артем пожал плечами. — Разве он может дать тебе нечто подобное?

Катя растерялась. Слова Артема совсем не оставляли ее равнодушной.

«Но ведь я люблю Кирилла, — сказала сама себе. — Ну и что, что сейчас у нас ничего нет! Не это главное!» И почувствовала, что лукавит.

— Все равно выйду за него замуж, — сердито сказала.

— Я подожду, — повторил Артем. — Но недолго. Ты это помни.

Музыка кончилась. Катя с облегчением высвободи-

лась из обнимавших рук и поспешила к столу. Обняла Кирилла, повисла на нем, зашептала:

— Люблю, люблю, люблю... — как заклинание.

— Кать, — позвала ее Юлька. — Не хочешь до сортира прогуляться?

Катька хотела было отказаться, но глянула на Артема и почему-то согласилась. Отлепилась от Кирилла и послушно поплелась за Юлькой, не глядя по сторонам, изо всех сил убеждая себя, что сказанное Артемом — чушь, ложь и ерунда, к ней никакого отношения не имеющие.

Машинально зашла в туалет, пробормотала Юльке, что подождет ее у зеркала, и хотела пройти мимо. Однако та надежно загородила ей дорогу.

— Значит, так, — сказала Юлька таким злым голосом, что Катя вмиг протрезвела. — Еще раз увижу, что ты, дрянь, лезешь к моему Артему, глаза выпарапаю. Поняла?

— Юлька, остынь, — Катя впервые видела свою давнюю школьную подругу в ярости и была совершенно и абсолютно удивлена увиденным. — Сдался мне твой Артем. У меня Кирилл есть...

— Я тебя не первый год знаю, подружка. И потому предупреждаю: если что — покалечу.

Угроза прозвучала настолько злобно и реально, что Катька, наконец, очнулась.

— Да ты совсем свихнулась! Да иди ты со своим козлом подальше. Тоже мне герой-любовник хренов! Сплю и вижу себя в его объятьях! Тьфу! — плюнула Катя совершенно искренне. Теперь под ее напором растерялась Юлька.

— Что, девочки, клиента не поделили? — Мимо них проплыла длинноногая дива с обнаженной до пояса спиной. На секунду оглянулась, внимательно и снисходительно посмотрела на раскрасневшихся девушек. Усмехнулась ярко накрашенным хищным ртом. — Ни один из них не стоит наших слез и нервов, — сказала томно и растворилась в сигаретном ресторанным дыму.

— Ладно, пойдем, — пробормотала Юлька.

Катя пожала плечами:

— Подожди уж теперь, губы подкрашу, зря, что ли, сюда притащилась.

Подошла к зеркалу, достала помаду и посмотрела себе в глаза. А ведь точно — клиент. Он предлагает деньги за мои услуги. А я думаю, соглашаться или нет. Достаточна сумма или маловата. И Юлька с ним спит из-за денег, а строит из себя влюбленную девочку, и все всё видят, и все делают вид, что верят. И Юлька, которая сотни раз клялась в верности и дружбе, готова за эти самые деньги выцарапать мне глаза. Катя вздохнула и подумала: «Поздравляю со вступлением во взрослую собачью жизнь!»

Подкрасив губы, вышла из туалета. На выходе ее ждала Юлька, смотрела подозрительно и выжидательно.

— Кать, — сказала. — Ты, это, не принимай всерьез. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, ты моя единственная настоящая подруга... А Артема я просто очень люблю...

Катка приторно улыбнулась, и недобрая мысль пронеслась в ее голове. Уведу от тебя Артема, чтобы знала, как лгать, притворяться, лицемерить! Катя почувствовала, как в ней зарождается азарт, азарт охоты и опасности, и

с тоской поняла, что не сможет теперь остановиться. Юлька — дура! Сказала бы честно: хочу пожировать, хочу потрясти его толстый кошелек, ты пойми, такой шанс урвать сразу приличные бабки — не учиться, не ишачить, а одним махом — шмотки, баксы, брюлики! Теперь вот получишь от меня сполна! Прочучу!

Все это вихрем пролетело в сознании Кати, пока шли к столику, пока смотрела в стриженный затылок подруги. А как только села рядом с Кириллом, взяла его руку, взглянула победительницей (по инерции, только по инерции!) в сторону Артема, так все эти смутные темные мыслишки уползли глубоко, оставив в сознании еле видимый легкий след. Не тяжелее паутины.

— Пошли танцевать, — жарко заговорила Катя в ухо Кириллу. — Будем танцевать с тобой всю ночь, пока ноги не отвалятся. Пойдем же, вставай. И пусть катятся все к черту!

Так закончилась Катина школьная пора. Полнозвучным аккордом разочарования, любви и мести.

Добро пожаловать, говорила она себе, засыпая под утро, добро пожаловать в новую жизнь.

Пока Катька, не щадя здоровья, прощалась с детством, ее старшая сестра наслаждалась тишиной и покоем. Почти все лето она решила провести в деревне с бабушкой, подальше от московской суеты и соблазнов. Здесь, вдалеке от большого города, мысли текли неторопливо, день делился на завтрак, обед и ужин, с перерывами на работу в саду или в огороде и купание в пруду. Спать ложились рано, рано вставали, объедались ягодами, сливами и яблоками. Иногда Лиза уходила в лес, соби-

рала грибы, делала изумительные букеты из лесных цветов, сушила под бдительным руководством бабушки травы. И была совершенно счастлива. Пожалуй, более безмятежного времени она не могла бы вспомнить за всю свою девятнадцатилетнюю жизнь. Ну, может, в младенчестве, говорила себе, да и то вряд ли.

В эти длинные дни она много читала, по-новому открывала для себя давние времена, как бы сдувала с них пыль, и далекие годы представляли перед ней в полноте красок и жизни. Персонажи исторических трудов вдруг оживали, и Лиза начинала видеть обыкновенных людей с их причудами, бедами и невеликими радостями. Приобретали значение не только их общезначимые поступки — пробуждался интерес к тому, что они ели, как одевались. Хотелось узнать как можно больше об их привязанностях, тайных обидах и скрытых симпатиях. Приходилось перечитывать одно и то же по нескольку раз, улавливать не вместившийся в строки специальных работ смысл, накал чувств. Лиза часами могла сидеть над хрониками, дневниками, письмами, пока прошедшие века не вставали перед глазами и не начинали проплывать перед ней на экране воображения, как захватывающий фильм.

Иногда вечерами засиживалась с бабушкой за самоваром, который вдвоем стащили с чердака, оттерли песком до блеска и вернули к жизни. В доме тогда пахло дымком и мятой, тянуло на душевные разговоры и долгое, долгое тихое сидение друг против друга при неярком свете. Три дня назад Лиза обнаружила на сеновале старую керосиновую лампу и теперь грозились привести в порядок и ее, чтобы бегство от внеш-

него недоброго мира можно было признать окончательным.

И Нина Григорьевна, и ее внучка умели по-настоящему ценить подаренные им теплые тихие летние дни.

Однажды июльским вечером, когда закат разворачивал на западе все оттенки красного, оранжевого, бордового, Лиза сидела на крыльце, вытянув уставшие ноги: весь день окучивали картошку. Чуть ныла поясница и болели мышцы, но в целом ощущался подъем и радость от прошедшего дня. Она сидела на ступеньке, привалившись к перильцам, и смотрела, как дым из трубы поднимается ровно вверх к розовому небу. Топилась небольшая, но самая настоящая русская банька.

— Бабушка! — крикнула Нине Григорьевне, собиравшей под яблоней мяту к вечернему чаю. — Я к лесу схожу. Надо цветы обновить. — Решение созрело моментально и окончательно. И не столько требовалось обновить букеты, сколько захотелось пройти через душистое травяное поле — уж больно хорошо было этим вечером.

— Что ты, внученька! Отдохни лучше. Намаялась ведь сегодня. — Бабушка удивленно выпрямилась.

— Не беспокойся, — Лиза уже шла к калитке. — Я ненадолго.

Она шла по лугу к лесу и ловила каждое мгновение. Вдыхала запах изнуренной жарой травы, слушала пение обрадованных вечерней прохладой птиц, смотрела на разноцветное небо — и была счастлива беспричинным счастьем.

Группу ребят заметила, когда была уже совсем рядом. Видимо, слишком ушла в себя. А о какой бы то ни

было опасности мысли не было. Что может быть плохого в такой необыкновенный вечер? Остановилась. Но при виде сильно подвыпивших парней из соседней деревни по спине пробежал холод, немного замутило. Их было четверо, и все они выжидательно смотрели на Лизу. Некоторое время никто не шевелился. Не говоря ни слова, Лиза повернулась и сделала два шага к дому. Это словно послужило сигналом.

Один из них, крепкий, небольшого роста, с неприятным отсутствием двух передних зубов, резво подскочил к Лизе и схватил ее за руку. Она вскрикнула и выронила букет. Двое других уже стояли рядом, четвертый медленно приближался, ухмыляясь во весь рот.

«Наверное, их главарь», — безучастно подумала Лиза и как-то отстраненно прикинула, что будет дальше. Скорей всего, изнасилуют, может, еще избыют. Убьют вряд ли, испугаются. Эта мысль ее немного взбодрила, и она гордо обвела взглядом кучку особей мужеского пола (другого определения, по мнению Лизы, они не заслуживали).

— Что, свои бабы не дают? — с вызовом поинтересовалась и выдернула руку у щербатого.

Такого захода парни никак не ожидали.

— А нам, может, новенького захотелось, — сказал главарь.

— Ага, — подхватил вертлявый лохматый пацан, с виду типичная шестерка. — Сидим тут и думаем. Вот сейчас бы телочку какую отодрать. Смотрим, а вот она и идет прямо к нам в гости... — Шестерка подскочил к Лизе и попытался облапить. Она отскочила и, наконец, испугалась. Дело принимало нехороший оборот.

— Не суетись, — оборвал щербатый своего приятеля. — Твой номер десятый. Первым ее босс попробует.

Лиза попятилась, наткнулась сзади на еще одного подонка и почувствовала на своем теле чужие мерзкие руки.

— Отойди! — закричала она и тут за деревом заметила Шершавого.

«Так вот кто босс, — пронеслась мысль. — Конец».

Щербатый набросился на нее, скрутил руки, она упала головой в траву, зажмурилась — но странное дело, никто ее не тронул. Крики, стоны, удары, снова крики и мат... Лиза обхватила голову руками и только осмелилась открыть глаза, как кто-то мягко тронул ее за плечо.

— Букетик обрости, Лизавета Никитична.

Лиза полежала еще немного, несмело подняла голову и увидела прямо перед собой Шершавого. Он сидел на корточках и внимательно смотрел на нее. Больше никого рядом не было.

— А где эти... — выдавила из себя Лиза.

— Разбросал в разные стороны, — он засмеялся, и Лиза заметила на нем кровь.

Машинально достала платок и деловито вытерла ему лицо:

— Вот так лучше.

— Спасибо, Лиза.

— Тебе спасибо, Толя. — Его имя как-то само собой выплыло в памяти. Она поднялась с земли, оправила платье, закинула назад волосы.

— Я провожу тебя до дома, — сказал он и старомодно взял ее под руку.

Они молча побрели по луку, и только у калитки Лиза повернулась к нему и тихо повторила:

— Спасибо.

— Не за что. — Он снова улыбался. Затем наклонился и прошептал: — Больше не гуляйте по лесу одна так поздно.

Лиза кивнула и без приключений преодолела пространство от калитки до двери. Когда она обернулась, Шершавого уже не было.

Вскоре после неприятного случая в лесу приехала в деревню Катерина и перевернула мирную жизнь вверх дном. Во-первых, привезла новость: триумфально поступила в МГУ на факультет журналистики. Во-вторых, поскольку приехала она ненадолго, то в силу своего темперамента попыталась урвать в эти несколько дней все возможные удовольствия.

С утра отправлялась на пруд купаться и загорать; отобедав, валялась на кровати в блаженной полудреме; а после ужина врубала на полную катушку магнитофон и разучивала новые танцевальные движения. В эти далеко не тихие часы бабушка уходила посидеть на крылечке, куда грохот хоть и долетал, но потише, а несчастной Лизе приходилось сносить пытку до конца: Катька заставляла танцевать и ее, утверждая, что современной девушке это необходимо. На самом же деле, как подозревала Лиза, сестре просто был нужен зритель.

Было девять часов вечера. Уже отужинали. Нина Григорьевна, не дожидаясь Катиного баламутства, махнула рукой старшей внучке — «Я к соседке, к молоч-

нице» — и скрылась за дверь. Лиза перетирала на кухне тарелки, кружки и складывала их в простой деревянный шкаф, которому лет было, наверное, за сто. Катя деловито просматривала кассеты. Наконец, остановила свой выбор на последнем диске Майкла Джексона и позвала сестру:

— Лизка! Дуй сюда, раскошегарим старые кости! — и включила магнитофон.

Лиза поставила последнюю тарелку, повесила полотенце, вздохнула. Заглянула в комнату. Там на небольшом пространстве между столом, стулом и диваном, демонстрируя чудеса увертливости, плясала сестра. Комната была совсем небольшая. Лиза, на всякий случай подобрав ноги, села на диван, надеясь, что сегодня младшая не станет ее терзать.

— Чего расселась? Включайся! Делай, как я! — И за руку вытянула в центр комнаты.

Лиза все же предприняла еще одну попытку саботажа, однако уже через пять минут ритм ее захватил, и она, стараясь подражать Катерине, выделявала и руками и ногами вполне интересные движения. Пятнадцать минут девушки, не замечая ничего вокруг, отдали бесперебойному танцу. Потом магнитофон замолчал, Лиза упала на диван, а Катька присела в реверансе.

Раздались аплодисменты. Катька по инерции поклонилась еще раз и только тут увидела в дверях Шершавого. Он стоял в своей обычной манере, привалившись к косяку, и, ухмыляясь, смотрел на кланявшуюся. От неожиданности, растерянности, испуга та не смогла удержать равновесие и бухнулась прямо на пол. Лиза зашлась в смехе. Ухмылка Шершавого стала шире.

— Проходи, Толя, не стой в дверях, — позвала его Лиза. Катя, сидя на полу, открыла рот.

— Я стучал довольно долго, только вы меня не слышали, — объяснил он свое неожиданное появление.

— Минуточку, товарищи, тайм-аут, — затараторила Катька. — Я что-то не пойму, что происходит. Тебя кто звал? Чего тебе от меня нужно? Стоит приехать на пару дней, так он уже тут как тут...

— У тебя, Катерина, — грустно сказал Толя, — серьезная болезнь. Мания величия называется.

— То есть, — Катька встала с пола и вопросительно посмотрела сначала на Шершавого, потом на Лизу. Лиза с трудом сдерживала смех.

— Это означает, — как ни в чем не бывало продолжал Толя, — что у меня разговор к твоей сестре.

Лиза встала с дивана, похлопала по плечу свою изумленную партнершу.

— Один танец без меня. Я скоро вернусь, — и вышла чуть ли не под ручку с этим самым Толей. Толей!

Катя машинально включила музыку, но вместо танца стала ходить по комнате кругами. Очень хотелось подслушать, о чем это они там говорят. Какое такое дело может быть у Шершавого к ее пуританке-сестре. И что это вдруг она так счастливо смеялась, словно радуясь нежданной встрече? Неужто у них деревенский роман? Ай да Лизка! В Москве один, здесь — другой, одна я не у дел.

Катя прошла на кухню и выглянула в окно. Однако та часть крыльца, где, видимо, стояла парочка, с этой позиции видна не была. Перед окном стоял большой

кухонный стол. И для того чтобы иметь возможность лицезреть Лизку и Толика в полном объеме, придется, прикинула Катя, влезть на этот самый стол. Минуту она поколебалась, но мысль «А вдруг они там целуются?» подстегнула к действию.

Катя осторожно встала сначала на табуретку, оперлась руками о стол, он предостерегающе качнулся. Постояла-постояла в полусогнутом положении, затем — была не была! — залезла на стол и приникла к окну. Стол заскрипел, но Катерина об опасности тут же забыла. И было от чего!

На крыльце стоят Шершавый и Лизка. Он нежно гладит ее щеку, а она млеет. Вот бы услышать, о чем они говорят. Катька чертыхнулась и решила наблюдать до конца этот четвертый акт пятой сцены непонятной ей немой пьесы.

— Я должен уехать, — говорил между тем Толя. — Мать совсем плоха. Врачи говорят, что необходима операция, а это значит, что остаток лета я проведу в больнице.

— Мне очень жаль, — сказала Лиза так искренне, что Толя не удержался и провел рукой по ее щеке.

— Какая нежная у тебя кожа, — сказал он. — Мне тоже жаль. — Постояли молча.

— Увидимся, значит, на следующее лето, — сказала Лиза, только чтобы не молчать.

— Видимо, так. — Толя задумчиво посмотрел на девушку. — Ты, Лиза, всегда можешь рассчитывать на меня. Что бы ни случилось. — Он снова замолчал. Наверное, от волнения ему было трудно говорить. — Только дай знать, и я, как Сивка-Бурка...

— Толя, ты прости меня, что я так плохо думала о тебе.

— Сам виноват, — он взял ее руку. — А теперь, Елизавета Никитична, до свидания.

Лиза, не очень понимая, что делает, движимая порывом, приподнялась на цыпочки и поцеловала Толю прямо в губы. Он обнял ее, и на мгновение оба потеряли ощущение времени. Впервые в жизни Лизу по-настоящему целовал мужчина — страстно, нежно и осторожно.

Батюшки! Катька прижала ладонь ко рту. Целуются! Стремясь достигнуть идеального обзора, она неосторожно качнулась вперед, бедняга стол накренился, секунду еще продержался и — рухнул вместе с грузом на пол, распавшись на отдельные доски. Пытаясь удержаться, Катька хватанула воздуху, задела полку с кастрюлями и только чудом не уронила себе на голову сковородку.

В дом, испуганные грохотом, вбежали Лиза с Толей. Катерина в этот момент выбиралась из-под обломков.

— Рухлядь, а не стол, — сказала, отряхиваясь. — Давно надо было его выбросить.

— Ты что, Кать, никак, подсматривала? — Толя смотрел на девушку с веселым удивлением.

— Вот еще! — фыркнула та. — Сдались вы мне. Целуйтесь себе на здоровье без меня!

— Катя! — ахнула Лиза.

— А что? — немедленно вскинулась Катька. — Думаешь, приятно, когда что-то от тебя скрывают? И кто? Родная сестра! Тем более, — продолжала Катерина, вполне профессионально разводя демаго-

гию, — у меня теперь специализация такая. — Она важно замолчала.

— Что еще за специализация? — уже улыбаясь, спросила Лиза. На Катку невозможно было долго сердиться.

— Будем считать, что это было мое первое журналистское расследование.

— Завершившееся первым журналистским крахом, — подхватила Лиза. — Ладно. Ты пока приберись, — она окинула взглядом разгромленную кухню, — насколько это, конечно, возможно. А я Толю провожу и потом помогу тебе.

— Счастливо, Катерина! — крикнул уже от двери Толя. — Творческих тебе успехов!

Чертыхаясь и поминутно вздыхая, Катерина покорно принялась за ликвидацию последствий не совсем удачного, зато первого в жизни «расследования».

Бабушка вернулась, когда кухня уже была приведена в порядок. Правда, место развалившейся реликвии занял небольшой столик с веранды, но в целом все выглядело неплохо. Исчезновение старого верного стола, стоявшего до последнего, было объяснено его внезапной кончиной от перегрузки — якобы неразумная Катька взгромоздила на него ведро с водой. Нина Григорьевна только плечами пожала, хотя в душе сильно расстроилась из-за утраты. За многие годы она привыкла к своим вещам, иногда разговаривала с ними, жаловалась на одинокую судьбу и очень неохотно расставалась — словно прощалась с какой-то частичкой своей жизни.

— Давайте попьем чайку, — заискивающе предложила Катя, чувствуя бабушкино настроение. — Завтра я уезжаю, так хоть посидим тихо напоследок.

— Тихо — это хорошо, — согласилась Нина Григорьевна.

Катерина быстро заварила чай, выложила в вазочку печенье, конфеты, налила в пиалу свежее, этого года, клубничное варенье.

— Садись, ба, готово, — поставила перед Ниной Григорьевной чашку. — И ты, Лизка, тоже подруливай.

Покатился негромкий разговор, Нина Григорьевна потихоньку успокаивалась, стол перестал казаться большой потерей, зато завтрашний отъезд Кати расстраивал. Вот и Лиза к осени уедет. И опять долгая одинокая зима. Спасибо, хоть Толик стал захаживать. Живая душа...

— Послушай, ба, — начала Катя, — а почему ты после гибели мужа больше замуж не вышла? Ведь ты же красавицей была.

— Ну уж прямо красавицей, — смутилась Нина Григорьевна. — Хотя, конечно, ухажеры были.

— И что? — тут же пристала Катька.

— Ты понимаешь, — бабушка отставила чашку, — был один хороший такой мужчина, уже после войны. Мы только-только начали на ноги вставать, трудное, конечно, было время. Так вот за него, за Дмитрия Алексеевича, я чуть было и не вышла.

— А что случилось? — спросила Лиза.

— А сон мне приснился. Сплю я и вижу, что просыпаюсь. А в ногах у меня стоит мой покойный муж и говорит: «Не ходи, Нина, замуж. Прошу тебя очень об этом». И исчез. Растворился.

— Ну как же так, — немедленно возмутилась Катька. — Это же эгоистично.

— Не знаю, Катенька, эгоистично или нет, — сердито сказала бабушка, — а только через несколько лет Дмитрий Алексеевич спился. Совсем пропал человек. А к тому времени он женился на нашей соседке и жену с детишками бил. Вот так вот, — закончила Нина Григорьевна с видом победителя.

— Ты, ба, чересчур увлекаешься суевериями, — сказала Катя.

— А ты, Катюшенька, зря про них забываешь.

— Бабушка, — примирительно сказала Лиза, — просто Катьке необходимо свое слово оставить последним.

— Это в мать, в мать, — закивала Нина Григорьевна. — Ладно, — она поднялась. — Спать пора.

Лиза уже засыпала, когда к ней в комнату пробралась Катька. «Сейчас пытать будет», — вяло подумала Лиза и сделала вид, что спит.

— Лиз, Лиз. Ты спишь?

— Конечно, сплю! — сердито прошептала старшая. — А у тебя очередной приступ лунатизма?

— Лизка, а ну давай колись, что у тебя с Шершавым? — Сестра сразу пошла в атаку.

— Ничего, — отрезала Лиза. — Спать иди.

— Как же ничего. Я же видела.

— Тебя в школе разве не учили, что подсматривать и подслушивать нехорошо? — Лиза села в постели.

— Я только подсматривала. К сожалению, слышно ничего не было, — с обезоруживающей искренностью сказала Катька. — Ну, давай, рассказывай, — и удобнее устроилась на полу.

— Да с какой стати?

— А не будешь рассказывать, и я ничего не скажу.

— Очень мне интересно, — фыркнула Лиза.

Помолчали. Катька терпеливо выжидала, когда добыча попадет в расставленные сети.

— Что такого интересного можешь мне рассказать ты? — не выдержала заинтригованная сестра.

— Про нас с Кириллом, — был ответ.

«Хорошо, что темно, — Лиза поежилась. — Не видно моего лица». А вслух сказала:

— Договорились. Только ты первая.

— А не обманешь? — Катя спросила на всякий случай, хотя прекрасно знала, что слова своего Лиза никогда не нарушит. Та в темноте помотала головой, Катька выдержала паузу и заявила: — У нас с Кириллом было.

Лизе показалось, что ее ударили в солнечное сплетение. Она подозревала, опасалась, мучилась, но все время надеялась, что наиграется Катька и сбежит, что ничего у них не выйдет. И вот на тебе!

— Ну и как? — Спросила, чтобы молчание не показалось неестественным: сестра ведь ждала реакции.

— Ты не представляешь! — Катерину словно прорвало, и теперь слова посыпались из нее горохом. — Это что-то потрясающее. Чувство такое, что взлетаешь. Правда, конечно, сначала больно было и стыдно даже немного, все-таки первый раз перед мужчиной, и все так странно... Но потом как-то стыд уходит, обо всем забываешь, и хочется только любить его, ласкать, раствориться в нем. У Кирилла родители с Машкой уехали на дачу, и у нас была целая неделя. Целая неделя! Лизка, мы из постели не вылезали.

Я домой только ночевать приходила. Но вот если бы еще и ночь. Заснуть с ним рядом, а утром проснуться, обнять и никуда не бежать, а лежать с ним рядышком, целовать, гладить...

Лиза сидела оцепенев. Слова долетали до нее, она их слышала, пыталась даже себе представить Катю с Кириллом, но получалось плохо, словно сквозь пелену, ничего не видно... Провела по щеке и поняла, что плачет.

— И что теперь?

— Как только мне исполнится восемнадцать, мы женимся.

Будто вбила последний гвоздь. Лиза, словно от боли, поморщилась.

— Прекрасно. — Слова прозвучали бесцветно.

— Прекрасно? И это все, что ты можешь мне сказать?

— Кать, у меня же ничего такого не было, — заторопилась Лиза, она вдруг испугалась, что сестра в эту минуту, в этот момент истины все поймет. — Мне трудно вообразить...

— Извини, а Шершавый? — Катя даже привстала. — Он же ни с одной девчонкой так просто разговаривать не будет. А вы целовались.

— Это был единственный в моей жизни настоящий поцелуй, — прозвучало почти трагично. — Я, знаешь, как бедная Лиза у Карамзина, боюсь ужасно. Словно на мне проклятие имени: полюблю и закончу свои дни в нашем пруду.

Катя хихикнула.

— Тебя в честь императрицы назвали. — Подумала немного. — Стой, а Венгр?

— Ты знаешь, я о нем тут забыла совсем. С Венгром как-то все не так. Как с другом. Как с мальчишкой.

— Тоже мне нашла мальчика, — с недоверием произнесла Катя. И оживилась: — Слушай. Если у тебя какие-то вопросы, сомнения, я могу тебе все рассказать. — Она чувствовала, что, пожалуй, первый раз в жизни может чему-то научить сестру, а не наоборот. — Ты только скажи!

— Скажу, если придет время. А сейчас вали спать.

Кате хотелось еще поболтать, но Лиза проявила твердость. Наконец, младшая сестра ушла, скрипнула кровать в соседней комнате, стало тихо. Лиза лежала, вслушиваясь в тишину. За стеной негромко посапывала бабушка, Катька ворочалась еще некоторое время, потом все окончательно стихло.

И только тогда Лиза позволила себе уткнуться в подушку и зарыдать. Глухо, взхлеб, но так, чтоб никто не услышал: этому она научилась еще в детстве.

11.

Конечно, Лиза никогда не забывала про день рождения своей сестры. Заранее подбирала подарок, затем тщательно прятала его от губительного любопытства именинницы и, наконец, в означенный день торжественно и с удовольствием вручала. Катя обычно бывала возбуждена, даже взбудоражена, носилась по квартире, всех задирала, и Лиза чувствовала не только свою причастность к празднику, но и неизменность основ жизни — если Катка девятого января сходит с ума, значит, мир стоит на прочных устоях и пока все в порядке.

Однако в этом году все было по-другому. Дни до дня рождения сестры Лиза буквально считала. То есть просыпалась каждое утро с мыслью: вот, осталось всего девяносто шесть дней, пятьдесят четыре, тридцать два, тринадцать, пять... Каждое утро надеялась, что день принесет сногшибательную новость — о сокрушительной ссоре жениха и невесты и окончательном разрыве. Было, конечно, совестно: еще бы, желать зла такой взбалмошной и такой любимой сестре! Но оказалось, что есть вещи посильнее совести. И Лиза, через силу улыбаясь, ежевечерне, как бы невзначай, спрашивала: ну и как у вас,

все в порядке? Неужто не передумали вешать на шею хомут в таком нежном возрасте? Ну вы и отчаянные ребята! Это стало почти традицией, Катя смеялась и ждала вопросов, чтобы радостно завопить: нет! ни за что! вот такие мы чокнутые влюбленные! Она думала так: смешные вещи Лиза спрашивает для того, чтобы лишний раз всем напомнить, какая же она, Катька, счастливая.

Родители в такие моменты молча, чуть испуганно, переглядывались и поспешно отводили глаза. Они в восторге от свадебных планов, мягко говоря, не были и так же, как Лиза, в глубине души мечтали, что все разладится.

Старшая дочь их понимала, однако виду не показывала. Было бы совсем уж нечестно создать этакий тройственный союз против одной-единственной, ослепленной счастьем Катьки. Мама, естественно, попыталась в день так называемой помолвки, а попросту говоря, в день объявления родителям о свадьбе устроить скандал. Даже закатила самую настоящую истерику, успокаивать ее пришлось всем: и отцу, и Лизе, и даже виновнице слез. Не помогло, к сожалению. Когда Любовь Константиновна, разлепив отекшие от рыданий глаза, слабым голосом спросила у непутевой дочери: ну что, Катенька, ты ведь передумала, правда? — Катерина ответствовала жестко и безапелляционно: ни за что! Четко, с восклицательным знаком. Любовь Константиновна снова глаза закрыла.

Последовали вполне разумные тихие вопросы отца: а как собираетесь жить? а на что? а где? Катька отвечала, почти не задумываясь. Жить собираемся здорово. На стипендию, и Кирилл будет подрабатывать. Здесь. На слове «здесь» последовал рецидив истерики, но уже

не такой мощный. Все устали. Лизе казалось, что еще немного, и она сама грохнется в припадке невротических судорог, но сил не было даже на то, чтобы выплакаться.

Ночью лежала без сна. Мерешилось, что когда-то, давным-давно, она через все это уже проходила. Через переживания, безнадежность, через зажатые в горле рыдания. От мыслей приходило какое-то пугающее спокойствие и ощущение безвыходности — так тому и быть.

После душераздирающих сцен в доме установилась тишина. Поняв, что Катерина уперлась, и Лиза, и Никита Владимирович, и даже Любовь Константиновна словно затаились. Авось сама одумается. Но проходили дни, месяцы, а Катя и не думала отказываться от замужества.

Кирилл был официально представлен родителям, и они нашли слабое утешение в том, что, хоть, слава Богу, парень вроде бы не подонок. Лиза про себя горько усмехнулась: папа с мамой смирились, пора и мне... Но не тут-то было! Чувствовала себя в кошмаре, в бреду. Мало того что они женятся, мало того что будут жить под одной с ней крышей, так Кирилл еще ее, Лизу, выбрал в советчики! Как ты думаешь да как ты считаешь! А что я могу считать, хотелось Лизе крикнуть ему в лицо, если я, когда тебя вижу, вообще думать не могу!

Честно старалась выкинуть Кирилла из головы, из сердца, или где там селится это неумное чувство. Честно старалась объяснить себе, что он ничем не лучше миллионов других мужчин. И иногда казалось, что близка к успеху. Но приходил Кирилл, и все построения рушились. Лиза тогда под любыми предлогами убегала из дому — в библиотеку, в университет, на свидан-

ния к нелюбимому Венгру. Возвращалась поздно. Старалась прийти, когда Катя уже спала, — только чтобы не слышать ее восторженных речей.

Девятое января приближалось. Свадьба была назначена на пятнадцатое, и, судя по всему, уже ничто не могло остановить это замечательное событие. На день рождения были приглашены, естественно, Кирилл и его родители. Знакомство будущих родственников приурочили к знаменательному дню. Катька предлагала Лизе позвать Венгра — уж очень ей хотелось втянуть в любовный круговорот и сестру. Но Лиза справедливо считала, что не сможет играть столько ролей: послушной дочери, влюбленной студентки, а также радующейся счастьем младшей сестры старой дуры.

— Катя! — Лиза заглянула в свою бывшую комнату, которую на семейном собрании было решено отдать молодым. Ощутила привычное тупое раздражение: все не так, порядка нет, вещи валяются где ни попадя. Хотела сделать замечание, но проглотила слова упрека — хватит, не мое теперь, пусть живет, как знает. — Я уйду заниматься. Буду поздно. Пожалуйста, передай родителям, чтоб не волновались.

— Передам, не беспокойся, — Катя спустила ноги с софы, на которой валялась. — Ты чего такая надутая, Лизавета?

Лиза дернула плечом и попыталась скрыться за дверью. Когда научусь владеть эмоциями?

— Пока!

— Нет-нет, подожди! — Катька одним прыжком догнала ее. — У тебя что-то не так? Ты скажи, вдруг я смогу помочь? — Участливо и абсолютно серьезно заглядывала сестре в глаза.

— Все не так, — вырвалось вдруг у той. — Вся жизнь. — Почувствовала, что еще немного, и заплачет.

— Ты что, — прошептала Катька. — С Венгром что-то?

Лиза помотала головой. Удержать слезы. Удержать слезы.

— Просто как проклятая целыми днями занимаюсь и занимаюсь. И больше ничего нет. Ты вот замуж уже выходишь, хоть и младше меня на полтора года. И где, по-твоему, справедливость? — Сумела даже улыбнуться.

— Подумаешь! — Младшая сестра облегченно рассмеялась. Она искренне беспокоилась за Лизу, но и очень было бы обидно, если б вдруг с той что-то случилось, — тогда день рождения коту под хвост! — Ты у нас умница-красавица. Счастливей меня будешь! — Почесала озабоченно затылок. — Если такое возможно, конечно.

— Ладно, пойду.

— Я скажу предкам. Не беспокойся. — Подмигнула. — Можешь и подольше задержаться. Если вдруг какие интересы...

— Не думаю.

Однако и по дороге в библиотеку, и сидя за книгами Лиза гоняла в мозгу это нехитрое замечание. Через два часа встала. Решила позвонить Венгру.

Он оказался дома. Лиза и обрадовалась и огорчилась одновременно. Что больше — даже не поняла.

— Лиза! — Он так радостно завопил, что у нее немного отлегло от сердца. — Ты так давно не звонила. Ты где?

— Как всегда. На самом дне кладези премудростей.

— В библиотеке, что ли?

— В ней. Чтоб ее.

— Может, зайдешь ко мне? — Голос звучал робко и несмело, словно, предлагая, он заранее принимал отказ.

— Может, и зайду.

Повисла пауза.

— Когда?

— Да хоть сейчас.

Лиза неожиданно для себя ощутила потребность поговорить с Венгром. Почему? Увидеть его чуть несчастное, чуть нелепое выражение лица? Почувствовать, что не одинока в своих страданиях? Честно ли это? Играть на чужих чувствах, чтобы самой было легче? Ответить на этот вопрос не успела.

— Я тебя жду! — крикнул Венгр ей прямо в ухо и поспешно бросил трубку.

Чтобы не успела передумать. Знает, что у меня веч-
но нет жетонов.

Собрала вещи и решила пройти до квартиры Венгра пешком. Путь не очень далекий. От Горьковки, где Лиза занималась, до его дома не больше получаса. Тем более что вечер выдался необыкновенно задумчивый и снежный. Снег мягко падал с неба крупными хлопьями, ветра не было совсем. Казалось, что находишься в детстве, в сказке, чувствуя полную отрезанность от обыденности и реальность чуда. Особенно хороши были фонари — круглые желтые пятна на белом фоне. Самый подходящий вечер для влюбленных. Лиза шмыгнула носом. Никогда-никогда-никогда я не буду брести по такому снегу в обнимку с любимым человеком. Чувство-

вать его дыхание в унисон своему. Слышать его сердце. Знать, что никогда-никогда-никогда он меня не оставит.

Зачем я иду к Венгру? Затем, чтобы разорвать эти проклятые крепкие нити. Затем, чтобы покончить с кошмаром.

Лиза подошла к знакомому дому. Вокруг было тихо, мягко падающий снег словно подчеркивал эту вечернюю зимнюю тишину. Буду стоять здесь, пока меня не занесет белым, пока не превращусь в сутроб, в толстую снежную бабу. Дети нарисуют мне рот углем, наденут на голову ведро, а в руки сунут метлу. Хороша же я стану.

В освещенном окне метнулась знакомая долговязая фигура. Лиза вздохнула и вошла в подъезд.

За полчаса Венгр успел прибрать квартиру, во всяком случае, видимые ее участки. Нарезал сыр, колбасу, поставил фужеры для вина и даже разыскал спрятанную матерью коробку конфет. Расставил все это на небольшом сервировочном столике в своей комнате.

— Привет, — Лиза перешагнула порог и попала в круг света. Только тут заметила, что вся в снегу. Охнула, вернулась на лестничную клетку, стала отряхиваться, подскочил Венгр, помог.

— Неужели такой снег сыплет?

— Ты что же, весь день дома просидел и даже в окно ни разу не посмотрел?

— Угу. Никуда не выходил сегодня. Валялся.

— Продрых такую замечательную погоду, — засмеялась Лиза. На мгновение Венгр испугался, что девушка потащит его гулять по заснеженной Москве, но она уже входила в квартиру. Венгр зашел следом и плотно закрыл дверь.

— А где твои? — шепотом спросила она.

— В гостях, — тоже шепотом ответил он. — Будут поздно. А я, как знал, отказался идти.

— Поесть дашь?

— Конечно, — просиял Венгр. Повесил пальто гостыи и прошел следом за ней к себе в комнату. Погасил верхний свет, оставил гореть торшер, включил музыку: сделал то, что не успел к ее приходу. Огляделся. Вроде порядок. Лиза уже сидела на диване, поджав ноги, и уплетала бутерброд.

— Вина выпьем?

Она пожала плечами с видом: почему бы нет. Венгр налил полный фужер, девушка послушно отложила бутерброд и выжидательно на него посмотрела.

— Давай за нас, — предложил он.

Лиза еще раз пожала плечами и неожиданно махнула все содержимое фужера. Венгр не успел и глазом моргнуть. Налил снова. В мозгу завертелась мысль: напоить бы ее, тогда все проще. Подождал, пока она доест эту чертову колбасу, еще добавил вина.

— Что, опять? — весело спросила Лиза. — За что на этот раз?

Венгр задумался ненадолго:

— Давай опять за нас.

— Ты не оригинален. Давай за счастье твоего друга Кирилла, который женится на моей сестре.

— Давай, — быстро и равнодушно согласился парень.

— Пусть живется им сладко и легко, пусть их совместные дни будут наполнены медом и патокой. Пусть им станет поскорее тошно друг от друга, — и снова выпила до дна.

Венгр, который слушал Лизу не очень внимательно,

подумал, что ослышался. Проследил, как она выпила, и понял, что момент настал.

— Лиза, послушай меня, — решительно начал он. — Я давно хотел сказать тебе... — на этом его решительность иссякла. Лиза смотрела вопросительно и не думала приходить на помощь. — Так вот, я хотел сказать тебе... Я люблю тебя. Вот, — выпалил Венгр.

— Ну что ты, Димочка, ты просто немного увлечен.

— Увлечен? — взвился молодой человек. — Это называется «увлечен»? Я, кроме как о тебе, последнее время ни о чем думать не могу. Вся жизнь свелась к ожиданию твоего звонка. А стоит тебе позвонить, так и существование вроде смысл обретает и уже ждешь приговора — придешь или нет. Увлечен, — он горестно усмехнулся.

Она провела рукой по его волосам, он тут же схватил ее запястье и прижал к губам.

— Лиза, девочка моя, — зашептал, — я так люблю тебя.

Лиза откинулась на спинку дивана и ощутила, как тело расслабляется. Смежила веки и лениво подумала: пусть все катится, как катится. Она не стала открывать глаз, когда почувствовала губы Венгра на своих губах, шее. Позволила ему расстегнуть кофточку и очнулась, только когда он стал стягивать с нее юбку.

— Что ты делаешь? — зашептала в ужасе. — Прекрати немедленно.

— Тихо, тихо, — шепотом ответил пылкий поклонник. — Если хочешь, я свет погашу.

Он перегнулся, и как-то в один миг стало очень темно. Лиза распахнула глаза и ничего не увидела, зато вскоре почувствовала, что юбку с нее Венгр уже

снял и теперь целует ее живот и грудь. Она начала задышаться.

— Перестань, перестань сейчас же, — никак не могла заговорить громко, все время шептала.

— Сейчас, сейчас, — отозвался Венгр.

Что сейчас? Что сейчас? Лиза поняла, что лежит на диване уже совершенно голая и что Дима наконец оставил ее в покое.

— Ты где? — она попыталась нашарить свою одежду.

— Я здесь, здесь, — он очутился рядом, рука девушки ткнулась в его тело...

— Ты что, разделся?

— Не бойся, я буду очень нежным. — Он протянул руки, прижал испуганную Лизу к себе, начал гладить.

Та, не зная, куда деть свои руки, и вообще не представляя, что делать, сосредоточилась на одном: постараться как можно меньше касаться Венгра, особенно того места, которое явилось источником ее сегодняшних неприятностей. Потом снова заговорила:

— Послушай. Остановись. Не надо: Я не хочу.

— Почему? Почему? — спрашивал Венгр, подминая ее под себя.

— Я не люблю тебя. Я не хочу тебя. Отпусти же меня, наконец! — Лиза попыталась сопротивляться, но было поздно. Длинное тело нежеланного партнера надежно притискивало ее к дивану.

— Сейчас, сейчас, — бормотал он, жарко дыша в ухо.

О Господи, и что Катька в этом нашла хорошего, думала Лиза, испытывая боль и омерзение. Гадко, отврати-

тельно, и подумать только, ради этого люди сходят с ума...

Когда Венгр отпал от нее, бормоча слова благодарности и любви, Лиза, не проронив ни слова, встала, взяла одежду, прошла в ванную. Долго стояла под душем, отмывая тело чужим мылом. Когда вернулась в комнату, то обнаружила, что Венгр и не думал вставать, только накрылся пледом. Торшер снова горел.

— Лиза, — радостно позвал он. — Давай выпьем. Я так счастлив. Иди ко мне. Зачем ты оделась?

— Я ухожу, — сухо ответила она. — И думаю, что мы больше никогда не увидимся.

Не желая видеть его оторопевшего лица, быстро повернулась и вылетела из квартиры. До метро она почти бежала, — казалось, что ее преследует отчаянный вопль, которым Венгр огласил тихий московский дворик:

— Лиза! Вернись!

С самого утра Катерина никому не давала покоя. Вихрем летала из комнаты в комнату, на кухню и опять по комнатам. Гостей ожидали к пяти, уже отбило три, и, по мнению Катьки, еще ничего не было готово. А впечатление необходимо было произвести самое лучшее, и понравиться друг другу должны были все — без исключения! Так что можно себе представить, сколько хлопот было у именинницы: не только проследить, чтобы закуски удались, жаркое не подгорело, водка достаточно охладилась, но и вдобавок заставить и родителей, и Лизу выглядеть подобающим образом. Причем большие проблемы возникли с сестрой. Она ни за что не хотела надевать красивый ярко-синий костюм, купленный специально для этого случая. Уперлась — джинсы и рубашка, так и быть, белая. Мне так удобнее и мое место на кухне. Хоть тресни! Пришлось пойти на крайнюю меру — пустить слезу. Это подействовало. Лизка хоть и надулась ненадолго, но согласие на костюм дала, слава Богу. Пусть все видят, что у меня еще и сестра умница-красавица, вот так вот!

В половине четвертого Катерина исчезла из поля

зрения — ушла одеваться и краситься. В четыре отправила краситься маму. В полпятого подобрала папе галстук. Без пятнадцати пять накинулась на Лизу — ты еще не одета! В пять все было готово. Именинница последний раз прошла перед своим войском — не подкачайте. В пять десять прозвенел звонок. Все вздрогнули. Лиза рванула на кухню, Катя пошла открывать, родители с вымученными улыбками выстроились у двери.

— О! Ну, здорово, куманьки!

В узкий коридор ввалился здоровый розовощекий дядька. С ходу хлопнул по плечу обалдевшего Никиту Владимировича, потряс руку Любви Константиновне, облобызал будущую невестку.

— Люблю без церемоний, — пояснил он. — Значит, так. Меня кличут Степаном Алексеевичем. Зоя Тихоновна, моя благоверная, и юный наш отпрыск Кирилл.

— Да мы знакомы, — промямлил Кирилл, на его лице было написано страдание.

— Проходите, проходите, — засуетилась Катерина. — К столу, пожалуйста.

— Хороши закуски, — одобрил стол Степан Алексеевич. — Катерина, твоя работа, а? — Он подмигнул Катке с отнюдь не отеческим выражением лица. Так и казалось, еще немного — и шлепнет ее по заднице. — А под закуску у нас что? — Степан Алексеевич по-хозяйски взял со стола запотевшую бутылку водки, посмотрел этикетку. — «Кристалл». Уважаю.

— Садитесь, пожалуйста. — На помощь дочери поспешила Любовь Константиновна.

Все расселись. Последовал неизменный ритуал наполнения тарелок и рюмок. Катя с Кириллом сели рядом — «как голубки», тут же заметил неугомонный, видимо, на шутки Степан Алексеевич. Из кухни показалась Лиза, была представлена, оценена и приглашена за стол. Она постаралась сесть с самого края, чтобы при первой же возможности улизнуть на кухню. Место оказалось рядом с отцом Кирилла.

— Ну-с, — Степан Алексеевич поднялся с полной рюмкой в руке. — За молодых. За тебя, Катюха, и за тебя, Кирюха. Чтоб жилось вам долго и счастливо, чтоб дом ваш был полная чаша. — Он одним движением вылил водку в горло, крякнул и шумно сел обратно на свое место, захрустел огурцом.

Остальным ничего не оставалось делать, как последовать его примеру. Лиза тоже выпила водки (первый раз в своей жизни). На глазах выступили слезы, она мучительно закашлялась, жестом извинилась и вылетела из-за стола.

— Бывает, бывает, — пробасил Степан Алексеевич. — Дело молодое.

Слегка закусили. Налили по новой. Пришла Лиза, села.

— Явление второе, — сказала Катька.

— Ну-с, теперь давайте за именинницу со всеми вытекающими, — хохотнул Степан Алексеевич и как-то криво подмигнул сразу всем.

Чокнулись, выпили. Лиза хотела пропустить этот тост, но была поймана бдительным соседом. Сделала вид, что пьет, на самом деле только смочила губы.

— Да ты не лижи ее, — стал учить Лизу Степан Алексеевич. — Для этого есть вещи послаще. Ты гор-

тань расслабь — и р-раз — водочка уже там, где ей и подобает быть.

— Да у нас девочки непьющие совсем, — обрела, наконец, дар речи Любовь Константиновна.

— Это хорошо, — поспешно кивнула Зоя Тихоновна и скосила глаз на мужа.

— Хорошо-то хорошо, — кивнул Степан Алексеевич, — но вот только ученые на Западе говорят, что в малых дозах водка спасает от инфаркта. У меня даже вырезка газетная есть. Я ее всегда с собой ношу. — Он потянулся через стол к Кате. — Положи-ка мне, дочка, вон того салатика.

— Сейчас чего только не напишут, — сердито сказала Любовь Константиновна. — Я недавно прочитала, что под землей, прямо под нами, живут чудища какие-то — гигантские черви. И что вроде уже пару таких на какой-то там станции метро видели.

— Врут складно, это точно, — Степан Алексеевич разлил водку. — Это уметь надо. Вот у нас в армии был парень. Как начнет заливать, так и не поймешь — было иль нет на самом деле. Помню такой случай. — Он покраснелся, оживился. — Помнишь, Зоя, я рассказывал?

— Это про баню, что ли? — с ужасом в глазах спросила жена. — Неудобно, ты что. Первый раз в гости, что про нас подумают.

— Давайте лучше за Катиных родителей выпьем, — громко предложил Кирилл.

Выпили. Лиза ушла посмотреть горячее. Разговор за столом разгорелся вокруг газетных статей — в основном между Степаном Алексеевичем и Любовью Константиновной. У обоих голоса были громкие, мане-

ры — напористые, остальным рядом с ними ловить было нечего. Катя с Кириллом о чем-то тихо переговаривались, посмеивались; Зоя Тихоновна молча ела, уткнувшись в тарелку; Никита Владимирович сидел, откинувшись на диване, смотрел на гостей, грустно прикидывал, как они уживутся вместе с новоиспеченным Катиным мужем и частыми ли гостями в их доме станут родители Кирилла.

Лиза все не возвращалась. Сидела на кухне, подперев голову рукой, и тупо смотрела в заснеженное окно. Она не представляла себе, как жить дальше. Слишком больно видеть Кирилла рядом с Катей, слишком невыносима мысль о том, что совсем скоро свадьба, и платье уже куплено, и подарки, и надо делать радостное лицо, а потом изо дня в день изводить себя тоской, и конца этой пытке не видно. А если еще Катька родит?

Лиза вздрогнула. Куда же мне деваться? Куда? Денег нет, даже комнату не снимешь. Уехать некуда. Сбежать некуда. Только если к бабушке, но это летом, а сейчас-то что делать, что? Хоть за Венгра замуж и жить к нему — все лучше.

Вспомнилась его просторная квартира и тут же, без перехода, все то, что недавно произошло между ними.

Нет, ни за что. Тогда придется спать с ним каждый день. Лучше уж здесь.

Лиза встала, взяла большое блюдо с горячим и попелась в гостиную. Ее бурно приветствовал Степан Алексеевич, громко заявил, что под горячее сам Бог велел, и долил остатки водки из бутылки.

— Давай, Лизавета, за тебя выпьем, — он попробовал подняться, но грузно завалился на стул, махнул рукой и продолжил: — Ты, главное, не робей в жизни,

давай, — он вложил в ее пальцы рюмку: — Жениха тебе хорошего.

Катка хихикнула, и Лиза с удивлением заметила, что глаз у нее порядком замутнел. Она обвела взглядом стол: закуски были сметены, две бутылки из-под водки перекочевали на пол, в ход пошло вино. Когда успели? Повела плечом и стала искать повод, чтобы снова слиться на кухню. Застолье ее явно не увлекало. Решила собрать опустевшие тарелки, и неожиданно к ней в помощники вызвался Кирилл. Лиза попробовала возразить, но слово взял Степан Алексеевич, и ее тихие протесты были похоронены под мощным напором.

— Пусть приобщается, нечего, нечего. Раз надумал жениться, я так считаю, значит, должен уметь делать все. Вперед, сынок.

Кирилл помог сгрузить посуду в раковину, Лиза надела фартук и принялась мыть тарелки. Она снова ушла в себя и поэтому, когда за ее спиной раздался голос Кирилла, невольно вздрогнула и чуть не выронила любимую мамину салатницу.

— Я понимаю, Лиза, — говорил Кирилл, — что ты не в восторге от наших планов...

Она похолодела. Неужели он все понял? Неужели догадался о ее чувствах? Еще не хватало! Все буду отрицать! Что бы ни говорил, как бы прав ни был!

— ...мне и самому не улыбается перспектива жить с твоими родителями, в вашем доме. Но понимаешь, Катка уперлась: только здесь — и дело с концом, и слушать меня не желает. — Он машинально взял полотенце, начал вытирать тарелки. — Только я хочу, чтобы ты знала: я уже подыскал работу, скоро начну зарабатывать, и мы сразу же снимем какой-нибудь угол.

Лишь бы не у вас на голове. — Он усмехнулся: — Почему-то мне очень важно, чтобы об этом знала ты.

Лиза перекрыла воду, повернулась к нему лицом, грустно посмотрела в глаза. Она вдруг поняла, что пытка совсем не видеть его может оказаться еще страшней.

— Да все нормально, — постаралась вложить в голос как можно больше бодрости, но вышло жалко.

— Брось, Лиза, мы же друзья. И я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не увидеть неземную скорбь в твоих глазах.

Неожиданно для обоих он привлек девушку к себе, поцеловал в макушку. И на неуловимую долю секунды словно ухватил ускользающую нить — как если бы в памяти выплыло слово, которое мучительно не вспоминалось весь день. В этот краткий миг ему вдруг показалось, что рядом существует нечто гораздо более глубокое и необъятное, нечто совершенно из другого измерения, чем все его отношения с Катей.

Мне ведь жить с ними обеими, прошибла его мысль. Как в коммуналке. А если скандалы — и у Лизы на глазах. Как тогда оградить ее от этого кошмара?..

Катю в роли жертвы Кирилл совершенно не представлял — ему просто не приходило в голову, что и ей может понадобиться его защита. Скорее наоборот...

— Где жених-то? — донесся из комнаты раскатистый голос Степана Алексеевича.

Кирилл поспешно отстранился от Лизы, мгновенное летучее чувство исчезло без следа. Да было ли оно?

— Пойдем. — Он стащил с Лизы фартук. — Нечего тебе вечно торчать на кухне. — И за руку повел ее в гостиную.

Остаток вечера Лизе запомнился плохо. Какие-то

бесконечные споры, тосты, громкие речи и напутствия. Долгое топтание в дверях, поиски шапки Степана Алексеевича и сумочки Зои Тихоновны. Снова мытье посуды, душ и, наконец, постель и такое спасительное одиночество.

Лиза долго не засыпала. Она по крупицам раскладывала, собирала и снова раскладывала воспоминание о руках Кирилла, о его груди, к которой всего лишь на мгновение прижалась ее голова, о поцелуе, которым была награждена ее макушка, чувствовала непонятное счастье и острую зависть к Катьке: надо же, ведь везет же человеку — в любую минуту, когда ей заблагорассудится, она может и обнять его, и поцеловать, и провести рукой по его волосам. И что интересно — воспринимает этот дар как должное, словно иного и не дано, словно так предначертано, словно только ее и дожидался этот счастливый билет.

Пятнадцатого января Лиза открыла глаза с чувством, что жизнь ее кончена. Вставать не хотелось, умываться, завтракать, причесываться тем более — все это приближало ее к роковой черте, за которой она навсегда потеряет Кирилла. Снова закрыла глаза и постаралась сделать вид, что спит. Раньше, чем через час — не встану! Однако теперь, в проходной комнате, даже сделать вид, что спишь, было нелегко. Постоянно кто-то шастал.

Лиза раздраженно села в постели. В шкафу возилась Катька.

— Что потеряла, невеста?

— Помнишь, у мамы была такая брошка? — Катя села на пол, по ее напряженному лицу было видно, как мысль ведет поиск. — Переплетающиеся лилии? Она ее почти не носила, говорила, очень вычурно. Ну? Вспомнила?

— Да вспомнила, конечно, — Лиза потерла глаз. — Тебе-то она зачем сегодня сдалась?

Катька вздохнула так горестно, что Лизе стало жаль ее.

— Да украшения же никакого нет к свадебному платью!

— Ты же хотела свои цепочки надеть, — Лиза спустила ноги с кровати. О том, что она не собиралась вставать раньше, чем через час, уже было забыто. В конце концов, у сестры свадьба — это что-то да значит!

— Они никуда не годятся! Я сегодня утром как взглянула на них, так сразу поняла — ни к черту!

— Погоди, погоди, — Лиза села рядом с Катей. — Давай вспомним, мама хранит забытые украшения в шкатулках. Так?

— Так.

— А шкатулки распаханы по разным шкафам...

— Вот я и роюсь в шкафах с утра пораньше, вместе того чтобы готовиться к свадьбе.

Лиза внимательно посмотрела на Катю и поняла, что та на грани нервного срыва.

— Не переживай так по пустякам...

— Ничего себе пустяки! Пустяки! Свадьба бывает один раз в жизни!..

— Ну, не всегда только один раз, — промямлила Лиза и тут же под сверкнувшим Катькиным взглядом прикусила язык.

Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга, и трудно сказать, чем могла кончиться эта утренняя сцена, если бы не дверной звонок. Катька скорчила недоумевающую рожицу — кто бы это мог быть? — а Лиза пожала плечами.

— Боже мой! Боже мой! — Голос мамы разлетелся по всей квартире. — Катенька! Катенька! Это тебе!

Невеста сорвалась с места, сестра поспешила за ней. В коридоре стояла Любовь Константиновна с огромной корзиной цветов в руках.

— Узнаю стиль, — пробормотала Лиза.

— Тише ты, — шикнула Катька. — Давай, мам, возьму, а то ты сейчас уронишь.

— Это от Кирилла, да? — Любовь Константиновна засеменила за дочерью. — Какой все-таки приятный молодой человек.

— Мам, — Катя бухнула корзину посреди гостиной. — Пусть пока здесь постоит, — она наклонилась, якобы поправить цветы, и незаметно вынула объемный конверт, зажатый между стеблями. — Я буду у себя.

Лиза проводила ее подозрительным взглядом. Дверь за невестой плотно закрылась. Старшая сестра честно не проявляла любопытства целых полчаса — за это время привела себя в порядок и перекусила. Катька все не появлялась.

Лиза подождала, пока маме станет не до них, и тихо постучала.

— Ты? — Катька высунула наружу нос и осмотрелась по сторонам. — Заваливай.

Она широко открыла дверь, и Лиза увидела сестру во всем великолепии. На ней сияло белое атласное платье, на оголенных плечах лежал воздушный шарф, а на шее красовалось самое настоящее бриллиантовое кольцо.

— Катька, — восхищенно протянула Лиза.

— Сдохнуть можно, — подтвердила та. Повернулась перед Лизой. — Надо только придумать, что со-
врать.

— Ты о чем? — очнулась старшая. — И придумывать нечего, потому что это кольцо ты сейчас же вернешь его владельцу. Поносила — и хватит.

— Лизка, не будь занудой, — Катя машинально закрыла бриллианты рукой. — В такой день! И потом — это свадебный подарок! С какой это стати я буду его возвращать?

— Ты так и Кириллу объяснишь? — язвительно поинтересовалась сестра.

— Да ну тебя! — в отчаянии воскликнула невеста, не зная, видимо, что еще сказать.

— Что он тебе предлагает? — Лиза села на софу.

— Да открыто ничего. Пишет, что поздравляет. Что не отстанет. Что дает мне год.

— Ты вообще соображаешь, что происходит? — Лиза разозлилась. — Я что-то не пойму — то ли ты инфантильна, то ли хитра до ужаса. Он же покупает тебя, а ты покупаешься. Если ты не вернешь это чертово кольцо, то тем самым дашь понять этому старому козлу, что у него есть все основания тебя дожидаться! Катка! — Лиза вскочила. — Ты же сегодня выходишь замуж! За любимого человека. — Ей вдруг до слез стало обидно за Кирилла.

— Так-то оно так, но уж больно красиво. — Невеста встала перед зеркалом, прошептала зачарованно: — Посмотри, как сверкает. С ума сойти можно.

— Ты неисправима, — Лиза махнула рукой. И в этот миг в комнату зашла мама.

— О чем крик?

— Да вот, — быстро заговорила Катя. — Мне

Юлька ожерелье дает на свадьбу, а Лиза говорит, что в чужих вещах замуж не выходят.

Лиза только рот открыла.

— Дай-ка посмотреть, — Любовь Константиновна подошла к дочери, критически всмотрелась в бриллианты. — Хорошая работа. Чешская бижутерия, наверное? — спросила с видом знатока.

— Ага, — обрадованно кивнула Катя.

— Могла бы и подарить на свадьбу, — проворчала Любовь Константиновна. — Подруга называется. Тебе очень идет, Катюша, и брошку не надо искать. Уже будет лишней. А суеверия — вещь неблагодарная. Так что, — Любовь Константиновна повернулась к двери, — не из-за чего, девочки, ссориться. — И ушла.

Катка победно смотрела на сестру.

— Ну и дура, — только и смогла сказать Лиза. Хотелось крикнуть что-нибудь банально-пророческое — пожалеешь, да поздно будет, — но в последний момент взяла себя в руки: и чего лезу, их жизнь, пусть сами в ней и копаются.

Вышла, оставив Катю одну в комнате наслаждаться бриллиантовым блеском. После этого события как-то сразу ускорились. Вскоре прибыл жених с родителями. Все нервничали и, наверное, поэтому вели себя немного неестественно. Излишне суетились, излишне громко смеялись. Вышла заминка с цветами: Любовь Константиновна бросилась благодарить Кирилла за необыкновенную корзину, Кирилл же не очень хорошо понимал, о чем речь. Катя изо всех сил старалась перевести разговор на другую тему.

Но пора было ехать. И дальше время понеслось совсем уж стремительно.

* * *

Свадьба набирала обороты. Лиза не успела оглянуться, как молодожены уже вернулись из загса. Она хотела было сесть в уголочке, всплакнуть немного, но думать и чувствовать стало просто некогда. Дом начал набиваться гостями. Казалось, прошло немного времени, а за столом уже сидело человек около тридцати. Громко разговаривали, отпускали шуточки по поводу молодых, наливали и закусывали. Кричали «горько!». Катька с Кириллом вставали, делали вид, что смущаются, и целомудренно целовались. Мужские голоса, начинавшие счет, на цифре «два» или «три» разочарованно гудели. Звучали традиционные тосты, советы, сестренку Кирилла ставили на стул, и она, мучительно запинаясь, читала стихотворение, сочиненное специально к торжественному дню Степаном Алексеевичем. Все смеялись, хотя, по мнению Лизы, ничего смешного в тексте не было, — получился он глупым и банальным, а зарифмованное пожелание «чтобы в постели не скучать, детей побольше нарожать» в устах шестилетней девочки прозвучало даже и пошло, однако тем не менее именно оно вызвало самый громкий смех.

Лиза, по обыкновению, больше времени проводила на кухне, чем за праздничным столом, и на этот раз никто о ней не вспоминал и в помощники не набивался. Ну и не надо, говорила себе сестра невесты и ожесточенно терла тарелки, сваливая объедки в большой полиэтиленовый мешок.

Вскоре гул в гостиной поднялся до определенной точки и больше не смолкал. Пили уже без тостов, и временами казалось, что гости забыли, по какому поводу собрались. Кто-то включил музыку, начались танцы. Степан

Алексеевич подхватил Катерину, попытался исполнить вальс с новоявленной невесткой и чуть ее не уронил. Снова все смеялись и аплодировали.

Лизе было, конечно, мутно. Все в ней вызывало протест. Шутки казались плоскими, смех нарочитым, тосты безнадежно глупыми. Очень раздражала Катька с раскрасневшимися щеками, блестящими глазами и в сверкающем колье. Степан Алексеевич с его басовитым хохотком, который он словно всем навязывал, вызывал в Лизе тихий ужас. На Кирилла старалась просто не смотреть — вычеркнуть из сердца навсегда, не видеть, не слышать, не думать о нем. Все, кончено.

В общем, к трем часам ночи, когда гости начали расходиться, Лиза была вымотана до предела. Наскоро убрав гостиную и впустив в форточку немного морозного воздуха, рухнула в постель. Закрыла глаза. И поняла, что не может уснуть. Слишком велико было напряжение, слишком большой — усталость. Из-за стены, из бывшей ее комнаты, доносились неясные приглушенные звуки, тихий смех. Катя с Кириллом уединились, как только захлопнулась дверь за последним гостем. И вот теперь Лиза отчетливо слышала, чем они занимаются на еще недавно принадлежавшей ей софе. Катька не особо беспокоилась о сие сестры и себя не сдерживала. Скорее даже гордилась своим темпераментом.

Лиза повернулась к стене спиной и попыталась заткнуть уши.

Слышно стало хуже, зато воображению досталось больше простора. Очень хотелось постучать им в стену — потише вы там, ишь, расшумелись! Но вышло бы уж совсем по-бабьи.

Лиза легла на спину. И так с сегодняшнего дня будет каждую ночь. Кошмар. Что-то надо срочно придумать. Бежать. Бежать отсюда. Из этого сумасшедшего дома. Прочь.

Стоны достигли кульминационной точки. И наконец, стало тихо. Хлопнула дверь в ванную, зажурчала вода. Интересно, а что чувствуют в эту ночь родители? Как представляют себе первую брачную ночь своей младшей дочери? Ведь мы никогда не говорили с ними на эти запретные темы. Только, пожалуй, предостережения да угрозы были по поводу отношений полов. Ничего хорошего не жди от приставаний мужчин, говорила мама. И что касается меня, Лиза горестно вздохнула, то здесь мама оказалась пророчески права.

Повернулась на правый бок, потяжелевшие веки опустились, и с этими нерадостными мыслями она вскоре заснула.

— Лизка, вставай, соня, сколько спать можно, — Катя нещадно теребила сестру за плечо. — Вставай, проспишь все на свете, нам уже выходить скоро...

— Катька, отвяжись, ну еще пять минут, — взмолилась Лиза.

— Ладно. Даю пять минут, а потом прошу Кирилла стащить тебя за ноги, — Катерина вышла из комнаты.

А это было бы неплохо, еще сонно подумала Лиза, — за ноги. Она разлепила глаза, посмотрела в окно. Там оготело сияло солнце и верещали воробьи. Сладко потянулась. Встала, быстро накинула халат. Конечно, без стука к ней никто не войдет, но стало уже привычкой — сразу набрасывать на себя одежду, все-таки чужой мужчина в доме.

Прошло два месяца после свадьбы, Лиза почти привыкла к постоянному присутствию Кирилла. Почти. Но все-таки невольно вздрагивала, увидев его выходящим из ванной, мимолетно удивлялась всякий раз, когда вечером открывала ему, возвращающемуся с работы, дверь.

Кирилл, как и обещал, устроился работать в частную юридическую контору, где выполнял нехитрые обязанно-

сти типа «пойди-принеси». Тем не менее зарабатывал пусть небольшие, но деньги, набирался опыта и заводил нужные знакомства. Однако съезжать от родителей молодые не торопились, в основном из-за капризов Катерины. Уж очень ей не хотелось покидать налаженный быт, ждущие их прихода обеды и ужины, получая взамен самостоятельное, но скудное житье. Главным ее аргументом в споре было то, что дома они практически только ночуют. Действительно, по утрам все разлетались: родители на работу, студенты — в университет. Кирилл возвращался позже всех, поскольку каждый день после занятий ездил в контору. Лиза с Катей вечерами сидели или в библиотеке (Лиза — чаще), или дома — с книжками в руках, за телевизором либо за чашкой кофе. Правда, Катя в последнее время стала задерживаться в студенческой телестудии и пару раз уже возвращалась буквально за пять минут до прихода Кирилла, веселая и возбужденная. Лиза подозрительно поглядывала на сестру, но та так беззаботно отмахивалась, что всякие подозрения казались неуместными. Совместная жизнь оказалась совсем не такой уж страшной. Иногда, как, например, вчера, засиживались допоздна. Закрывались в комнате молодых, играли в шарады, пили дешевое вино, пиво, много шутили, смеялись до колик. Появились новые студенческие друзья, которые стали частыми гостями в доме Полонских. Вчера всех нещадно веселил Федя Нехорошев, которого Катька приволокла с собой после занятий. Играли в фанты, и Федя, которому выпало водить, просто поражал неистощимостью фантазии. Разошлись в полвторого ночи, а в восемь утра Катя уже тормошила Лизу: накануне договорились ехать на шашлыки в весенний лес.

— Встала? — В комнате снова показалась Каткина мордаха. — Молодчина. Ванная свободна. — И исчезла.

Лиза послушно отправилась умыться. В коридоре столкнулась с Кириллом. Доброе утро. Никакого озноба, никакого трепета. Привет. Привычка — великая вещь. Кто бы мог подумать, что я буду, чуть ли не каждый день сталкиваться с ним в коридоре, на кухне, проводить вечера? И ощущать тупое блаженство от его присутствия. Только, пожалуй, по ночам, когда не спится, бывает не очень-то сладко. Но по ночам можно и снотворное принять, а днем все черти прячутся.

— Лизавета! Завтрак на столе! — Катка сегодня была неумоима. К моменту пробуждения родителей они позавтракали и были уже готовы к выходу! Оставалось сгонять в магазин за вином и хлебом. Мясо обещал привезти Нехорошев. Всего собиралось ехать человек восемь, все приятели Катерины. Вокруг нее вечно вились люди, самые разные, она была похожа на огонек, привлекающий мотыльков. И если Лиза порой уставала от бесконечных гостей, посиделок, чаепитий, разговоров, шуток, анекдотов и даже от смеха, то Катерина без всего этого жить не могла. Иногда казалось, что постоянное общение с друзьями заменяет ей воздух.

Молодожены помчались в магазин, до выхода оставалось минут двадцать. Встречу назначили в десять на станции метро «Речной вокзал», а езды туда около часа. Лиза проверила, все ли взяли, и вдруг остро ощутила, что не хочет никуда ехать. Остаться бы дома, почитать, посидеть в тишине, подумать. Давно уже лежит начатая да так и не оконченная статья для студенческого научного журнала, сегодня можно было

бы дописать... Представила себе реакцию Катьки на бойкот шашлыков и тяжело вздохнула. Все равно заставит. Почему-то вбила себе в голову, будто у меня неудачная жизнь, почему-то никак не может вообразить, что у других людей могут быть интересы помимо шмоток и любовных романов. Лиза раздраженно зашагала по комнате. И почему, черт возьми, я иду у нее на поводу?

Ладно. Последний раз. Все-таки действительно такой весенний день. Хочется распахнуть все окна и затопить комнаты солнцем.

Выглянула в окно и увидела, как к подъезду спешат Катя с Кириллом, нагруженные сумками. Пошла одеваться, но тут зазвонил телефон.

— Я возьму! — крикнула родителям в кухню. — Алло?

— Лиза, только не бросай трубку.

Звонил Венгр. Лиза устало опустилась на стул. Все его звонки неизменно превращались в поток просьб: не бросай трубку, не бросай меня, давай встретимся, давай попробуем еще раз...

— Я тебя слушаю, — покорно проговорила Лиза и покосилась на дверь. Если разговор не прервать, то он безусловно затянется и они опоздают на встречу.

— Лиза, я тебя очень прошу, давай увидимся. Ты мне хотя бы должна все объяснить. Я просто хочу понять, что произошло. Ведь я ничего плохого тебе не сделал.

— Дима, я тебя объясняла все уже сто раз, — заученно сказала Лиза. — Все дело в том, что я тебя не люблю. Зачем обманывать друг друга?

— У тебя есть другой? — уже в который раз спросил Венгр.

— Нет, — Лиза досадливо поморщилась. Это было уязвимое место: Венгр считал, раз нет другого мужчины, значит, все еще можно поправить. А врать не хотелось.

— Вот видишь, — обрадованно выдохнул он. — Стало быть, кроме меня, у тебя никого и нет.

— Интересная логика. — Она не знала, что еще можно сказать. Пришли Катя с Кириллом, свалили сумки в коридоре.

— Лизавета! — крикнула сестра. — Ты где? Выходить пора!

Лиза прикрыла трубку рукой, крикнула в ответ:

— В комнате! Телефон!

— Черт, — Катька, не снимая ботинок, но на цыпочках (чтоб не наследить) прошла в конец коридора и заглянула в комнату. Увидела обреченную физиономию сестры, спросила одними губами: кто? Лиза ей так же беззвучно ответила: Венгр.

— Бери его с собой, — зашептала Катька. — Иначе не отвяжешься.

— Интересная логика, — невольно повторила Лиза.

— Я прошу всего-навсего об одной-единственной встрече, — продолжали бубнить на том конце провода.

— Хорошо, — Лиза внезапно решилась. — Мы сейчас с друзьями едем в лес на шашлыки. Если хочешь, присоединяйся. В десять в центре зала на «Речном». Больше мне некогда разговаривать. Пока.

— Я обязательно буду! — радостно и удивленно выпалил Венгр. — До встречи.

Лиза поднялась. Настроение было испорчено.

— И что? Мне теперь объясняться с ним весь

день? — зло сказала Катьке, словно та одна была во всем виновата.

— Ладно тебе. Там девчонки классные будут, может, он на кого и клюнет. Пошли, — и сестра потащила Лизу одеваться.

Последнее соображение, к большому удивлению Лизы, задело ее. Она встряхнула головой, пытаясь отделаться от непонятного чувства.

— Долго копаетесь, — сказал Кирилл. Однако, узнав, что с ними поедет и Венгр, обрадовался. Они редко виделись после свадьбы, и Кирилл считал это исключительно своей виной, не задумываясь о том, что интересы у них стали разными и точек пересечения практически не осталось.

Они приехали минута в минуту, все почти собрались, не хватало только Венгра и Эльмиры из Катиной группы. Федя Нехорошев, по обыкновению, развлекал публику. Было весело. Вскоре подъехали и опоздавшие, красавица Эльмира и Венгр с виноватым, чуть жалким, но вместе с тем и счастливым видом.

Гурьбой вывалили на улицу. Лиза старалась держаться подальше от Дмитрия, боялась, что он сразу же заведет свой бесконечный монолог. Но тот словно почувствовал ее настроение. Шел с Кириллом, что-то ему рассказывал, смеялся. Катька весело порхала от одного к другому, будто опасаясь обидеть кого-нибудь невниманием.

На некоторое время Лиза оказалась предоставлена сама себе. Шла по весенней гулкой улице, загребала ботинками остатки серого снега, подставляла лицо солнцу, словно издалека слышала смех, бесконечные шутки Феди, кокетливые восклицания Эльмиры и поддразни-

вания Катьки... немного кружилась голова. На миг почудилось, что она раздвоилась. Одна Лиза идет по тротуару в окружении молодых людей, а другая за ней наблюдает — со стороны. Стало жутковато. Оглянулась, наткнулась на робкий сияющий взгляд Венгра — все встало на свои места.

Скоро вошли в лес. Повеяло прохладой и свежестью. Снежные полянки, разбросанные повсюду, подчеркивали черноту земли и словно обещали подснежники.

Выбрали место посуше и сразу занялись делом. Костер, мясо, вино, салфетки, Катя расстелила возле поваленной березы бумажную скатерть, объявила, что здесь будет стол, и призвала Аню к сервировке. Провозгласили тост за весну и выпили до дна. Лиза ощутила приятное тепло, и радость как-то постепенно, незаметно разлилась по всему ее телу.

Мясо Федору безусловно удалось и было сметено без остатка в считанные минуты. Хорошо, что Аня с Элей догадались взять с собой сардельки. Тут же пошли в ход и они. Лиза сидела на пеньке недалеко от костра и больше слушала да смотрела, чем участвовала в общем празднике жизни.

Федя конечно же влюблен в Катьку. Это ясно. Небольшого роста, непрерывно острящий, он каждую свою реплику сопровождает брошенным на нее взглядом: ну как? А вот Женю Власенко больше занимает Эльмира, черноволосая красotka с крупными чертами лица, ярко накрашенным ртом, длинными когтистыми пальцами и манерами светской дамы. Они, кстати, вполне подходят друг другу, сделала невольное открытие Лиза. У осанистого Жени с лица не сходит самодовольное выражение, он уже успел, как бы невзначай, упомянуть о своем дво-

рянском происхождении... Аню понять сложнее. Непростая девочка, хотя на вид простушка-хохотушка. Не удивлюсь, если обнаружу в ней глубины интеллекта. Полноватая, не блещущая эффектной внешностью особа. В незатейливой небогатой одежде, не то что Эльмира (в джинсах от Версаче и дорогой кожаной куртке). Лиза вгляделась в лицо Ани, покрытое веснушками, и поняла, чем приглянулась ей эта девушка: глубокими умными глазами, необычным изгибом губ. Наверняка талантлива, тут же подумалось Лизе. А мужики ничего не видят. Все-таки права Катька — по большей части все они козлы...

— Завтра, завтра, — говорила меж тем Эльмира. У нее был чуть высоковатый голос (еще немного выше — и стал бы резать слух). — К семи часам всех жду.

— Пойдешь? — Венгр сел рядом с Лизой.

— Не знаю пока, — она пожала плечами и отодвинулась, давая ему больше места.

— Избегаешь меня, — парень грустно опустил голову.

— Да нет. С чего ты взял? — не задумываясь, соврала Лиза.

— Показалось, — он пожал плечами, немного поколебался и взял ее руку. — Я так соскучился по тебе.

— Давай не будем об этом.

— Почему? Ну почему, Лиза? Разве ты не видишь, как я люблю тебя, разве не понимаешь, что никто больше так не будет тебя любить...

Лиза захотела было спросить, откуда у него такие безрадостные на ее счет прогнозы, но подумала, что

втянет себя в ненужный разговор и испортит такой замечательный день.

— Вот что, — решительно сказала она Венгру, резко к нему поворачиваясь. — Сегодня мы о чувствах не говорим. Сегодня мы отдыхаем.

— А когда?

— Ну, — замялась Лиза. Чуть не слетело с языка «никогда, черт возьми», но, увидев просительное несчастное выражение его лица, осеклась. Стало его жалко. — На днях. Может, завтра.

— Договорились. — Он так обрадовался, что Лиза немедленно пожалела о сказанном: зачем давать человеку надежду, если надеяться не на что?

Зато день прошел без сучка и задоринки. Когда все съели и выпили, пошли гулять по лесу, горланили забытые старые песни, дурачились, даже играли в салки. Лиза и не помнила, когда последний раз так здорово отдыхала. Домой вернулись поздно и совершенно без сил. Спать завалились рано и спали без сновидений до самого утра.

Если бы не младшая сестра, Лиза, конечно, никуда бы не пошла. С самого утра изводила мысль, что весь вечер придется провести рядом с Венгром. Но Катерина оказалась сильнее, да и Кирилл немедленно встал на сторону жены, когда узнал, что Лиза колеблется — идти или не идти на день рождения Эльмиры. Пожалуй, именно его мнение сыграло решающую роль. «Ну пожалуйста, — сказал он, заглядывая ей в глаза. — Без тебя не то будет». Вот это не очень вразумительное «не то» и было во всем виновато!

Лиза глубоко вдохнула прохладный воздух. После прокуренной квартиры на балконе показалось особенно хорошо. С опаской заглянула в комнату.

Там все еще продолжались танцы — в темноте, под оглушительный рок. Какая-то пара стояла на месте, слившись в страстном поцелуе, кто-то сомнамбулически дергался, а еще одна девица плавно разводила руками из стороны в сторону, наверное воображая себя Плисецкой. Подглядывать за чужим весельем было даже интересно.

Темная фигура на мгновение заслонила сцену из

жизни московской молодежи. Лиза посторонилась, и на балкон вышел Кирилл.

— Ты извини Димку, — сказал он ей. — Не знаю, с чего это вдруг он так напился.

Лиза только сморщилась.

— Это его личное дело. Если ему нравится валяться пьяным в чужой квартире, пусть валяется. — Помолчала. — Вы когда домой собираетесь?

— Да, честно говоря, я бы уже свалил отсюда, да Катька пока не хочет.

— Господи, — вздохнула Лиза. — А как чинно все начиналось!

Они переглянулись и невольно расхохотались.

Родители Эльмиры дождались всех гостей. Видимо, хотели воочию убедиться, что друзья дочери — достойные взрослые люди. Друзья надежды оправдали. Ребята заявили в галстуках, девушки скромно тупили глазки и говорили о серьезном. Мама кивнула папе, и папа достал из бара литровую бутылку вина — на пятнадцать человек, достигших совершеннолетия. После чего родители удалились, неразумно оставив этой ораве свою большую квартиру.

Квартира у Эльмиры была действительно большая. Четыре комнаты, высокие потолки, прекрасный паркет, ниши (в одной из них сейчас почивал уставший Венгр) и огромная кухня с мусоропроводом около раковины. Мебель красного дерева, резной бар, в углу инкрустированный шахматный столик, на столе фарфоровый обеденный сервиз.

Как только дверь за родителями именинницы закрылась, мальчики поснимали галстуки и выкатили два ящика водки.

— Вперед, — сказал Федя Нехорошев и открыл первую бутылку. Пить начали сразу. И почти не закусывая, кое-кто даже из горлышка. Фужеры для вина тупо дожидались на столе своей очереди.

Напились быстро и оглушительно. Стол безжалостно сдвинули в сторону, погасили свет и включили динамики на полную мощность.

Не прошло и часа, как Лиза запросилась домой.

— Еще немного, и поедем, — пообещала ей Катерина. Затем этот диалог пришлось повторить раз семь.

Время ползло к одиннадцати. До прихода родителей оставалось часа полтора. Лиза держалась стойко, одной возвращаться через всю Москву, особенно топать пешком по темной улице до метро, не очень хотелось.

— Вы Элю не видели? — На балкон вышел расстроенный Женья. — Полчаса как нет.

— То есть как это нет? — обеспокоился Кирилл. — Не могла же она уйти.

— Нет — и все! — Женья рубанул воздух, покачнулся и попытался сфокусировать взгляд на Лизе. — Ты кто?

— Подруга Кати. Самая лучшая.

— А Эля где? — Он был настойчив.

— Не знаю, — Лиза пожала плечами. — Может, в туалете или в ванной.

— Мысль, — Женья больно ткнул Лизу пальцем и шагнул в паническом испуге в гостиную, однако путь ему коварно преградила тюлевая занавеска. Он суматошно замахал руками, запутываясь все сильнее. Лиза с ужасом подумала, что еще немного, и ему на голову рухнет карниз. Но тут, к счастью, в злобредном тюле обнару-

жилась спасительная брешь, и Женя с возгласом «У-у!» нырнул в комнату.

— Я хочу домой, — сказала Лиза.

— По-моему, у тебя развивается маниакальная идея, — констатировал Кирилл.

Лиза прыснула. Почему-то стало весело.

— Пошли искать Элю, — предложила она и смело вошла в гроыхающую звуками темноту за балконной дверью.

Розыском пропавшей была озабочена уже большая часть гостей, за исключением парочки, которая, как в стоп-кадре, продолжала целоваться посреди гостиной. Федя Нехорошев где-то раздобыл хозяйскую видеокамеру и вдохновенно снимал группу поиска, комментируя происходящие события почти внятным русским языком. Были обследованы все четыре комнаты, один туалет и одна ванная. Оставалась еще одна ванная в спальне родителей и кухня. Решили начать с ванной. И точно! Обнаружили ее запертой.

— Эля! — закричал обрадованный Женя. — Ты там? — Приложил ухо к двери, послушал. — Вода льется. А Эли нет. — Язык у него немного заплетался.

— Как это нет, если вода льется? — резонно возразил Федор и хорошо поставленным голосом вдруг спросил, не сводя с Жени объектива камеры: — Скажите, князь, вы верите в таинственную связь водной стихии и человеческой личности? — На слове «личности» Федя сильно икнул, поэтому получилось — «ичности».

Кто-то за спиной громко захохотал, а Женя обиделся.

— Дурак дураком, — сказал он Феде. — А с виду вроде умный, — затем приложил рот к узкой щели между дверью и косяком и, выпячивая губы, неожиданно голосисто заорал: — Эля, открой! Элечка!!!

— Ты чего орешь? — Лешка, здоровый парень из одной с Катей группы, схватил его за плечо.

— А вдруг ей там плохо? — Женья чуть не плакал.

— Тогда надо выбить дверь, — рассудительно произнес Леша. — Посторонись.

Он отошел на пару шагов и со всего маху бросился на дверь. Удар получился мощный. Замочек отлетел в сторону, и дверь распахнулась. Эля действительно находилась там. И ей действительно было плохо. Ее, видимо, уже давно рвало в ванну водкой и помидорами. Она нерасчетливо попыталась сделать две вещи одновременно: правой рукой закрутить кран, а левой загородиться от непрошеного вторжения. Руки разошлись в стороны, и Эля, потеряв равновесие, мягко спланировала в ванну — прямо в возвращенный продукт.

— Эля! — дурным голосом завопил Женья. И тут же накинулся на Лешку: — Кретин! Ты же мог ее убить!

— Да я чего. Я не хотел, — вышибатель дверей виновато развел руками. — Я ведь слегка.

— Слегка, — проворчал Женья. — Эля, Элечка, ты меня слышишь, детка?

— Без единого всплеска вошла в воду чемпионка местного значения Эльмира Казанцева, — тоном профессионального спортивного комментатора сказал Федя и навел камеру на Женю. — И давно вы ее тренируете?

— Скотина, — с надрывом в голосе отреагировал тот.

Он приподнял девушку, но не удержал, ее ноги заскользили, и она опять села на остатки помидоров.

— Голова сильно кружится, — простонала Эля.

— Это ничего, — засуетился Женя. — Надо душ принять, а то ты испачкалась немного.

Недолго думая, он повернул ручку, душ фыркнул, и струя ударила прямо Эле в лицо.

— Холодно, балда! — сердито закричала облитая.

— Сейчас, детка, будет теплее. — Он pokrутил краны. Эля застучала зубами.

Женя оставил попытки наладить водный обогрев, сгреб девушку и, расталкивая любопытных и опасно качаясь, внес ее в спальню. Уронил на широченную кровать и, ползая вокруг на четвереньках, попытался чем-нибудь укрыть.

— Она же вся мокрая, идиот! Что ты делаешь? — Катя, с трудом сдерживая смех, подбежала к Жене и отпихнула его. — Надо ее переодеть во что-нибудь сухое и теплое. Эля! — Она потрясла девушку за плечо. — Где здесь одежда?

Но Эля, с трудом разлепив веки, только невнятно пробормотала:

— Плывет куда-то...

— Так, — Катя оглядела собравшихся у постели. — Это, наверное, шкафы родителей, — указательный палец по направлению к встроенным шкафам. — Но это дела не меняет. Не станут же они возражать, если родная дочь наденет их шмотки.

— Вперед, — сказал Федя и дернул ручку. — Заперто.

— Ломать надо, — флегматично произнес Леша.

— А мы пока ее разденем, — обрадованно предложил Костя.

— И это правильно! — дурными голосами завопили остальные.

— Вы что, рехнулись? — очнулась Лиза, но ее уже никто не услышал.

Воодушевленная делом пьяная компания шумно высыпала из спальни и устремилась на поиски необходимых инструментов. И Катя впереди всех — она, похоже, веселилась от души.

— Их надо остановить, — беспомощно сказала Лиза Кириллу.

— Безднадега, — он покачал головой. — Пойдем на балкон?

— Пойдем, — и Лиза с Кириллом удалились с поля битвы, бросив на произвол судьбы и раздетую Элю, и хныкающего Женю, и разгромленную квартиру.

Тем временем на кухне нашелся тесак для разделки мяса, и Леша с Федей занялись шкафом. Они уже отжали дверь, когда из гостиной донесся отчаянный вопль:

— Пожар!!!

Все повалили в гостиную. В спальне остались лишь бездыханная голая Эля и пьяненький, но преданный Женя, который начал в поисках теплой одежды вываливать из шкафа белье хозяйки дома.

В гостиной на самом деле горело. Юноша Андрюша выронил сигарету, которая обожгла ему пальцы. От окурка занялся ковер. Не зная, что делать, молодой человек схватил со стола первую попавшуюся под руку бутылку и вылил ее содержимое на огонь. В бутылке была водка. Тут виновник пожара и закричал. Прибе-

жавший первым Федя сдернул с дивана покрывало и накинул на пламя. Навалились всей толпой — и костерок затушили.

— Ну дела, — проговорил Костя. — После такого дела надо выпить.

— Кончилось все, — Андрюша перевернул бутылку вверх дном. — Это была последняя. Которая смертью храбрых.

— В чем вопрос, мужики? Киоски же внизу, — пробасил Леха.

— Вперед, — немного устало сказал Федор.

Вскоре в квартире осталось совсем немного народу. Лиза все-таки настояла на уходе из этого сумасшедшего дома; компания, вышедшая на поиски спиртного, так и не вернулась; Венгр, всеми забытый, продолжал спать в нише. И только Женья, уложив на сладко посапывающую Элю все обнаруженное нижнее белье, продолжал активное существование.

Он был сильно опечален. Женья точно знал, что Эля за что-то на него смертельно обиделась, но вот за что именно — вспомнить никак не мог. Понуро послонявшись по разгромленной квартире, он решил, что вечеринка закончилась, и, движимый благородными мотивами, надумал вымыть всю посуду. Благополучно снес тарелки в раковину, надел фартук и занялся делом.

На пятой тарелке Женья заплакал. Людская неблагодарность жгла ему душу. Он шмыгал носом, утирался запястьем, размазывая по щекам обильные слезы, и при этом тщательно намыливал посуду гелем для душа, который обнаружил в ванной, и так же тщательно ее споласкивал.

Вышла только одна неувязка: Женья никогда раньше

не бывал в квартирах со встроенным мусоропроводом. И потому решил, что расположенный рядом с мойкой ящик с автоматической дверцей является просто-напросто удобной сушкой для чистой посуды. Куда старательно и сложил весь фарфоровый обеденный сервиз.

Катя дулась, что ее раньше других утащили с такой уморительной тусовки. Но дулась недолго. Домой приехали не очень поздно, посидели на кухне, выпили чаю, повспоминали вечеринку, которая уже казалась невероятно смешной. Закусывая губы и делая круглые глаза, представляли реакцию несчастных родителей, которые, скорее всего, уже сейчас разгребают последствия дня рождения дочери.

Разошлись по комнатам за полночь и в сон провалились почти мгновенно.

А на следующий день случилась ссора, которая словно открыла дверь ожидавшим своей очереди неприятностям и бедам.

Все началось с пустяка. Утром Катерина, собираясь на факультет, порвала любимую старую блузку. Стала судорожно, уже опаздывая, рыться в шкафу в поисках замены. Как назло, ничего не подходило к той юбке, в которой именно сегодня ей очень хотелось пощеголять. Юбка была новая: узкая, с длинным разрезом сзади, терракотового цвета, подобрать к ней верх было делом действительно не самым простым. Кирилл, желая утешить жену, посоветовал ей надеть джинсы, за что был гневно обвинен в том, что ничего не понимает ни в одежде, ни в женском настроении, ни в жизни вообще. Кирилл, все еще пытаясь облечь назревающую драму в шутку, заявил, что, конечно, куда нам, мужикам, разбираться в тонких материях. Правда, есть и у нас свои заботы, но не такие, естественно, важные — скорее, пустячные — обеспечить, например, семью, заработать на эти самые тонкие материи. Молодой муж никак не предполагал, что это его заявление повлечет за собой оскорбительную тираду Катьки.

— Обеспечить семью, да? — тихим голосом, не предвещающим ничего хорошего, сказала Катя. — Ну и

как же ты ее, скажи на милость, обеспечиваешь? А, Кирилл? Если твоей жене приходится на собственные сэкономленные деньги покупать себе одежду?

Кирилл смешался.

— Ты же знаешь, что большую часть зарплаты я отдаю твоим родителям. — Он невольно впал в оправдательный тон, и это Катю только подхлестнуло.

— Хороша же зарплата, если ее не хватает даже на самое необходимое! Ты видел, в чем я проходила всю зиму? В дырявых ботинках! С вечно мокрыми ногами! — Она еще успела подумать, что зря это говорит, что явно преувеличивает, еще успела заметить на лице Кирилла растерянность, на глазах сменяющуюся упрямым и непроницаемым выражением, но ее уже понесло. — Муж! — закричала она. — Защитник! Надежда и опора! Тогда почему, ответь мне, мы живем на шее у моих родителей, почему даже не всегда можем зайти в кафе. Вечно одно и то же — нет денег, нет денег! А жизнь, между прочим, проходит. Лучшие годы!

— Ты, Катя, сначала подумай, что говоришь, — медленно и отчетливо произнес Кирилл. Он стоял бледный и весь какой-то неподвижный. — Подумай, — повторил напряженно, нагнулся за сумкой, подхватил ее и вышел из комнаты. Двигался скованно, точно боялся отпустить внутреннюю пружину.

Во внезапно наступившей тишине громко хлопнула входная дверь. Катя устало опустилась на софу.

— Черт! — громко сказала она. — Черт, черт, черт...

К ней в комнату заглянула Лиза, увидела сестру, сидящую на неубранной постели в красивой узкой юбке и в лифчике, с потерянными, но вместе с тем упрямым выражением лица.

— Что происходит?

— Да так, — Катя привычно махнула рукой. — Милые бранятся — только тешатся.

Встала, стянула юбку, надела джинсы. Теперь ей было все равно, в чем идти, только бы поскорее убежать из дома, подальше от вопросов и сочувственных взглядов. Вспышка раздражения и злости угасла. Теперь Катя понимала, что перегнула палку, но признать себя виноватой уж очень не хотелось.

— Кать, — несмело сказала Лиза, — Кириллу ведь и так нелегко...

— Да все нормально! — Катя невольно повысила голос и почувствовала, как вновь зашевелилось раздражение. — Опаздываю. До вечера.

И поспешила вылететь из квартиры. Она так ушла в себя, что не сразу заметила, как вслед ей по улице тронулась машина. Катя спешила на метро, до начала занятий оставалось полчаса, а ехать никак не меньше сорока минут. Да еще в толчее и духоте. Такси, что ли, поймать на последние деньги, тоскливо подумала она и оглянулась в поисках машины, — и вот в этот момент наткнулась взглядом на выходявшего из автомобиля Артема.

— А я за тобой, — сказал он. — Оказался в ваших краях и тебя увидел. Может, думаю, подвезти? — Артем усмехнулся. Он не сомневался, что Катя согласится.

На краткий миг ей захотелось послать его подальше за эту самоуверенную ухмылку. Но тут же себя и одернула: опаздываю, раз, и чем «мерседес» хуже метрополитена, два.

— Подвезти, — круто развернулась и, не дожидая-

ясь, пока хозяин откроет ей дверцу, быстро уселась на переднее сиденье.

Вечером дома установилось нехорошее молчание. Молчала Лиза, потому что не хотела вмешивать родителей в ссору молодых. Молчал Кирилл, потому что ждал от Кати извинений за утреннюю вспышку. Молчала и Катерина, потому что виниться перед мужем не думала, — напротив, ожидала, что это он приползет к ней на коленях и станет молить о пощаде и прощении. И злилась, что Кирилл этого не делает.

Промолчали весь вечер. Чувствуя, что происходит что-то неладное, Любовь Константиновна и Никита Владимирович задали несколько неловких вопросов, не получили на них внятных ответов и уединились в своей комнате — почитать. Наблюдать непонятный им заговор молчания было не особо приятно. Скоро в своей комнате скрылась и Катерина, стала кому-то названивать. В гостиной, или в Лизиной «опочивальне», как она сама иной раз называла свое новое пристанище, остались Кирилл и Лиза. Обоим было неловко. Однако Кирилл не хотел идти вслед за женой: в замкнутом пространстве он не выдержал бы и начал объясняться, потому что молчать не очень умел. И значит, пришлось бы принимать всю вину на себя, просить прощения, так как в данной ситуации это являлось единственным путем к примирению. Кирилл соглашаться с таким положением вещей не хотел. Ну а Лизе просто некуда было деваться.

— Может, телевизор посмотрим? — предложила Лиза, надеясь, что какой-нибудь фильм избавит их от необходимости разговора.

— Давай, — без энтузиазма кивнул Кирилл.

Лиза включила телевизор и, надо же, попала на «Белое солнце пустыни». Оба сразу оживились, даже заулыбались, неприятности дня, казалось, моментально отступили. Лиза притащила из кухни любимое обоими печенье, Кирилл налил два стакана молока. Удобно устроившись на диване, они стали с удовольствием смотреть кино, перебрасываясь репликами и цитируя знакомые с детства диалоги, временами опережавшие слова героев.

Время пролетело незаметно. Кирилл уютно полулежал рядом с Лизой, временами брал ее за руку. Неясные мысли пробегали у него в голове: почему мне комфортно с Лизой так, как никогда не бывает с Катей? Почему я чувствую уверенность и спокойствие только рядом с Лизой, с Катей же никогда? Почему только в присутствии Лизы меня обволакивает ощущение уюта и тепла? На миг Кириллу почудилось, что все это с ним уже было — и эти мысли, и это чувство правильности того, что он Лизу — а не Катю! — держит за руку.

Но спустя час, озабоченная тем, что Кирилл долго не идет, в гостиную вернулась молодая жена, просительным взглядом заглянула ему в глаза. Ну прости меня, дуру старую, сказала со смешной миной, и непонятные смутные мысли улетучились без следа.

Фильм кончился. Катя с Кириллом, словно и не было никакой ссоры, в обнимку ушли к себе. Лиза поплелась мыть посуду и в непонятном ей самой молниеносном ощущении злости на весь мир шарахнула в стену стаканом, испытав при этом яркое и полное удовлетворение.

Лиза спала очень крепко, хотя сон ей снился тревожный, тяжелый. Она брела по долгому пустынному больничному коридору, стены которого были выкрашены в мерзкий бледно-зеленый цвет, обещавший беду. Лампы мигали мертво и безжизненно. Лиза знала, что за одной из бесконечных безликих дверей ждет и томится родное существо, но во сне никак не могла определить, кто же именно сейчас отчаянно нуждается в ее помощи. От этого сильно мучилась и в бессилии ломала пальцы.

Наконец, подошла к двери, за которой слышался скулеж — то ли щенка, то ли умирающего человека. Сердце сжалось, она все не могла решиться войти, будто знала, что это будет означать прощание — прощание навек.

Однако, преодолевая себя, нажала на ручку. Дверь со скрипом растворилась. Открылась узкая, похожая на гроб, комната с больничной койкой посередине. Из нее выпирали ржавые пружины, матраса не было. На койке лежал котенок и жалобно мяукал. Лиза подскочила к нему, взяла на руки, но котенок стал растекаться у нее в руках, ощутимо расплываясь тягучей жидкостью по паль-

цам, коленям, животу... Не в силах сдержать ужас, пронзительно закричала. Горло странно перехватывало.

Села в постели. Сердце готово было выскочить из груди. На миг показалось, что она все еще кричит, машинально приложила руку ко рту и наконец поняла — звонит телефон. Порывисто соскочив с дивана, схватила трубку.

— Лиза, слава Богу, что застал, — услышала она далекий знакомый голос, но понять, кто говорит, не смогла. — Ты меня слышишь?

— Я... Да. Простите... — Она в нерешительности замолчала и в тот момент, когда мужской голос вновь ожил в трубке, вспомнила, кому он принадлежит.

— Ну да, конечно, ты меня не узнала. Это Толя звонит. Сосед ваш по деревне.

— Я узнала тебя, Толик, — весело сказала Лиза. В первую секунду она искренне ему обрадовалась, но тут же все тело прожгла тревога. — Господи, что случилось? — Уже готовилась услышать самое худшее.

— Бабушка ваша, Нина Григорьевна, заболела. Сердце вчера вечером прихватило, прямо в огороде. Приехала «скорая»; хотели ее в больницу везти, а она ни в какую. Тогда, говорят, уход нужен. Ну, чтобы приехал кто-нибудь из родственников. — Толя замолчал.

— Конечно, конечно, — спохватилась Лиза. Она никак не могла прийти в себя. Выдохнула с облегчением — все-таки не так страшно оказалось. — Я приеду. Сегодня же.

— Скажи, на какой электричке. Я встречу.

— Ты не беспокойся, я сама, — залепетала Лиза, в уме прикидывая, что надо взять, что купить и сколько времени уйдет на сборы.

— Лиза, — строго сказал Толя. — На какой электричке?

— Сейчас восемь, два часа на сборы, час на метро, значит, скорее всего, успею на одиннадцать тридцать две.

— Буду ждать на платформе. Запиши, какие лекарства надо привезти, в местной аптеке не разгуляешься, — продиктовал список, и они попрощались.

О Господи! Лиза почувствовала, как подогнулись колени, села, глубоко вздохнула, повторила: о Господи. Постаралась сосредоточиться, еще раз в уме просчитала, в каком порядке действовать.

Первое, в аптеку. Второе, в магазин. Третье, надо же маме сказать! Лиза вскочила на ноги. Быстро оделась, заправила постель. Заглянула в комнату родителей, на кухню. Похоже, они уже ушли на работу. Постучала к Кате с Кириллом. Сонный голос сестры спросил, чего надо.

— Кать, выйди, пожалуйста, на минуту. — Подождала за дверью. Показалась растрепанная голова. — У бабушки с сердцем плохо, — начала Лиза без предисловий. — Я еду в деревню. Скажешь маме. И вот еще что. Съезди ко мне на факультет, обрисуй в учебной части ситуацию, а я сейчас бумагу напишу, что по семейным обстоятельствам на неопределенное время исчезну.

— А как же учеба? — испуганно спросила Катя, она спросонья никак не могла осмыслить происшедшее.

— До сессии еще два месяца. Успею подтянуть. Все, — Лиза пожала плечами. — Когда увидимся, не знаю. Ладно, иди досыпай.

— Да какой теперь сон, — протянула сестра, однако тут же просочились мысли о теплой постели и не-

жных руках Кирилла. — Если будет нужно, я тоже подъеду, — все же нашла она необходимым добавить.

— Я позвоню. Сильно не волнуйтесь.

Лиза собрала одежду, книги, тетради. Сумка получилась объемная и тяжелая, а еще продукты. С благодарностью вспомнила, что на станции ее встретит Толя, посидела перед дорожкой пару минут и решительно поднялась. Пора.

Улица встретила ее солнцем и суетой. Было еще совсем рано, рынок около метро только начинал оживать, лениво и неохотно передвигались торговцы, представляли ящики; мужики, столпившиеся небольшой группкой у киоска — один в заляпанной краской куртке, другой с большим грязным пятном на штанине вдоль всей ноги (наверное, упал), третий с бельмом на глазу и кривой усмешкой, — поглядывали с лукавым вождением на выставляемые в витрине разноцветные бутылки и с деловым видом переговаривались о пустячном. Дворник вяло подметал большой метлой из прутьев вчерашний мусор. Нищие с привычно страдальческими лицами уже сидели на своих законных местах, словно никуда и не уходили на ночь. День наполнялся ровным шумом.

Лиза спешила. Тяжелую сумку приходилось на ходу часто перекидывать из одной руки в другую. От этого походка становилась немного утиной. В метро удалось сесть, сумка примостилась под лавкой, за ногами. Закрывает глаза и постаралась вспомнить, все ли купила. Получалось, что все. Однако на сердце по-прежнему было беспокойно, словно забыла что-то важное.

А в электричке Лиза даже немного поспала. Без сновидений, коротким глубоким сном. Когда открыла

глаза, ощутила бодрость. Ощущение безнадежности, накатившее после ночного сна и утреннего звонка, исчезло. Теперь чувствовала себя сильной и нужной, стала с нетерпением поглядывать в окно, скоро ли ее станция. Хотелось поскорее увидеть бабушку, обнять ее ставшее хрупким тело, поцеловать в морщинистую щеку, почувствовав на губах старчески нежную кожу.

Наконец, поезд замедлил ход. Подъезжали. Лиза с легким оханьем подняла сумку, глянула в окно, тут же увидела Толю и заспешила к выходу.

Он тоже сразу заметил ее, подбежал, взял поклажу.

— Ну, вот и свиделись, — сказал с улыбкой.

Лиза прильнула к нему. Толя обнял ее одной рукой (в другой был ее багаж), и так постояли — как два очень близких человека, которые надолго разлучались.

— Как бабушка?

— Сегодня лучше, — охотно ответил он. — А вчера напугала всех.

— А что же ты вчера не позвонил? — Они уже шли по дороге.

— Не хотел срывать вас на ночь глядя. Ты не беспокойся, — поспешно добавил он. — Я с ней сидел.

— Спасибо тебе, Толя, — Лиза ему улыбнулась. — Ты становишься нашим ангелом-хранителем.

— Это вы, Елизавета Никитична, сильно преувеличиваете, — сказал он, усмехаясь, однако видно было, что слова Лизы его приятно удивили.

Бабушка поднялась навстречу с причитаниями:

— Лизанька, детка, да что же ты примчалась, со мной все в порядке, я и Толе говорила: не звони моим, нечего их тревожить, а он не послушал, а мне сегодня совсем уже и хорошо... — Слова сыпались из Нины

Григорьевны без пауз, словно она долго копила их, а сейчас в один момент выпустила из заточения.

— Ты как будто и не рада меня видеть, — с легким упреком сказала Лиза, обнимая бабушку.

— Что ты, что ты, — всерьез испугалась бабушка. — Как можно говорить такое.

— Тогда слушай меня. Ты сейчас же идешь в постель. Тебе лежать надо. — Голос Лизы приобрел твердость, Нина Григорьевна, робко посмотрев на внучку, перечить не решилась.

Однако, укладывая свое уже не очень послушное тело в постель, не удержалась, поворчала немного. А кто же работать будет? И в огороде дел полно, и в саду, и землю к посадкам пора готовить... Но скорее так, для порядка.

Забота внучки очень тронула ее, и, когда Лиза ненадолго вышла из комнаты, бабушка тихонько, чуть воровато вытерла глаза уголком пододеяльника.

Дел и правда оказалось полно. Они цепко ухватили Лизу и закружили ее, не давая опомниться. Дни мелькали. Если вдруг выдавалась свободная минута, то в такие моменты внучка сидела с бабушкой, болтала с ней о пустяках, разгадывала кроссворды. Причем Нина Григорьевна, по большей части не зная заковыристых слов, порой отвечала будто и невпопад, а точно или вспоминала из своей молодости что-то такое, о чем Лиза и понятия не имела, при этом категорично заявляя: ну как же ты не знаешь, быть такого не может.

Иногда по вечерам заходил Толя. Лиза накрывала стол, садились ужинать. Толя рассказывал деревенские новости, в основном из желания повеселить Нину Григорьевну, — он оказался хорошим рассказчиком. Над ис-

торией о том, как поссорились Маланья Кузьминична с Агафьей Тихоновной, две самые крикливые бабы в деревне, хохотали до слез, хотя сама история была довольно-таки незамысловатой. Маланье привезли телегу с навозом, а разворачиваться для заезда на ее огород стали перед домом Агафьи. Колесо телеги возьми да и попади в глубокую весеннюю колею, телега опрокинулась, повалила забор и вместо огорода Маланьи крепко унавозила двор Агафьи. Та схватила в сарае топор и бросилась на зловредную соседку, но не добежала — поскользнулась на навозе, благодаря чему обошлось без крови, зато крику было на всю округу.

Когда бабушка засыпала, Лиза с Толей сидели на веранде, негромко переговаривались. Толя, немного стыдясь своего скудного образования, просил девушку давать ему книги, которые стоит почитать. Та охотно снабжала его и потом, когда парень, проглотив очередной том, снова приходил к ним в гости, они обсуждали прочитанное до хрипоты. Восприятие Толи, не испорченное шаблонными мнениями, часто не совпадало с оценками Лизы, его суждения оказывались неожиданными и даже, на первый взгляд, вздорными, однако, выслушав его доводы, девушка нередко с Толей соглашалась, не уставая удивляться про себя его оригинальному уму.

Однажды он со смехом признался ей, что совсем бросил пить, из-за чего его авторитет среди старых друзей начал стремительно падать. Вышел даже крупный разговор на тему: нас на бабу променял. Однако, прочитав перед изумленной публикой короткую лекцию по философии питания, Толя и инцидент замял, и лидерство свое сохранил.

В этих тихих задушевных вечерах было нечто идил-

лическое. Лиза часто вспоминала Катю с Кириллом, их неровную жизнь. И казалось ей, что Москва с ее бесконечной суетой и маетой незаметно разъедает в людях их истинную суть, заменяя ее завистью, карьеризмом и озлобленностью. Что блеск столичной жизни напоминает яркий блеск золота, но золота всего лишь самоварного.

Через день ходила на станцию звонить домой, узнавала новости и каждый раз откладывала свою поездку в Москву. Однако из последнего разговора с Катей стало ясно, что надо показаться на факультете: в мае намечалась научная студенческая конференция и на кафедре ждали от Лизы заявки. Так что огород огородом, а съездить в Москву придется. Тем более что бабушка в последнее время чувствовала себя вполне прилично.

Ехать решила на следующий день.

Москва встретила Лизу городским гамом и гарью. Вначале девушка была поражена ощущением, что, оказывается, очень отвыкла. Затем на смену пришла неловкость: от слишком простой одежды, от рук, в трещинки которых въелась земля, от отсутствия прически — уже месяца четыре не была у парикмахера. Обилие красивых, надушенных, празднично одетых людей смущало. Она никак не представляла, что настолько забыла город.

Пообещала себе, что первым делом примет ванну и сделает маникюр.

Подходя к дому, уже предвкушала это немалое удовольствие, которого так не хватало в деревне. И грустно думала: городской я человек.

Гипсовый мальчик с вытянутой рукой пропал. Теперь ретивая местная администрация соорудила на пустыре немыслимую детскую площадку: то ли лабиринт из силикатного кирпича, то ли небольшой тюремный дворик для особо проказливых, то ли воплощение кошмара, приснившегося префекту округа.

Детей видно не было. Зато владельцы собак явно

сооружение одобрили. Лиза раздраженно отвернулась, и тут ее внимание привлек темно-зеленый глазастый «мерседес», затормозивший у первого подъезда их дома. Лиза вспомнила, что и раньше, еще зимой, несколько раз видела эту машину. Невольно замедлила шаг. Дверца открылась, и из машины, к немалому удивлению Лизы, выпорхнула сестра.

— Катька, — ахнула Лиза. Что же здесь происходит, что уже произошло, пока меня не было? Убыстрила шаг, но и Катя шла быстро. Она первой достигла их — шестого — подъезда и взлетела по лестнице. Лиза догнала ее уже у лифта.

— Лизавета! — заверещала Катя и бросилась сестре на шею. Все заготовленные нотации о легкомыслии и нездоровом авантюризме из головы Лизы моментально выдуло. — Вот здорово! А я так всем и сказала, что ты сегодня прикатишь. Кирюха мне шампанское продул!

— Привет, — Лиза улыбалась во весь рот. — Как вы тут живете?

— Без тебя скучно, — сказала Катерина и, видя недоверчивость на лице сестры, добавила: — Правда. Как-то пусто в доме стало. Бабушка как?

— Гораздо лучше. Но все равно, я как только улажу свои дела, так обратно поеду.

— Ну, — разочарованно протянула Катя и почти без перехода лукаво, игриво — прямо в ухо: — Небось роман там закрутила. Сознайся!

Они уже входили в квартиру. Лиза разгрузила сумки — привезла прошлогоднего варенья и любимых всеми маринованных помидоров и огурцов. Катерина в это время выкладывала новости.

Родители здоровы. Кирилл ни с того ни с сего увлекся авторским правом. Целыми днями читает скучнейшие книги и пропадает в своей конторе. Я? Ну, что я? Учусь, занимаюсь факультативно на нашей телестудии, хожу на занятия по актерскому мастерству. Как зачем? Я ведь на телевидении собираюсь работать, там это просто необходимо!

— Ну а с Кириллом у вас как? Все в порядке? — спросила Лиза чуть приглушенным голосом.

— Нормально, — Катька махнула рукой. — Видимся так часто, что и поссориться некогда, — сказала вроде бы весело, а в голосе прозвучала горечь.

Помолчали немного.

— Кать, — начала Лиза и замаялась.

— Ну что? Говори. Не испугаюсь.

— А кто тебя подвозил сегодня?

— А, это! — Катерина рассмеялась. — Это Артем все за мной бегаёт. Да ты не бойся! — поспешила добавить, видя протест на лице сестры. — Он сюда все к Юльке ездит, ну, и иногда меня подвозит, когда получается. Ничего такого.

Но как-то уж очень быстро тараторила, будто проговаривала речь, давно отрепетированную на тот случай, если кто заинтересуется.

— А почему тогда он у первого подъезда тебя посадил, если ничего такого?

Катя на миг растерялась, но только на миг.

— Да ему тут разворачиваться неудобно, а там задний ход — и у Юльки.

Хотела еще что-то добавить, но в замке зашуршал ключ, и разговор на неприятную тему, к большому облегчению обеих сестер, сам собой умер.

Пришли родители. Обнялись, расцеловались, стали собирать к ужину. Неожиданно возникла атмосфера давних лет, когда девочки были еще маленькие, деревья под окнами не доставали до их этажа и будущее, которое теперь наступило, только брезжило впереди. Шумели, смеялись, Катька начала задираться, тормошить Лизу, мама одергивала дочерей, но совсем без строгости, просто так, поддержать игру.

Потом долго сидели за столом, папа открыл шампанское по случаю приезда старшей дочери, и сама Лиза, чувствуя себя самозваной именинницей, ловила каждое мгновение этого чудесного вечера.

Кирилл пришел около десяти часов. Катя, буркнув под нос «Явился», пошла ему открывать. С его приходом в дом словно вползла напряженность, ожидание ссоры. Лиза вглядывалась в лица и ничего не могла понять. К Кириллу было не придрататься, но что-то такое висело в воздухе, что настораживало и пугало. Выбрав момент, когда и Катя, и родители вышли из комнаты, подседа к Кириллу и тихо спросила:

— Слушай, что происходит?

— Да все в порядке, — он постарался беспечно улыбнуться.

— Не морочь мне голову. Я же вижу, — смотрела на него без тени улыбки.

— Катя считает, что я мало внимания уделяю семье. — Его голос зазвенел, и Лиза поняла, что вопрос — наболевший.

— Может, и правда? Поздно приходишь, рано уходишь...

— Лиза, но ведь она при этом требует, чтобы я больше зарабатывал. А как я буду это делать, сидя

дома с ней в обнимку? Приходится бегать, а потом выслушивать упреки: где шлялся! где шлялся! Она и родителей против меня настраивает, — совсем грустно закончил Кирилл, плечи его поникли.

— Ну... — Лиза не знала что и сказать. Она вдруг увидела, как он устал, как осунулось его лицо, и впечатление было такое, что из Кирилла словно воздух выкачали.

— И потом, я сколько раз предлагал ей снять комнату. Сейчас мы бы даже потянули маленькую квартиру, но она не хочет! Ей здесь удобнее!

— Подожди, Кирилл, не может же быть совсем так плохо.

— Конечно, бывает и весело. Но только все реже и реже. Как ты уехала, так все и пошло наперекосяк. Знаешь, — Кирилл повернулся к Лизе всем корпусом, — ты будто стержень этой семьи.

— Да уж куда мне, ты что! — искренне возразила Лиза — в этой роли она себя не представляла.

— И я скучал без тебя, и Катька, не говоря уж о родителях.

— Это, конечно, приятно, но только я снова скоро уеду.

— Да? Жаль, — сказал Кирилл, но уже как-то безучастно, мысли его были заняты другим. — Я ведь люблю ее, — сказал Кирилл после недолгого молчания. — И она, к сожалению, этим пользуется.

Они сидели на диване. Молчали, каждый смотрел перед собой, Кирилл думал о Кате, о том, что недавно видел ее с Артемом, когда зашел на факультет журналистики — хотел поехать домой вместе. Вспоминал, какую унижительную ревность испытал, глядя, как жена са-

дится в чужую машину. Ругал себя, что не поехал домой сразу и даже не позвонил, и теперь мучается в догадках: отвез ее Артем прямо домой или нет? И если нет, то где они проводили время? Заговорить с Катей не решался — боялся услышать признание в измене.

А Лиза заставляла себя сидеть в полуметре от Кирилла. На самом деле хотелось придвинуться к нему, взять его за руку, а еще лучше — перекинуть его руку себе через плечо и сидеть с ним, обнявшись, долго-долго и думать об одном и том же и не чувствовать этой отчужденности, этой навсегда-навсегда разлученности с ним, непринадлежности к нему.

Пришла Катя. Забралась к мужу на колени, поцеловала его. Лиза, заметив, как Кирилл ожил, будто распустился от ее поцелуя, отвела глаза.

— Как ты приехала, Лизавета, так все в доме лучше стало, — сказала Катька. — Не знаешь, почему это?

— Откуда мне знать, — пробормотала Лиза, стараясь не глядеть в их сторону.

— А я знаю! — победно заявила Катерина. — Ты, Лизка, распространяешь вокруг себя здоровую неиспорченность и невольно заражаешь ею других. В твоём присутствии хочется стать лучше, чем на самом деле. — Сестра говорила смеясь, но при этом чувствовалось, что она действительно верит своим словам. — Ладно, пошли по койкам. Завтра вставать рано. Пойдем, Кирюш?

— Пойдем, Катюш, — передразнил он ее.

Катя встала, потянулась, крикнула:

— Чур, я первая в ванную, — и унеслась.

Кирилл тоже встал.

— Я тут наговорил черт-те что, — сказал он, глядя

в сторону. — Ты не обращай внимания. Забудь. Не знаю, что на меня нашло. Просто устал.

— Конечно, — Лиза улыбнулась ему. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Уже засыпая, Лиза думала, что надо сделать все дела поскорее. Хорошо бы раздобыть экзаменационные вопросы и по ним готовиться к сессии в деревне. Может, удастся уговорить Тамару Васильевну, инспектора их курса. Наверное, удастся — я ведь отличница и на хорошем счету. Лиза даже усмехнулась, только в личной жизни — полная двоечница, а так вполне ничего. Интересно, как там бабушка, Толя, уже дрыхнут без задних ног, скорей всего. Надеюсь, не забыли полить рассаду... На этом мысли смешались, она уснула и, естественно, никак не могла знать, что сейчас, в этот момент, Толя вовсе не спит, а сидит, сгорбившись за столом, и пишет ей письмо, уже двенадцатое по счету, которое никогда Лиза не увидит, потому что все это глупости, бред сентиментальный, а просто так легче думать о ней, рассказывать о своих чувствах, о делах и представлять, что его единственная, свет его жизни слушает внимательно, кивает легонько и улыбается.

Однако прошло две недели, прежде чем Лиза смогла вырваться из Москвы. Каждый день находились все новые неотступные дела, и отъезд откладывался. В глубине души знала, что не уезжает из-за Кирилла. Она чувствовала, что ее присутствие в доме действительно гасит раздражение, ссоры, обиды. Иногда говорила себе, что сильно преувеличивает свою роль, приказывала уехать на следующий же день, но, видя надутую сестру, огорченного Кирилла и расстроенного отца, снова и снова переносила дату отъезда. Однако тревога о бабушке становилась все сильнее. В конце концов, Лиза строго велела себе не придумывать ужасов. Ничего страшного без нее в Москве не произойдет: все-таки оставляет взрослых, здоровых и отчасти здравомыслящих людей. И решила ехать в ближайшую пятницу.

Накануне, в четверг вечером, долго сидела с Катей. Хотелось дать сестре какие-то наставления, сказать что-то мудрое и веское, что запало бы той в душу. Но нужные слова не приходили, они болтали о пустяках, немного сплетничали, вспоминали прошедший год. И хоть смеялись, обеим было грустно. Наверное, пото-

му так много и смеялись, чтобы скрыть друг от друга истинные чувства.

— А помнишь, Лиза, как многого мы ожидали от этого года. Особенно я, — все-таки нашла нужным поправиться Катерина. — Я думала сначала, вот поступлю, начну учиться, выйду замуж за Кирилла — такое счастье, не жизнь, а сплошной праздник...

— А на самом деле? — тихо спросила Лиза.

— А на самом деле все оказалось куда как прозаичнее, — Катя вздохнула. — Учиться, правда, интересно. А вот семейная жизнь, конечно, не сахар. Ты, Лизавета, не торопись замуж. Только глупые девки спешат наделать глупостей, вроде меня. У меня такое впечатление, что жизнь моя кончилась.

— Ты что? Совсем рехнулась? — Лиза даже не заметила, что повысила голос.

— Да ты не пугайся, — Катька досадливо махнула рукой. — Это я так, аллегорически. Хотя... — замаялась: говорить или не говорить. — Знаешь, как подумаешь, сколько захватывающих вещей проходит мимо. Путешествия, дальние страны, карнавалы, приключения, экзотические острова, и ты никогда-никогда всего этого не увидишь, так и проживешь в стороне от настоящей жизни! — Замолчала и внимательно посмотрела — что-то ей сейчас ответит сестра.

Та пожала плечами.

— Не знаю. Я никогда так не думала. Всего все равно невозможно получить. А чем меньше желаний — тем счастливей себя чувствуешь. Вот в деревне, например, почему так здорово... — Лиза оживилась, но Катя перебила ее с сердитым воодушевлением:

— А я хочу все сразу и сейчас же. Я не собираюсь

ждать благополучия до старости. На кой оно мне в пятьдесят-то лет?

— Ты Кирилла хотела — сразу и немедленно. Ты получила его — и что? Когда ты чего-то добиваешься, оно становится тебе ненужным, — более зло, более раздраженно, чем хотелось, сказала Лиза.

И обе сконфуженно замолчали, внезапно ощутив, как из последних слов выросла стена отчуждения. Теперь они не знали, о чем говорить.

— Наверное, ты права, — тихо проговорила Катя. — Как всегда, впрочем. Тебе самой это не надоедает? — В вопросе прозвучал бледный отблеск недавнего раздражения.

— Надоедает, Катюш, еще как, — Лиза встала. — Тем более что вся моя правота и начинается и кончается на словах. Пойду спать. Завтра хочу уехать с первой электричкой.

— Ты не пропадай совсем в деревне, — сказала Катя.

— Не пропаду, — Лиза уже подошла к двери, но обернулась, всмотрелась в сестру — в красивое родное лицо. Сердце отчего-то сжалось. — И ты не пропадай в этом городе. Постарайся не наделать глупостей, о которых потом будешь долго жалеть. — Открыла дверь и еще раз обернулась: — Кирилл тебя очень любит.

— Знаю, — тихо отозвалась Катя. Она так и сидела на софе, поджав ноги и не шевелясь.

А наутро Лиза уехала, еще когда все спали. И чем дальше уносил ее поезд, тем дальше становились московские заботы и проблемы.

Катерина же в этот день проспала. Взглянув на будильник и решив, что на первую пару никак не успевает,

она повалилась в постели, затем не торопясь встала и, заставив поднос едой, снова легла — завтрак, так сказать, прямо в постель. Все уже разбежались по делам, и Катерина блаженствовала дома одна. Она с детства обожала такие минуты — никого нет, можно делать все что угодно, никто не одернет и не окрикнет.

Тщательно одевшись и накрасившись, посмотрела на часы и убедилась, что и на вторую пару безнадежно опоздала. Возник вопрос: стоит ли вообще сегодня ехать в университет? Круганулась перед зеркалом и вынесла заключение: выгляжу сногшибательно. Жаль затраченных трудов, придется ехать.

Выйдя на улицу, Катя сразу заметила у первого подъезда зеленый «мерседес». Почти автоматически походка сделалась кокетливой, на губах заиграла лукавая улыбка — ей нравилось дразнить Артема.

— Привет, — он вышел навстречу. — Прокатимся?

— Почему бы нет? — Катя с видом светской дамы подождала, пока Артем откроет ей дверцу, — к этим хорошим манерам она сама недавно его приучила и очень гордилась своим достижением.

— Есть предложение, — как всегда, немного тяжелоесно начал Артем, выруливая на улицу.

— Какое же?

— Давай съездим в одно модное местечко вместо уроков. Тебе понравится.

— Ты уверен? — Катя сделала вид, что раздумывает, хотя в душе сразу же променяла занятия на увеселительную прогулку. Пока она морщила лоб, Артем повернул в сторону кольцевой, а не центра. — Эй! Я же еще не ответила!

— Тогда, значит, я тебя похищаю, — усмехнулся Артем.

Кате идея понравилась, главное — ответственности никакой. Настроение у нее было веселое, возбужденное. Она предвкушала, как здорово сегодня проведет время, и только один червячок грыз ее совесть. Вчера обещала Лизе не делать глупостей, а сегодня катит с сомнительным типом неизвестно куда. Ну и наплевать, в конце концов! Моя жизнь, мне и кайф ловить, и расхлебывать! Назло всем поеду, говорила себе Катерина и радовалась, что все так удачно сегодня складывается.

Ехали довольно долго, около часа. Проехали весь Красногорск, въехали в Нахабино. Здесь свернули. Рядом с дорожными указателями на русском языке появились добавочные — на английском. Катя с любопытством глазела по сторонам. Показались внушительные ворота с охраной. Артема, видимо, здесь хорошо знали, пропустили без лишних вопросов.

Машина мягко въехала на территорию то ли пансионата, то ли санатория, Катя никак не могла понять, чего же именно, но спрашивать не хотелось.

— Это загородный клуб, — сказал Артем и без ее вопросов. — Сюда приезжают играть в гольф, в теннис, просто отдохнуть, поплавать в бассейне, пожариться в бане. Некоторые не бедные иностранцы и русские здесь живут, снимают дома.

Они как раз проезжали загородные двух-трехэтажные коттеджи. На газоне играли чьи-то дети, рядом с ними развалился большой лохматый пес. Чау-чау, вспомнила Катя название породы. Недавно видела такого в журнале, у них еще языки фиолетовые.

— А мы куда едем? — Ей вдруг стало немного

не по себе, непонятно с чего ощутила незнакомое чувство робости.

— Я здесь на выходные номер снимаю. Сначала зайдем туда, а потом в баньку или в бассейн, куда хочешь.

— Да как же в баню, у меня с собой ничего нет, — растерянно сказала Катя.

— Да там все дадут. А потом сходишь в салон, тебя и причешут, и накрасят, делов-то! Если хочешь, можешь и массаж заказать.

Артем затормозил у кирпичного здания. Катя вышла из машины, осмотрелась. Вокруг было непривычно, не по-весеннему чисто. Солнце с удовольствием обволакивало теплом соскучившуюся по его лучам землю, везде уже зеленела трава, распускались почки. День выдался, что и говорить, прекрасный.

Поднялись на второй этаж, провожаемые вежливыми понимающими взглядами обслуги.

— Сюда, — Артем открыл дверь, и Катя оказалась в двухкомнатном небольшом номере.

Почему-то думала, что Артем сразу начнет к ней приставать. Но этого не произошло. Он зачем-то показал ей, где ванная, предложил выпить вина и достал из холодильника фрукты. Катя все никак не могла взять себя в руки, ходила по номеру как ушибленная, Артем же смотрел на нее с улыбкой:

— Ну что, Катерина? Сходим в баньку?

Она послушно кивнула. Выпили по бокалу холодного белого вина, Артем взял спортивную сумку, и вот они снова на улице. Наслаждаясь солнцем, чистым воздухом, медленно пошли по дорожке.

— Неплохо здесь, — наконец смогла выдать из

себя Катя. Ей очень хотелось показать поклоннику, что ничего ее не удивляет, что эту жизнь она воспринимает как нечто должное, повседневное. Но не очень пока получалось.

Бани предлагались на выбор: турецкая, русская и финская. Выбрали русскую. В ней не оказалось ни одного человека. Кате выдали белый халат, полотенца, тапочки. В женской раздевалке она переоделась. Когда зашла в парилку, то увидела Артема: он лежал на верхнем полке в плавках, уже весь мокрый.

— Присоединяйся, — сказал он.

— Я пока здесь, внизу, посижу, — Катя села, закутанная в полотенце.

Она чувствовала себя странно, словно попала в другой мир. Все здесь было чужое, но вместе с тем такое влекущее. Закрыла глаза, представила, что живет здесь постоянно. Получилось очень даже органично.

— Хотела бы так жить? — услышала рядом со своим ухом голос Артема. Он, обычно такой душевно-тупой, сегодня словно читал ее мысли.

— Неплохо, конечно, — лениво, не открывая глаз, ответила Катя. Жар проникал во все мышцы, в каждую клеточку, хотелось лечь и не шевелиться — только впитывать в себя это щедрое тепло, насыщаться им.

— Ты ложись, — Артем помог ей вытянуться на полке. — И полотенце сними, пока никого нет. — Не дожидаясь ее согласия, раскинул полы полотенца, Катя предприняла вялую попытку к сопротивлению, но истома окутала с ног до головы, двигаться расхотелось совсем.

Она так и не двигалась и не открывала глаз, пока руки Артема ласкали ее тело, а внутренний жар смести-

вался с жаром бани. Мужчина, видя, что спутница не против, почувствовал себя смелее, и губы его заскользили по ее груди, животу...

Однако вскоре в предбаннике послышался шум, и Катя, испуганно запахнувшись, резко села. В глазах потемнело.

— Пойдем сполоснемся, — Артем помог ей подняться.

Они долго плескались в прохладной воде, потом снова парились, правда, на этот раз в обществе неразговорчивого японца и молодой спортивного вида канадки, которой очень хотелось поговорить по-русски и рассказать новым русским друзьям про свою жизнь. Потом снова плескались.

Артем, как обещал, устроил Кате и массаж, и салон красоты. Чувствовала она себя прекрасно, словно заново родилась. И уже не только снисходительность испытывала к Артему, но и благодарность. И поэтому, когда снова поднялись в его номер и на этот раз он церемониться не стал — сразу повалил Катю на кровать и сорвал с нее одежду, — она не очень и возражала. Так, скорее для очистки совести попыталась его одернуть, но Артем даже и не слушал.

Получив свое, довольно откинулся на спину, пробормотал:

— Наконец-то. Давно же я этого ждал.

Катя молча встала, сходила в ванную, быстро вымылась. Она не ощущала ни укоров совести, ни особенного удовлетворения, так, что-то средненькое.

Когда вышла, Артем уже был одет, ждал ее.

— А сейчас обедать, — бодро сказал он. — Я черт знает как проголодался.

В ресторане, где Артема многие знали, кивали ему и окидывали оценивающими взглядами Катю, она уже не чувствовала ни робости, ни смущения. Теперь ей казалось, что только так и должно быть, только здесь ей и место.

Домой она приехала не очень поздно, еще никто, кроме нее, не вернулся. Долго стояла перед зеркалом, смотрела на свое отражение — пыталась найти в лице следы порока и измены. Но ничего такого не увидела — увидела красивое, немного уставшее лицо молодой женщины. Ну, может, в глазах появилось чуть больше цинизма, ну и естественно, грусти — последствия нового этапа познания жизни.

Скандал разразился через полтора месяца. Все это время Катерина исправно каждую пятницу встречалась с Артемом, вкушала красивой жизни. К любовнику по-прежнему относилась со странной смесью уважения и презрения. Он водил ее в рестораны, в казино, регулярно ездили и в загородный клуб, парились в бане и играли в гольф. Вернее, Артем учил Катю играть, хотя толком забивать мячи в лунки и сам не умел. Столь же регулярно он требовал от Кати любви и ласки, и она со временем стала даже находить удовольствие в том незамысловатом сексе, который он мог ей предложить.

Эта двойная жизнь — любящей жены небогатого мужа-студента и любовницы типичного «нового русского» — давала Кате то ощущение авантюризма и тайны, без которых существование виделось ей скучным и бессмысленным.

Дома Катя сделалась нежной и ласковой. Что ни вечер — объяснялась Кириллу в любви, называла его любименьким и бедненьким, ластилась к нему и преданно заглядывала в глаза. И ничуть при этом не играла. Катя и правда, видимо вследствие романа с Артемом,

стала испытывать к Кириллу самые нежные чувства. Наверное, таким образом ее незлая натура пыталась компенсировать обман и измену. Хотя факта измены и предательства Катя не ощущала. Она все так же, как могла, любила мужа, а Артем был для нее средством реализации не самых лучших побуждений. Часто в каком-нибудь ресторане или на теннисном корте Катя представляла себе вместо Артема Кирилла и остро жала, что такого не может быть на самом деле.

Любовник меж тем стал все чаще делать подарки, стремясь приучить ее к дорогим вещам, без которых, как он надеялся, его женщина в скором времени не сможет обходиться. И если вначале Катерина тщательно прятала дареные вещи, то вскоре, видя, как Кирилл старательно закрывает на все глаза, стала открыто вешать в шкаф новые костюмы, свитера, платья. И испытывать странное удовлетворение, когда муж снимал с нее дорогое шелковое белье, которое недавно надевал Артем.

Катя совсем перестала бояться разоблачения, более того, ей самой стало казаться, что ничего предосудительного она не совершает. Просто для Кирилла она одна, для Артема — другая. И чувства она испытывает к обоим мужчинам настолько разные, что и сравнивать их нельзя и рядом ставить тоже. И главное — обоим с ней хорошо, оба получают то, что хотят, и какие в таком случае могут быть к ней претензии? К этому времени май расцвел сначала черемухой, а затем и сиренью с ландышами, жизнь представлялась удивительной и многообещающей, ненастья не предвиделось.

Однако семейный скандал случился не по причине неосторожности Кати. Гроза, отнюдь не майская, пришла

с той стороны, о которой думалось и вспоминалось меньше всего.

Однажды вечером, когда все семейство было дома и ужинало, позвонила Юлька. Она звонила уже несколько дней и, когда трубку снимала Катя или ее родители, тихо нажимала на рычаг. Однако на этот раз ответил Кирилл. Юлька, радостно предвкушая скорое справедливое мщение, громко выдохнула.

— Я слушаю.

— Кирилл? — неожиданно прорезался отдаленно знакомый женский голос.

— Да, — испуганно ответил он. Почему-то молнией пронеслась мысль — Ира звонит, его давняя подруга. Венгр недавно говорил, что она Кирилла все никак забыть не может. Катя, моментально уловившая перемены в его голосе, ревниво выпрямилась на стуле и навострила уши — главное, не упустить детали.

— Ну, привет, — протянула Юлька. — Наконец-то я могу с тобой поговорить. А то все моя подруга Катя трубку хватает.

Это же Юлька, узнал Кирилл и облегченно улыбнулся. Катя расслабилась.

— Тебе Катю позвать? — спросил Кирилл. Он что-то так разволновался, что не уловил последних Юлиных слов.

— Зачем? — резко спросила Юлька. — Я же русским языком тебе говорю — мне надо тебе пару слов сказать.

— Ну давай говори, — буркнул Кирилл, покосившись в сторону стола. Стало жалко, что остынут блины, которые сегодня пекла — редкий случай — его жена.

— Так вот, Кирилл, будь добр, уйми свою жену.

Мне надоело, что она таскается к моему жениху, к Артему, — насчет жениха Юлька, конечно, сильно преувеличивала, но ей казалось, что так будет звучать солиднее.

— О чем это ты? — недоуменно спросил Кирилл и тут же пожалел, что спросил. Надо прервать этот разговор, настойчиво забила мысль, прервать этот разговор... Но Юлька уже обрадованно отвечала:

— А о том, что каждую пятницу твоя жена трахается с моим женихом и мне лично это надоело.

— Ну вот что, — резко сказал Кирилл. — Я не желаю выслушивать всякий бред...

— Ничего себе бред, спроси лучше, откуда у нее такие дорогие шмотки, — Юлька еще что-то кричала, но он уже повесил трубку.

На негнувшихся ногах подошел к столу, сел. Отрезал себе кусок блина, пожевал и почувствовал, что его мутит.

— Кто звонил? — беспечно спросила Катя, хотя страх уже вполз в ее сознание: она ясно видела — с супругом что-то происходит.

— Так, давняя знакомая, — неопределенно ответил он. — Мне нехорошо что-то стало, — Кирилл поднялся. — Я пойду полежу немного. Извините.

Он скрылся в комнате. Не думать, не разрешать себе об этом думать, твердил Кирилл. Однако тут же вскочил и распахнул шкаф — на него недобро глядели чужие красивые вещи. С силой захлопнул дверцу. Снова сел. Сейчас придет Катя, и мне надо будет что-то ей сказать. Что? Самое важное — не упоминать о разговоре и ничего не спрашивать...

В комнату заглянула участливая рожица жены.

— Ну как? Полегчало? — Проворно, как юркий

зверек, шмыгнула к Кириллу и устроилась у него на коленях. — Хорошо, что блины пекла я, а то потом всем бы рассказывал, как от тещиных блинов плохо стало, — она отчаянно пыталась шутить.

Кирилл усмехнулся, он тоже собирался сказать в ответ что-то легкое и остроумное, открыл рот и, глядя Кате прямо в глаза, забыв убрать с лица улыбку, спросил:

— Ты спишь с Артемом?

Катя опешила, отшатнулась даже, вскочила, словно он ее ударил. Нет, конечно, нет, моя девочка любимая, зачем же я, болван, так обидел ее!

Но Катя, с испугу неправильно истолковав растерянный вид Кирилла, подумала, что он сейчас начнет предъявлять на нее свои права. А на нее никаких прав никто не имеет — никто! — и, словно прыгая с вышки в глубину, как когда-то в детстве она прыгнула, не умея плавать, гордо выпрямилась и заявила:

— Ну, сплю. Ну и что? — Запоздало подумала, что зря она так, уж лучше обман, и тут же одернула себя: не буду унижать ложью ни себя, ни Кирилла, хватит.

— Значит, правда, — плечи мужа поникли, руки обхватили голову, как будто она стала для него непосильно тяжелой. — А я все думал, что мерещится мне. — Он неожиданно улыбнулся. И такой светлой и беспомощной была его улыбка, что у Кати комок встал в горле и она подумала: все, это конец. — Дурак я.

— Кирюш, подожди, — залепетала Катя. — Все ерунда, я же люблю тебя, только тебя... — она протянула к нему руки, однако не решилась дотронуться.

— Только себя, Катенька, — Кирилл взял ее за запястья и отвел от себя такие любимые, такие нежные руки. — Только себя.

Он вдруг бодро поднялся, прошелся из угла в угол.

— Будь добра, выйди, пожалуйста, из комнаты, — тихо попросил.

Катя решила, что Кириллу просто нужно время — взять себя в руки, может, даже выплакаться, а потом он поцелует ее и обязательно простит, обязательно, а как же иначе, ведь у них семья, она жена ему, пусть немного непутевая, зато такой, как она, он больше не найдет.

Быстро кивнула и выскочила из комнаты. Решила отсидеться в ванной: уж очень не хотелось попадаться на глаза родителям, отвечать на неизбежные вопросы. Она дала Кириллу полчаса. Чтобы даром не терять время, приняла душ, вымыла голову и уложила волосы так, как, она знала, больше всего любит Кирилл: пышной гривой. Поскольку шумел фен, не услышала, как муж вышел в коридор, простился с ее родителями, ничего не стал им говорить, оставив их в полном недоумении, — Любовь Константиновну с недомытой тарелкой в руках и Никиту Владимировича в фартуке, с кухонным полотенцем, переброшенным через плечо, — подхватил дорожную сумку (немного вещей и книги, учебники) и покинул стены квартиры, которая совсем недолго была его домом.

Катя, конечно, потом громко плакала, ругала папу с мамой, что не позвали ее, как же могли, зачем отпустили. Однако на вопросы, что все-таки случилось, не отвечала. Из чего был сделан вывод, что виновата, видимо, она, что-то натворила. Затем Катя заперлась у себя в комнате и перестала отвечать вовсе. Делать нечего, решили Любовь Константиновна и Никита Владимирович, авось одумаются, молодые еще, горячие.

Спать легли рано, но долго не спалось. Как-то неза-

метно стали вспоминать свою молодость, как было трудно и вместе с тем весело. И почему-то так получалось, что самые счастливые годы приходились на суровый период их жизни: барак, небольшая комнатенка, третья дверь налево в длинном тусклом коридоре, общая кухня и удобства во дворе.

Кирилл тоже долго не спал в эту ночь. Он несколько часов бесцельно бродил по Москве, оттягивая момент возвращения домой, к своим родителям. Знал, что приятным оно не будет. Отец наверняка накинется сначала с расспросами, потом с нотациями, мать будет тихо сидеть в углу, уставясь или в пол, или на свои руки. И что делать? Стоять и покорно выслушивать ту ерунду, которую папа станет громогласно вываливать? И ведь ничего не объяснишь, ничего! И Катя, Катя, как же она могла? Все теперь кончено, и все было зря, все коту под хвост: и весна, и запах сирени, и ее блестящие счастливые глаза.

Щемило чувство утраты, дыхание становилось прерывистым, глаза щипало. И еще одна неясная мысль, скорее даже предощущение мысли, запоздалый отблеск озарения мучили Кирилла. Он точно знал, словно это знание было подарено ему свыше, что упустил нечто важное, проворонил, проглядел. И это вовсе не Катины шашни с Артемом, а что-то гораздо более значительное и глубокое. Но вот что именно, как ни старался, понять не мог. И это окончательно изводило его. Весь вечер он неустанно спрашивал себя, что же еще он в своей жизни не увидел, но ответа не находил, а только точно и бесповоротно понимал: прошляпил.

Лето наступило стремительно. Сразу стало жарко, душно... Дожди, вконец надоевшие ранней весной, теперь вспоминались как благодать. Асфальт сделался мягким, а воздух превратился в смесь пыли и жара. Москву окутала желтая удушающая пелена.

Катя тащилась из университета после последнего успешно сданного экзамена и проклинала невыносимое лето. В нос, в уши лез тополиный пух, дышать и так было нечем, а неразумные дети вдобавок жгли скопившееся у тротуара белое воздушное облако. Один вид огня приводил Катерину в ужас. Она в который раз за день подумала о холодном душе. Скорей бы добраться до дома. Блузка уже прилипла к спине, из-под мышек стекал пот — отвратительно!

Достала из сумочки платок и осторожно промокнула лоб и щеки. Краска небось потекла, ну и черт с ней, тошно решила она. Угораздило Артема именно сейчас уехать по делам — и куда! На Кипр. Знаем мы эти дела. Катерина до сих пор злилась, что не смогла из-за сессии поехать на море вместе с ним. Правда, Артем обещал свозить ее на какой-нибудь сказочный курорт,

но до этого еще дожить надо. А сейчас извольте топтать домой на своих двоих. Катя уже привыкла, что любовник или сам подвозит ее, или посылает за ней машину.

Подойдя к метро, представила себе потную многоликую толпу, невыразимый запах, исходящий от жарких тел, — стало противно. Растяпа! Она даже ногой топнула. Ну почему я все время забываю, что теперь могу ездить на такси хоть каждый день. Подняла руку, и почти сразу возле нее затормозили белые «Жигули». Катерина, быстро привыкшая к иномаркам, невольно скривилась.

— Куда ехать, девушка? — На нее дружелюбно смотрел молодой парень в очках, джинсах и майке.

— На Каширку, — неохотно ответила Катя.

— Садись, подвезу. — Он открыл ей дверцу, и Катя села на переднее сиденье. — Жаркий денек сегодня, а?

Сейчас приставать с разговорами начнет, а потом телефончик попросит, привычно пронеслось в голове у девушки.

— Да уж, не холодно, — ответила она неприязненно.

— А сама чего хмурая такая? Экзамен завалила?

— Вот еще, — хмыкнула Катя. — Пять баллов.

— Отличница, значит, — парень усмехнулся.

— Сам-то учишься где-нибудь или на извозе живешь? — Катя решила все-таки поддержать беседу — парень показался ей симпатичным.

— Угадала. И учусь, и на извозе живу, — он засмеялся. — Ничего, на жизнь хватает.

Они проболтали о пустяках все полчаса, что ехали

до места. Окошки в машине были открыты, приятно продувало, и Катя уже ничуть не переживала, что едет в «жигуленке», а не в «мерседесе».

— Ну вот и прикатили, — парень притормозил у подъезда.

— Сколько?

— Сколько не жалко, — он, ухмыляясь, смотрел на нее. Катя расстроилась: почему-то подумала, что и денег не возьмет, и телефон попросит. Ни того ни другого, нечего губы раскатывать.

— Хватит? — протянула пятидесятитысячную бумажку.

— Вполне. Спасибо.

Он небрежно сунул деньги в карман, а она выбралась из машины и зашагала к дому. Но не успела дойти до подъезда, как парень окликнул ее:

— Кать! Бумажник выронила!

Она машинально схватилась за карман — и правда обронила, наверное, когда выходила из машины. Та еще привычка — класть деньги в карман!

— Спасибо, — подбежала, взяла бумажник и на этот раз подождала, пока машина скроется за углом дома. Только после этого зашла в темный прохладный подъезд. Какая-то закавыка не давала ей покоя, и Катя, словно пытаясь разгадать ребус, сосредоточилась на недавних событиях. Что-то было не так. Не глядя по сторонам, подошла к лифту, и тут сзади обрушился удар по голове. Катя пошатнулась, но на ногах устояла. Обернулась. Замаячило перекошенное женское лицо. Даже не сразу сообразила, кто перед ней.

— Юлька? — наконец, узнала и глупо улыбнулась. — Ты что, подруга, рехнулась?

— Я тебе говорила, дрянь, говорила, не лезь! — От злости и испуга Юлька произносила слова как-то странно — по слогам.

Катя засмеялась.

— Ну ты и дура. Ну и дура! — Потерла ушибленное место. — Чем ты меня так?

Юлька смешалась. Она ожидала слез, страха, крика боли... А услышала только смех и какой-то несуразный в своей обыкновенности вопрос.

— Этим, — растерянно показала кастет, неловко зажатый между пальцами.

— Где только нахватались этих бандитских приемчиков, — еще по-доброму сказала Катя. И вдруг, в мгновение ока переменившись, приблизила свое лицо к нападавшей и отчетливо произнесла: — Не попадайся больше мне на глаза, девочка. Не я тобой буду заниматься, если что, а люди посolidнее, не с такими смешными железками. Поняла?

Юлька испуганно кивнула. От ее ярости не осталось и следа. Катя, полностью игнорируя ее присутствие, вошла в лифт, нажала нужную кнопку, обернулась и, пока закрывались двери, смотрела, не отрываясь, на потерянную физиономию бывшей подруги.

Дома после спасительного холодного душа Катя приложила лед к шишке, легла на диван и закрыла глаза. Мысли унеслись к недалекому прошлому, когда рядом всегда находился Кирилл, когда на горизонте еще не маячил Артем, не было обмана и лжи, не били кастетом по голове.

Иногда Катя остро жалела, что так бездарно кончилась ее семейная жизнь, толком и не состоявшись. Кирилл звонил только раз после своего ухода, да и то ска-

зять, что подал на развод. Что-то хорошее и чистое ушло из моей жизни, думала в такие минуты Катя. Началась другая эпоха с другими нравами и традициями. Но и она, может, не так страшна, как кажется. Могла бы я планировать поездку на Кипр, или в Париж, или в Вену? А теперь могу, только и делов-то — сказать Артему, куда больше всего хочется. И даже такой пустяк, как возможность поймать машину после экзамена, хоть немного, а греет. Ведь за всю совместную непорочную жизнь с Кириллом ни разу не могла себе позволить такси. Катя вздохнула: везде есть и свои плюсы и свои минусы...

И резко села в постели. Так, что заболела голова. Наконец, она поняла, какая несообразность была с этим «жигуленком».

— Черт, — прошептала. — Ведь я не говорила ему, как меня зовут. Точно не говорила. Черт...

Откинула лед и тревожно прошлась по комнате. Но никакие соображения, откуда водитель мог знать имя, в ее больную голову не приходили.

Лиза в этот жаркий день удила рыбу. Совсем недавно к рыболовству ее приучил Толя, и теперь, когда у обоих выдавалось свободное время, они часами просиживали у деревенского пруда, предаваясь оправданному безделью. В лучшем случае их общий улов составляли несколько худосочных окуньков, да пару раз Толя поймал карпов. Но не в улове было дело. Они сидели, иногда лежали в душистой мягкой траве, разговаривали и открывали друг в друге все новые и новые черты. Однако тип отношений оставался прежним. Лиза видела в Толе исключительно верного друга, и не больше,

Толя это понимал и принимал, большего у судьбы не просил.

В этот день клева не было совершенно. Они долго молчали, глядя на воду, и Лиза уже поглядывала на часы. Дома все-таки ждали дела.

— Как Нина Григорьевна такую жару переносит? — спросил Толя, надеясь беседой подольше задержать Лизу.

— Не очень. Нитроглицерин глотает.

— Сердечникам в такую погоду сложно. — Он задумался, о чем бы еще спросить. — А Катя как? Не собирается в этом году приехать?

— Нет, Толя. У нее теперь другие интересы.

— Все-таки разводятся? — Он повнимательнее взгляделся в Лизу.

Та отвела глаза и кивнула.

— Кирилл на развод подал. А сам пропал. Снимает квартиру где-то на окраине и не звонит никогда, — положила подбородок на скрещенные руки, неподвижно уставилась на воду.

— Ты сильно переживаешь, — удивленно отметил Толя. — Из-за Кати?

Лиза долго не отвечала, все смотрела на легкие круги на воде, что чертили водомерки и оставляли после себя упавшие с ивы листочки и веточки. Она могла бы не ответить, могла бы соврать что-нибудь необязательное, но почему-то врать Толе не хотелось. Он тоже молчал, не торопил. Понял, что затронул нечто болезненное, глубокое.

— Катя утешилась уже, — наконец со вздохом сказала Лиза. — Из-за Кирилла. Я и не думала, что простая мысль — «я больше никогда его не уви-

жу» — будет доставлять мне такую боль. — Она постаралась улыбнуться, но с ресницы соскочила слеза и словно стерла улыбку.

— Ты любишь его, — тихо, потрясенно, самому себе сказал Толя. — Поплачь, если хочешь.

Он слегка обнял ее, плачущая девушка ткнулась носом в его голую грудь, и слезы послушно полились из глаз — одна за другой, одна за другой, — щекоча ему кожу.

Они просидели еще час. Жара к вечеру стала спадать, красное уставшее солнце заваливалось к горизонту, обещая на завтра такое же пекло.

Когда Лиза успокоилась, Толя осторожно вытер ей лицо своим мятым скомканным платком. Затем не торопясь смотали удочки, и он проводил ее до дома.

— До завтра, — сказала Лиза.

— До завтра, — ответил Толя и, не оглядываясь, широко зашагал по улице.

Часть
ВТОРАЯ

— Вы уже видели в программке? Видели? — Катя от переизбытка чувств все время срывалась почти в крик. — А ты, мам, не верила! Помнишь? А сейчас вот вам всем, неразумная дочь Катерина — и на экране на всю страну. Вот так вот!

— Ты приехать-то сможешь? — Любовь Константиновна немного отстранила трубку — неизвестно с чего вдруг прорезался у дочери такой громкий голос, прямо оглушал.

— Мужа сегодня проводила в командировку, — радостно завопила Катя. — И по такому случаю, конечно, приеду. От Лизаветы есть какие известия?

— Да она как раз сегодня возвращается из Лондона, обещала заехать...

— Как — сегодня? — радостно удивилась Катерина. — Я думала, не раньше следующего понедельника. Ну все! Мчусь!

Любовь Константиновна с улыбкой положила трубку. Постояла недолго около телефона, немного взгрустнула. Вот и выросли девочки, помнится, ждали этого, ждали: сначала — когда первые слова скажут, по-

том — когда ходить начнут, а дальше все в убыстряющемся темпе — когда школу закончат, университет, пойдут на работу... И когда годы промчались, непонятно, словно вчера ведь только из роддома Никита меня с Катюшкой привез.

Она вздохнула и, протерев телефонную трубку концом фартука, — руки были в муке, когда Катя позвонила, — поспешила на кухню. Дел сегодня и так невпроворот, а еще пироги затеяла, успеть бы к приезду девочек.

Катино «мчусь» обернулось в два с половиной часа. К этому времени вернулся с работы Никита Владимирович, красный с мороза, весь в снегу, как Дед Мороз. С порога, даже не успев раздеться, засыпал жену вопросами:

— Катя звонила? Приедет? А самолет? Ты не узнавала, не опаздывает? Катя-то, надеюсь, без своего благоверного? А чем это у тебя так вкусно пахнет?

Вошел на кухню, обнял Любовь Константиновну и попытался стянуть пирожок, однако был застигнут на месте преступления.

— Никита! Постыдился бы! Надо девочек подождать.

— Уж больно аппетитно они выглядят, — Никита Владимирович умоляюще посмотрел на горку румяных аккуратных пирожков.

— Ну ладно, один, на пробу, — сжалась Любовь Константиновна.

И пока муж осторожно, боясь обжечься, откусывал от дымящегося еще пирожка с капустой, смаковал его, она молча наблюдала за ним, думая, как много изменилось у них за последние годы. После того как Катя

повторно вышла замуж и уехала жить к мужу, и особенно после переезда Лизы на новую квартиру, которую — подумать только! — она смогла купить себе на последний гонорар, между супругами установились совершенно иные отношения. Словно нечего стало делить. Словно только теперь они осознали истинную цену взаимопониманию, уважению и теплоте.

Не успел Никита Владимирович доесть пирожок, как начал надрываться дверной звонок. И не надо было обладать даром пророчества, чтобы догадаться, что приехала Катя.

Она шумно ввалилась в коридор, который сразу всем показался маленьким. Скинула на руки отцу роскошную норковую шубу, расцеловала родителей, причитая: как же я соскучилась по этому кошмарному дому, как же мне вас иногда не хватает, черт побери, а чем это так вкусно пахнет, я еще на лестничной клетке почувствовала...

— Лизка-то, Лизка еще не приехала? — И без перехода: — Мам, ну дай пирожочек, ну хоть один, ну пожалуйста...

Любовь Константиновна со строгой миной вручила Катерине один пирожок, при этом довольно думая: как угадала-то я с пирогами, как угадала...

А Катя все говорила и говорила, задавала вопросы и, не дожидаясь ответов, снова о чем-нибудь спрашивала или вдавалась в воспоминания. При этом переходила из одной комнаты в другую, а родители хвостиком спешили за ней и иногда умудрялись вставлять слова в ее монолог.

— А помните, как Лиза тихо расстраивалась, когда я переехала жить в ее комнату, помните? — Катя об-

вела глазами родителей. — И ведь как старалась виду не показывать, что переживает сильно, а я все равно чувствовала! — На мгновение Катя замолчала, погрузилась. — Как вспомню, сколько мы нервов друг другу потрепали, — она покачала головой. — И все зря. И все равно ничего не получилось...

— Сейчас-то ты хоть довольна жизнью? — удачно ввернула вопрос Любовь Константиновна. — Вроде не на что жаловаться.

Наверное, спрашивая это, она ожидала от Кати радостного знакомого блеска в глазах; наверное, потому так и удивилась, что углядела вдруг — ни с того ни с сего — проскользнувшую по лицу дочери печаль. Однако Катя быстро надела привычную для всех жизнерадостную физиономию.

— Еще бы! Весной собираемся махнуть во Флориду, представляете? На целых две недели! Рай, а не жизнь, — последняя фраза прозвучала чуть ли не саркастически.

Любовь Константиновна беспомощно посмотрела на мужа, но в эту минуту снова прозвенел звонок, и Катя со всех ног бросилась открывать, оглашая квартиру криком:

— Лиза пришла! Лиза пришла!

Распахнула дверь, буквально втащила сестру в коридор, зацеловала, заобнимала.

— Раздеться дай, Катька, — смеясь, взмолилась та. — Что это на тебя приступ нечеловеческой любви нашел!

— Ты, Лизка, с годами становишься все большей занудой, — радостно сообщила ей Катя. — А потому такие простые людские чувства, как, например, привя-

занность младшей сестры к старшей, тебе недоступны. — Обернулась к родителям: — Ну, что скажете?

— Из тебя, Катюш, сегодня слова — как из пулемета, только успевай уворачиваться, — Никита Владимирович помог Лизе снять пальто.

— Привет, — Лиза чмокнула в щеку отца, — привет, — маму. Разулась. — А чем это так пахнет? Неужто пироги? — Любовь Константиновна с готовностью кивнула. — И небось уже прикладывались без меня, — Лиза подозрительно посмотрела на Катю.

— А что я? Чуть что, сразу я! Мам, ну скажи!

— Господи, — сказала Любовь Константиновна. — Полчаса назад думала, вот, наконец, и выросли девочки, стали взрослыми, самостоятельными женщинами, а на самом деле? Ведете себя, как маленькие! — Выговаривая слова нарочито сердитым голосом, прямо лучилась от счастья.

— С нашим пустырем видела что сделали? — негромко спросила Лиза у сестры, отбирая пирожок.

— Лучше б не видела, — кивнула та. — Добили, гады. Называется «Прагматизм в действии!».

— Даже та безумная детская площадка для собак и то была лучше этих жутких гаражей, — Лиза покачала головой, а Катя только криво усмехнулась: забивать голову всякими сентиментальными глупостями не хотелось — зачем портить себе настроение?

Скоро все семейство сидело за столом, поглощало ужин и в нетерпении посматривало на часы. Ждали программы с участием Кати. Сама она заметно нервничала, хотя виду старалась не показывать, все время шутила, задирала сестру, иронизировала над родителями. Жизнь, казалось, вернулась на несколько лет назад. Ко-

нечно, не считая того, что девочки заметно повзрослели, а родители — постарели. Лиза бросала взгляды на отца, на маму, про себя удивлялась переменам в их отношениях, радовалась этому и одновременно огорчалась, что только сейчас, когда уже виден возраст, и появились седые волосы, и столько морщин, — только сейчас родители по-настоящему стали понимать друг друга.

— Эй, Лизавета, — прервала ее размышления сестра. — Ты, случаем, в славном городе Лондоне жениха себе не нашла? А то ведь так и помрешь старой девой!

— Катя! — ахнула мама. Она всерьез испугалась, что старшая дочь сейчас обидится, — сама она считала, что жизнь Лизы, несмотря на успехи в работе, пока не сложилась. Главное-то ведь для женщины совсем не работа. И потому, говоря о ней с соседями, хоть и гордилась, но в душе всегда испытывала обиду на судьбу и с опаской ожидала вечных вопросов: Лиза-то наконец замуж вышла или все так и мыкается одна?

Но Лиза, к счастью, рассмеялась:

— Тебя бы туда вместо меня, Катька. Ты бы там точно пяток экземпляров обработала.

— А ты что? Небось, кроме работы, ничего и не видела?

— Ну почему же. — Это прозвучало загадочно.

Сестра тут же взвилась:

— Ну? Рассказывай давай, не молчи!

— Город видела. Музеи всякие. Достопримечательности. Слово такое есть, помнишь?

— Ну тебя, — Катерина так разочарованно махнула рукой, что все засмеялись.

— А если серьезно, — сказала Лиза, — то ра-

боты действительно было навалом. Сценарист такого наворотил, что пришлось все переделывать. Так что я оказалась не только консультантом по костюмам восемнадцатого века, но и практически соавтором сценариста. Да еще лекции в Оксфорде...

— Да, — протянула Катя. — Кто бы мог подумать, что твое хобби так далеко зайдет...

— Девочки, начинается, начинается. Никита! — заторопилась Любовь Константиновна.

Никита Владимирович прибавил громкость в телевизоре, и все как-то сразу подобрались, замолчали. Катя заметно побледнела, закусила нижнюю губу. Пошла заставка программы.

Передача называлась «Хороший тон» и задумывалась как еженедельная получасовая программа, рассказывающая зрителю о том, как себя вести, как одеваться и тому подобное в самых различных ситуациях — начиная от дружеской вечеринки и заканчивая приемом на самом высшем уровне.

Катя начала передачу красиво, с цитаты: «Манеры не пустяки; они плод благородной души и честного ума. Так говорил Теннисон. Эмерсон же утверждал: «Изящество в обращении лучше изящества форм; оно доставляет более наслаждения, чем картины и статуи; это самое изящное из всех изящных искусств...»

Сегодняшняя программа была первой и открывалась небольшим экскурсом в девятнадцатый век. Здесь, конечно, не обошлось без помощи Лизы, которая помогла отыскать в архивах уникальные материалы и несколько забавных исторических анекдотов. «Если вы идете с дамой, то должны оберегать ее от толчков проходящих, делая путь ее как можно более удобным... желая на

улице закурить папиросу или сигару: во-первых, не просите огня у старших вас, а во-вторых, закуривая, не берите в руки чужую сигару или папиросу, даже вовсе не прикасайтесь к ней. Закурив же, поблагодарите и откланяйтесь...» И все в таком духе. Получилось неплохо. Особенно удачным было сравнение с нашим веком и современными нравами. Катерина смотрелась вполне профессионально. Вела себя непринужденно, очаровывала улыбкой и плавностью речи.

Правда, на взгляд Лизы, сестра была немного манерна. Но, глядя, как сияют родители, как млеет сама героиня дня, решила пока ничего не говорить. Никакой критики на сегодня, как-нибудь в другой раз.

Прозвучало финальное распевное «п-о-к-а», кокетливо взмахнула ручка, и пошли титры.

— Ну как? — Катя поочередно на всех посмотрела. Больше всего ее интересовало и страшило мнение сестры, которое, она знала, будет самым беспристрастным. Но первыми, конечно, откликнулись родители.

— Замечательно, Катенька!

— Какая же ты у нас умница!

— Мы так тобой гордимся!

И все в таком же духе. После подобных похвал даже и мнение Лизы уже не так пугало.

— Ну а тебе как? — осторожно спросила у сестры.

— Неплохо, — веско сказала та. — Даже здорово. Молодчина.

Катя просияла:

— Так чего мы сидим, спрашивается? Пап, наливай!

Посыпались тосты — за Катю, за Лизу, за папу с

мамой. Дебютантка рассказывала, как делалась передача, вспоминала студийные хохмы, анекдоты. Много смеялись, и время пролетело незаметно. Спихнулись, когда зазвонил телефон. Никита Владимирович снял трубку и после нескольких «да» позвал Катю.

— Твой благоверный, — сообщил, прикрыв мембрану рукой. — Беспокоится.

Катя невольно сморщилась, буркнула под нос: «Как же, беспокоится — проверяет». Подошла к телефону.

— Приветик... Хорошо... Как долетел?.. Скоро поеду... Ладно, позвоню тебе из дома. Диктуй, — записала номер телефона, название гостиницы, в которой остановился муж, и дала отбой.

Некоторое время постояла с задумчивым видом, вертя в руках карандаш.

— Все в порядке? — озабоченно спросил Никита Владимирович.

— Да, — кисло ответила Катя, помолчала и все-таки не удержалась, проворчала: — Про передачу даже не спросил.

Очень хотелось добавить какое-нибудь смачное словцо — например, скотина или сволочь. Или говнюк — тоже неплохо. Но при родителях — Катя для себя это твердо решила — никаких отрицательных эмоций.

— Устал, наверное, с дороги, вот и забыл, — примирительно сказала мама. — Ты не расстраивайся, Катенька. Главное, все у тебя получилось.

Катя улыбнулась, посмотрела на родителей, на Лизу, увидела их глаза, полные сочувствия и понимания. И ощутила, как комок встал в горле. Вот где меня любят по-настоящему, внезапно подумалось, только здесь, только здесь...

— Ехать пора, к сожалению, — тихо сказала она.

— Жаль, конечно, но мы понимаем, — грустно кивнул Никита Владимирович.

— Ты как, Лиз? За мной машина придет, могу тебя прямо к подъезду.

— Идет, — кивнула Лиза.

Стали собираться. Мама отправилась на кухню «собрать девочкам пирожков», папа стал убирать со стола, а сестры на недолгое время оказались одни. Они стояли в коридоре, и невольно взгляд их упал на зеркало, висевшее в прихожей.

— Знаешь, Лиза, — сказала Катя отражению сестры. — Я у себя дома повесила точно такое же зеркало, представляешь? Каждый раз, как куда-нибудь выхожу, вспоминаю нашу квартиру.

— Это ты здорово придумала, — кивнуло отражение. — Надо будет и мне об этом подумать.

Некоторое время молча разглядывали друг друга.

— А ты здорово изменилась, — тихо произнесла Катя. — Стильная такая стала. Я по сравнению с тобой смотрюсь как-то кукольно.

— Ерунда какая, — искренне возразила Лиза. — Тебе только так кажется, потому что ты накрашена сильнее.

— Может, и правда поменьше пользоваться косметикой?

— Ты лучше скажи, что у тебя дома? — Лиза отвернулась от отражения и посмотрела прямо в глаза оригиналу. — Что-то у тебя, по-моему, не то происходит.

Сестра только успела плечами пожать. В коридор одновременно вошли родители. Началась небольшая

суматоха: мама совала дочерям пакеты с пирожками, а Лизе еще и баночку с салатом: «Тебе ведь некогда готовить, бери без разговоров», дочь упиралась, мама настаивала, папа настойчиво звал дочерей в субботу на обед; потом долго одевались и прощались. Наконец, входная дверь с жалобным скрипом выпустила девушек, и квартира как-то вмиг опустела.

— Ну вот, — сказал Никита Владимирович.

— В субботу, может, подъедут, — сказала Любовь Константиновна.

Они еще потоптались у двери и пошли мыть посуду. Надо было торопиться: через пятнадцать минут начинался их любимый сериал, пристрастие к которому они скрывали от дочерей, боясь насмешек, и под который так приятно дремалось почти каждый вечер.

Катя замерзшими непослушными руками открыла дверь и вошла наконец в квартиру. Погода в последнее время стояла отвратительная: сильный ветер, мороз и колючий, на редкость неприятный снег — в лицо. Первым делом горячий душ. Потом горячий чай с бутербродами и теплая мягкая постель — блаженство! Катя повесила шубу и нагнулась, чтобы расшнуровать высокие ботинки. Она еще некоторое время пребывала в приятном предвкушении благ цивилизации, а потом ясно почувствовала, что на нее кто-то смотрит.

Катя замерла, ей вдруг стало нестерпимо страшно. Моментально всплыли картины убийств, насилия и разбоя, которые не раз рисовало ее воображение в этой роскошной пятикомнатной квартире, забитой антиквариатом и прочими дорогими вещами. Сзади еле слышно скрипнул паркет, и у Кати зашевелились волосы. Она чуть повернула голову, и ее взгляд упал на зеркало, в котором прямо за ее спиной отражалась мужская коренастая фигура. До боли знакомая фигура ее мужа.

— Фу, черт, — выдохнула Катерина и в изнеможении опустила на стул. — Ну ты меня и напугал.

— С каких это пор ты стала меня бояться? — довольно спросил Артем.

— Не тебя, — хмыкнула Катя. — Не дождешься. — Она испытывала сейчас невероятное облегчение оттого, что недавний страх оказался зряшным.

— Тогда, интересно, за кого ты меня приняла, — он подошел к ней вплотную и по-хозяйски поднял ее лицо за подбородок.

— За грабителя и убийцу, — зло ответила жена. Облегчение сменилось досадой и раздражением. Горячий душ, горячий чай, теплая одинокая постель — все эти блага мира отодвигались на неопределенный срок.

— Ты же говорил, что в пятницу прилетаешь, а сегодня, пардон, четверг.

— Дело провернул — и домой, чего мне там торчать, когда здесь меня ждет любимая жена, — он сгреб ее и крепко прижал к себе. — Я соскучился, — прошептал прямо в ухо.

Сейчас в постель потащит, это на час как минимум, потом, может, заснет, а утром опять. Вот, черт, принесла его нелегкая...

— Я ботинки не сняла, — она попробовала отстраниться.

— Я их сам тебе сниму, только не здесь, а в другом месте, — он легко поднял супругу на руки и понес в спальню.

Она не сопротивлялась и не возражала, ей было отлично известно, что, если Артему приспичило — спорить не только бесполезно, но и опасно. Себе же дороже станет.

Он бросил ее на постель, а сам остался стоять, неотрывно на нее глядя. Словно оценивал свою работу. Потом медленно приблизился и стащил ботинки.

Швырнул их в угол. Снял с себя рубашку — все это не сводя с Кати глаз.

— Расстегни блузку, — повелительно сказал. Катя подчинилась. — А теперь подними юбку...

О Господи, подумать только, когда-то меня эти пошлые примитивные игры возбуждали. Когда же это было, сто лет назад? Мысли перенесли ее в тот год, когда она согласилась стать женой Артема. В год, когда, ей казалось, исполняются самые смелые ее мечтания. Сколько тогда было надежд, силы, азарта! А сейчас — одна усталость, одна безмерная усталость от его постоянных взрывов, приливов то любви, то презрения, то ярости, то снова любви...

— А теперь ласкай себя, детка, — говорил тем временем Артем.

Катя автоматически исполняла его команды, мысли ее были далеко от этой спальни... И работа, думала она. Такая любимая и такая изматывающая. Сегодня вроде бы все складывалось поначалу удачно, а потом эта бездарная ссора с режиссером программы, с Аленой. Ну как она не понимает, что кусок съемки о ресторане нельзя совмещать с интервью, взятым у директора магазина «Валентино»!

— Ты что, не слышишь? — донесся до нее резкий голос Артема.

— Что? — испуганно спросила Катя и приподнялась на локтях.

— Ты о чем думаешь?

Взгляд мужа не предвещал ничего хорошего. Катя инстинктивно отодвинулась. Он, уловив ее движение, дернулся к ней, рывком перевернул на живот и ловко связал ей руки за спиной.

Опять! Катя попробовала подняться, но на нее уже обрушился первый удар. Артем бил ремнем по голым ягодицам — не сильно, но чувствительно. А главное — это унижающее чувство беспомощности! Она зарылась носом в подушку. За все надо платить, за все. Простая арифметика.

Артему тем временем надоело хлестать жену. Он отбросил ремень и теперь рьяно ее целовал. Еще немного, и все, устало думала та. Приму душ — и спать, спать, спать. А завтра с утра на работу. Хорошо хоть, работа имеется, есть куда сбежать. Слава Богу, ему вроде льстит, что его жена — телеведущая, не то что мымры его дружков, дуры беспросветные!

Артем уже ритмично дергался на Кате и издавал финальные звуки. Еще раз, еще, и, наконец, стало тихо. Кожаный ремешок отпустил руки. Катя облегченно выдохнула. До завтра я совершенно свободна! Она сползла с кровати и проскользнула в ванную. Муж остался расслабленно лежать на постели.

Пустила воду, сняла макияж, скинула остатки одежды. Потом долго лежала в горячей душистой ванне. Тело расслаблялось, усталость уходила. Ванная комната была гордостью Катерины. Большая, отделанная зеленым натуральным камнем, змеевиком. В одном углу — черная мраморная раковина, в другом — тоже черная круглая ванна на возвышении и к ней ступеньки. Огромное зеркало, закрывающее всю стену, встроенные шкафы с множеством кремов, масок, тоников, ароматизированных солей. И везде в строго продуманном беспорядке всякие приятные мелочи: большая перламутрово-розовая шипастая ракушка, которую в прошлом году они купили на Цейлоне; изящная роза в хрустальной тонко-

ногой вазочке; пахучие разноцветные свечи в небольших прозрачных прямоугольных подсвечниках... Время от времени Катя открывала глаза, смотрела сквозь ресницы на свое отражение в зеркальном потолке, и жизнь словно вновь вливалась в ее тело и приобретала нежные пенистые оттенки.

После ванны она накинула кремовый шелковый пеньюар и прошла в спальню. Огромная кровать уже дожидалась ее — Артем снял покрывало и откинул край одеяла. На подушке что-то чернело. Катя широко улыбнулась, нырнула в мягкое и поспешила открыть бархатный футлярчик.

— Ух ты!

— Нравится? — спросил муж за ее спиной.

— Еще бы, — она повернулась на спину и капризно протянула руку: — Надень!

Артем присел на край, вынул кольцо, украшенное внушительным изумрудом, и с удовольствием надел его на палец жены. Некоторое время оба молча любовались камнем.

— Знаешь, во сколько влетело? — спросил Артем, явно гордясь собой.

Катя укоризненно посмотрела на него.

— Я тебе говорила раньше, что нехорошо сообщать стоимость подарка? Говорила? — Она легонько взяла его за воротник рубашки. — А ты не слушаешься. И что из этого следует? — Катя строго посмотрела ему в глаза. — Из этого следует, что тебя надо сурово наказать!

И дурачась, она накинулась на Артема, повалила его на кровать и взъерошила волосы. Катя не сразу заметила, как тот моментально помрачнел.

— Хватит! — резко сказал он, отпихнул жену и вскочил на ноги. — Хватит, — повторил, правда, уже гораздо тише.

— Ты что? — Катя удивленно на него уставилась.

— Запомни раз и навсегда, — отчетливо произнес Артем. — Не люблю, когда меня учат. Особенно женщины, — сказал так, словно говорил о недоразвитых существах. — Ладно, вставай, — смиростивился. — Я там ужин заказал. Уже принесли.

И ушел. Катя еще полежала недолго, глядя на кольцо. Ну и хрен с тобой. Очень надо! Завтра надену к кольцу зеленый свитер и узкие черные джинсы: небрежное сочетание изумруда с повседневной одеждой. Вообразила, как классно будет завтра выглядеть, представила лицо Эдика, звукорежиссера программы. Он и так глазеет восхищенно и преданно, а завтра и вовсе обалдеет.

Соскочила с кровати, поправила волосы. Вот возьму и сведу с ума мальчика, весело подумала она и показала двери язык. Наставлю рога старому козлу, будет знать, как обижать маленьких!

Катя почувствовала прежний азарт, и предстоящая авантюра словно подогрела ей кровь — стало совсем весело и беззаботно. Она кинула взгляд на свое отражение и осталась довольна — красивая, холеная, богатая молодая женщина. Хозяйка жизни, одним словом, и пусть Артем идет подальше со всеми своими тараканами!

Лиза повесила трубку и чертыхнулась. Вечно эта Катька не вовремя! Только собралась, наконец, засесть за книгу, так нет — целый вечер коту под хвост, потому что у сестры шило в одном месте: хочу приехать к тебе, и точка. Вернее, запятая, потому что дальше следует: хочу познакомить тебя с отличным парнем — точка, восклицательный знак, многоточие...

Взгляд Лизы упал на недописанную страницу. Осталось-то всего ничего, но вечно некогда, а издательство торопит: в следующем месяце уже надо сдавать рукопись в набор, а еще главы не хватает. Снова села за стол, попыталась сосредоточиться, но куда там! Ни одной мысли в голове — все словно разбежались.

Тогда она встала, налила себе очередную чашку кофе, выпила стоя, не ощущая ни вкуса, ни запаха — как воду, почти залпом. Катька! Наживет горя на свою шею! Ну с кем она опять связалась? Ну зачем ей это нужно? Артем не Кирилл, терпеть не станет!

Мысль, что Артем может сделать с Катей за ее выходки, привела в тихий ужас. Вот что взбесило, вот что работать не дает, заставляет мерить шагами ком-

нату и нервно дожидаться, когда Катерина подвалит со своим новым приятелем, чтоб его! Лиза поняла, что уже заранее не одобряет выбор сестры — пусть этот «отличный парень» хоть семи пядей во лбу и красавец писанный. То, что он принесет Катерине массу проблем, сомнений не вызывает. Хорошо, если просто проблем, а не чего-нибудь похуже.

Может, даже хорошо, что они сегодня подъедут, внезапно решила Лиза. Вдруг удастся вправить Катке мозги? Надежд мало, но все же можно попытаться.

Убрала бумаги со стола, прошла на кухню, проинспектировала содержимое холодильника — наверняка голодные, после работы ведь — и осталась крайне недовольна. Катерине с ее избалованностью такая еда по вкусу не будет. Что такое гречневая каша по сравнению с мидиями? Или яичница по-московски против шашлыка из осетрины? Мелькнула мысль сбежать в магазин, но, посмотрев на часы, Лиза с облегчением поняла, что не успевает. И хорошо. Потому что на самом деле денег до зарплаты совсем немного, на балык с икрой, скорей всего, не хватило бы. Оставив холодильник в покое, Лиза пошла переодеваться. До приезда сестры оставалось минут двадцать.

Они приехали через полчаса. Радостно-возбужденная Катерина и молчаливо-восхищенный Эдик. Он со стуком поставил на пол тяжелую сумку. Катя, раздеваясь, охотно пояснила:

— Мы решили, что тебе некогда будет с ужином возиться, и прикупили по дороге кое-чего. — Пойдем разберем это добро, а Эдик нас в комнате подождет. Правда, котик?

Неразговорчивый «котик» серьезно кивнул, и Кате-

рина потащила Лизу на кухню. Содержимое сумки оказалось впечатляющим. На стол проследовали: тонко нарезанная лососина, ветчина, копченая индейка, крабы, помидоры, зелень, виноград, бананы, ананас и две бутылки martini.

— Вы ко мне на сколько дней? — робко спросила Лиза.

Катерина рассмеялась.

— Не пугайся! На пару часов. Это тебе в качестве гуманитарной помощи. Если, конечно, что останется, — добавила с сомнением. — Мы страшно голодные. — И лукаво посмотрев на сестру: — Как он тебе?

— Кто? — О мужчине, который дожидался их в комнате, Лиза как-то забыла.

— Ну, Эдик!

— А-а, — протянула Лиза. — Я пока не разглядела, — она отвела глаза, но тут же вспомнила о своем намерении вправить Катерине мозги и сердито зашептала: — Зачем тебе это нужно, вот что ты мне объясни! Артем, если узнает, башку тебе отвернет!

— Не узнает, — тоже зашептала Катерина. Лиза подумала, что ее больше успокоило бы другое отрицание: не отвернет.

— Ты Артема не знаешь, — продолжила она запугивание и поняла, что сморозила глупость. Катя хихикнула.

— Я знаешь какая осторожная! Ни одного лишнего движения. Он ничего пока не подозревает, — и снова Лизу кольнуло: пока.

— О Господи, Катька, ну когда ты повзрослеешь, ну неужели тебе самой не бывает страшно?

— Не-а, — Катька беспечно мотнула головой. — Мне на самом деле этот романчик просто необходим. Ты пойми, я таким образом восстанавливаю свое человеческое достоинство. Мне сейчас плевать, когда Артем ко мне цепляется. И если раньше меня неделю трясло после того, как он лапы свои ко мне прикладывал, то сейчас — тьфу! — она сделала вид, что плюнула и растерла.

Лиза в недоумении посмотрела на сестру и тихо спросила:

— Он что, тебя бьет?

Катя скривилась: в пылу откровения она явно сболтнула лишнее.

— Так, иногда, — махнула рукой. — Не больно, но обидно.

— Балда! Ты представляешь, что он с тобой сделает, если узнает? — Лиза говорила шепотом, но очень громко.

Катерина замахала на нее руками:

— Что будет, то и будет. А сейчас давай жрать, а то я прежде загнусь от голода.

С этими словами Катя взялась раскладывать снедь, и не успела Лиза прийти в себя, как все уже было готово.

— Поехали! — Катерина подмигнула сестре. — Все будет отлично.

Эдик сидел в комнате, все такой же молчаливый и серьезный. Наверное, подумала Лиза, он просто дико стесняется. На миг ей стало парня жалко: слопает его Катерина вместе со всеми потрохами...

При появлении женщин он вскочил почти испуганно. Кинулся помогать, зацепил ногой стул и чуть не

растянулся. Катя заботливо усадила его обратно в кресло, налила martini и велела «котику» вести себя тихо, они девочки большие, сами со всем справятся. Выпили, закусили, снова налили. Говорила в основном Катерина, Лиза слушала и поддакивала, а Эдик пребывал в прострации — ему, видимо, достаточно было только восторженно глазеть на коллегу и внимать ее речам. Он даже есть забывал, несмотря на «жуткий голод». Наверное, еще не освоился с мыслью, что женщина его мечтаний снизошла до него.

«А ведь он моложе Катьки, — пришло в голову Лизе. — Во всяком случае, по сравнению с ней — птенец желторотый».

Катя в это время, разглагольствуя о преимуществах их канала над всеми прочими, пересела к Эдику на колени. Лиза почувствовала неловкость, захотелось выйти из комнаты.

— Как орлица над орленком, — пробурчала она себе под нос и встала. — Пойду чай поставлю.

— Ага, — Катька даже не обернулась. Теперь она перебирала «котику» волосы, и парень просто таял в ее руках.

Лиза поспешно покинула комнату. Ей было досадно. Она прекрасно понимала, что решение Кати прокатиться после работы к сестре продиктовано отнюдь не желанием увидеть последнюю. Просто таким образом она использует и меня, и мою репутацию: Артем никогда не станет подозревать меня в непорядочности. А это именно непорядочно! Лиза даже ногой топнула. Пусть Артем свинья, но обманывать всегда низко. Катька делается ничуть не лучше своего мужа. Больше не позволю ей пользоваться мной!

Лиза решительно направилась в комнату, но на пороге застыла. Катя с Эдиком упоенно целовались. Словно глухари на току, они не слышали и не видели ничего вокруг. Казалось, еще немного, и оба рухнут в экстазе на пол, по пути срывая друг с друга одежду.

— О Господи, — простонала Лиза и снова ушла на кухню. — Планида, что ли, у меня такая — отсиживаться на камбузе?

Она села за маленький кухонный стол, не зная, чем себя занять. На какой-то миг даже пожалела, что все рабочие бумаги остались в комнате, — можно было бы главу дописать. Хотя в таком взвинченном состоянии вряд ли получилось бы что-нибудь путное.

А ведь мне потом Артему в глаза смотреть. Делать невинное лицо и рассказывать, как мы с его женой засиделись допоздна, вспоминая детские годы. Я-то врать не умею, это Катерина у нас виртуоз, никогда даже не запутается, а у меня вечно концы с концами не сходятся. Лиза подперла голову рукой и задумалась: неожиданно она поймала себя на том, что завидует сестре: на нее саму никогда никто не смотрел так — преданно, любяще, с восторгом, — как смотрит на Катю этот несчастный Эдик. Катька, наверное, чувствует себя дарительницей счастья. И удержаться от соблазна не может.

Лиза вздохнула. Получалось, что ее сестра вовсе не злодейка, а чуть ли не благодетельница. И все равно обманывать нехорошо! Лиза встала, резко отодвинув стул, полная решимости прервать токовище, но тут зазвонил телефон.

— Алло, — сказала Лиза, затаив дыхание. Не сомневалась, что звонит Артем.

— Привет, — сказал Артем. — Как дела?

— Нормально. А у тебя?

— Тоже. Катя говорила, что тебе может понадобится машина, книги перевезти...

— А, да, спасибо, на следующей неделе, — запинаясь, ответила Лиза. («Что он про Катьку-то не спрашивает? Черт! Проверяет. До меня пока дойдет...»)

— Тебе Катерину дать? — Этот вопрос прозвучал гораздо бойчее.

— А она у тебя? — с лживой искренностью удивился Артем.

— Да, заехала после работы. Соскучилась, говорит. («Что за бред я несу», — у Лизы даже скулы свело.) Так я ее позову, — положила трубку и перевела дыхание.

Быстрым шагом прошла в комнату и на этот раз задерживаться на пороге не стала, хотя диспозиция не изменилась — те же и в тех же позах.

— Катя, — громко позвала. — Артем звонит.

— А пошел бы он, — проворковала Катерина.

— Так и сказать? — любезно осведомилась Лиза.

— Нет, подожди, — она отлепилась от Эдика. — Сама ему об этом скажу.

— Телефон на кухне, — подсказала хозяйка дома.

— Артем? — сладко пропела Катя в трубку. — Как здорово, что ты позвонил... — Лиза скорчила рожу, Катя невольно хмыкнула и погрозила кулаком. — Даже сможешь за мной заехать? — Воскликание получилось радостным. — Отлично! Во сколько быть готовой, дорогой? Договорились. Жду, люби-

мый! — Она чмокнула трубку, и улыбка сползла с ее лица. — Козел ревнивый.

— Когда он будет?

— Сказал, что через час, значит, минут через пятнадцать, — Катя тяжело вздохнула. — Пойду попрощаюсь с Эдиком.

— Не увлекайтесь только, — крикнула ей сестра вдогонку. — Помни о времени.

Катя только рукой махнула, не оборачиваясь. Похоже было, что она сильно расстроилась. Уж не влюбилась ли, с тоской подумала Лиза. Тогда точно неприятностей не оберешься.

Вскоре парочка вышла в коридор, Катя достала куртку Эдика, замотала его шарфом, поцеловала на прощание. Лизе показалось, что она что-то сунула парню в карман, но точно сказать было нельзя. Хозяйка крикнула из кухни «Пока!», и на этом прощание завершилось. «Котик» покинул территорию. Катька приплелась на кухню, тяжело села на стул, словно постарела разом лет на десять.

— Ну что за жизнь, — пожаловалась Лизе. — Пятый класс, вторая четверть. Поцелуйчики по подъездам.

— Котик-то твой не женат, случайно? — с опаской спросила сестра.

— Нет, он с мамой живет.

— Ему сколько лет?

— На пару годков всего моложе, — беспечно ответила Катя.

— А с пионерами ты не пробовала? — Лиза не смогла сдержать раздражение.

— Думаешь, стоит? — Катя заинтересованно подалась вперед, и Лиза рассмеялась.

— На тебя даже злиться невозможно. Что ты за человек!

— Человек как человек. Стараюсь никому не делать зла, — серьезно ответила Катя.

— И получается?

— Не очень, — честно ответила звезда телеэкрана и погрузилась в размышления.

— Тоже мне Мефистофель шиворот-навыворот, — усмехнулась Лиза и процитировала: — «Я часть той силы, что вечно хочет зла, но сотворяет благо».

— Стало быть, я хуже черта, — грустно констатировала Катя. — Прав был Лев Николаевич, когда говорил, что женщины — исчадие ада.

Прозвенел звонок в дверь. Приехал Артем. Потоптался у двери, сказал, что проходить не будет, пождет жену здесь. Катька похлопала Лизу по плечу и отправилась одеваться.

— Что это вы понурые такие? — спросил Артем, подозрительно оглядывая супругу. Та пожала плечами. — Хотел бы я послушать, о чем вы тут говорили. Косточки мужикам небось перемывали, а? Лизавета?

Лизу, которая подобное обращение терпела исключительно от Катьки, передернуло.

— Представь себе, нет, — немного высокомерно ответила она. — У нас был небольшой литературный диспут. — Заявила это совершенно искренне и увидела, как Артем уважительно кивнул.

— Понимаю, — сказал он. — Катьке это полезно.

Катя хихикнула и подмигнула сестре:

— До скорого. Продолжим диспут через пару дней.

— Если я смогу, — поспешно встала Лиза. — Мне надо книгу дописывать.

Артем только переводил взгляд с Лизы на Катю и обратно. Ему было очень лестно, что и жена, и сестра его жены — образованные интеллигентные женщины. В их присутствии даже материться было неудобно. Бизнесмен кинул взгляд на золовку и невольно задался вопросом: интересно, а в постели она такая же оторва, как ее сестрица, или нет? Усмехнулся и заторопился домой: надо было напомнить Катерине, кто в семье главный, чтоб не забывалась.

— Боже мой, как хорошо, — Катя сладко потянулась и пристроила свое длинное красивое тело рядом с телом Эдика. — Ты как?

— Нормально, — кивнул Эдик. — Сейчас поспать бы.

— Тебе хорошо, — Катя вздохнула. — А мне домой топать.

— Тебя проводить? — участливо спросил Эдик, прекрасно зная, что Катя откажется.

— С ума сошел? Или избавиться от меня хочешь таким изуверским способом? — Она с грозным видом нависла над Эдиком и сомкнула руки на его шее. — Тогда я первая тебя задушу.

Эдик легко разомкнул ее цепкие пальчики и перевернул Катю на спину, подмял под себя.

— Это мы еще посмотрим, кто кого, — наклонился и крепко поцеловал ее.

Руки скользнули по Катиному телу, по ее гладкой нежной коже, стали гулять по изгибам, округлостям, впадинам. Катя застонала, прогнулась, и Эдик, который всего минуту назад говорил о сне, с молодым, не рас-

траченным еще энтузиазмом набросился на свою изумительную любовницу.

Он не был особо искусным в ласках. Их любовные игры не отличались ни изощренностью, ни выдумкой. Но из Эдика была такая неукротимая подлинная страсть, что Катя каждый раз словно получала заряд оптимизма и уходила обогащенная его энергией и бодростью. Он напоминал молодое сильное животное. Ей нравилось думать, что она приручила его и теперь он принадлежит только ей, во всем послушный ее желаниям.

Обычно, покидая квартиру, которую она недавно сняла для Эдика, Катя чувствовала себя дикой кошкой — хитрой и хищной. Она кралась домой, изобретая по дороге все новые звенья лжи, в которой давно барахтался ее муж. Ей нравилось в такие вечера дразнить Артема, и обычно после утех с Эдиком дома у нее случались настоящие любовные баталии: может быть, потому, что после встреч с любовником Катя становилась агрессивной и безрассудной. В такие моменты она казалась мужу похожей на дикого зверя, и теперь уже Артему нравилось подчинять ее своей воле. И, надо сказать, он всегда одерживал верх.

Но в этот вечер, когда Катя вернулась домой, мужа не было. Она не торопясь приняла ванну, сделала себе маску, поужинала. Артем все не приходил. Не было и звонков от него. В одиннадцать часов Катя легла спать. Лениво подумала, что надо бы позвонить мужу по мобильному, но вставать не хотелось. Придет, куда денется. Небось завалился в бар или в казино после того, как удачно обтяпал свои делишки. Может, подарит чего...

Катя закрыла глаза. Вспомнила, как в первое время Артем заваливал ее подарками, потом как-то постепенно их поток превратился сначала в скудный ручеек, а сейчас почти и вовсе иссяк. Хорошо, хоть сама зарабатывать стала. Даже квартиру смогла снять, правда, на приличные шмотки хватает далеко не всегда. Катя перевернулась на другой бок, в голову полезли неприятные и уже ставшие привычными мысли. Почему он мне не дает денег? Может, подозревает что-нибудь? Да нет. Он и раньше, когда еще подозревать нечего было, не давал. Всегда талдычил одно: если что нужно, скажи, сходим и купим. А что мне нужно? У меня все есть. Только ощущения богатства нет. Вчера зашла в этот роскошный магазин «Картье», так до слез стало обидно — ничего не могу себе позволить! Ни одного пустяка! Половина зарплаты уходит на квартиру, другая половина куда-то распыляется. Черт! Катя села в постели. Сказать кому на работе, что мне вечно денег не хватает, — рассмеются в лицо, и это в лучшем случае. И почему Артем отказывается купить мне машину? Боится моей самостоятельности? Постоянно твердит свое: если тебе надо, вызови мою машину с шофером или такси возьми.

— Небось пару раз проехаться на такси твоей зарплаты хватит? — Сама не заметила, как вслух передразнила своего мужа.

Голос в пустынной квартире прозвучал неожиданно громко. Катя вздрогнула. А вдруг его убили? Все ведь может быть. В его конторе одни бандюги сидят. Тогда что? Что мне-то делать? Я даже не знаю, где он деньги хранит!

Катя вскочила и начала мерить шагами спальню. Стало зябко. Накинула халат, постояла в задумчивости и решила зайти в его кабинет, куда входить ей было почти запрещено.

Заглянула, осмотрелась. Было немного страшно. Вошла. Ничего не случилось: гром не грянул, охрана не пристрелила. Катя усмехнулась. Артем запросто может нанять какого-нибудь профессионала охранять квартиру. Помнится, он даже как-то говорил об этом... Что же его тогда остановило?

Подошла к столу, подергала ящики, они оказались заперты.

Ну конечно, ревность! Как он тогда сказал? За мои же деньги какой-нибудь мускулистый идиот станет трахать мою жену. Он никогда мне не доверял. И правильно делал.

Обошла стол, заглянула под него. Пусто. Потрогала книги на полках. В основном справочники, какие-то карты, чушь всякая. Снова беспомощно огляделась.

Еще, не дай Бог, припрется сейчас, а я тут расхаживаю в его владениях. Катя поежилась. Убить не убьет, но надает крепко. Ну его к черту! Она повернулась уходить, но тут взгляд ее задержался на картине. Тоже мне любитель прекрасного! Катя фыркнула. И неожиданная мысль пришла ей в голову.

Она резво подскочила к картине и, аккуратно отодвинув ее от стены, заглянула в щель. Сердце забилося. Стальная дверца сейфа смотрела прямо на нее. Вот оно!

Уже собралась снимать картину со стены, как во входной двери заворочался ключ. Катя отдернула

руки, словно обожглась, заметалась, зацепила корзину для бумаг, бросилась ее поднимать...

Дверь тем временем медленно открывалась. Какие-то обрывки бумаг остались лежать на полу, Катя же кинулась в спальню. Зарылась под одеяло, запоздало вспомнила, что, кажется, не закрыла дверь в чертов кабинет. Руки очень сильно дрожали.

— Катюха! — В спальню ввалился пьяный Артем. — Угадай, кто пришел?

Катя не шевельнулась.

— Катюха, — Артем полез на кровать. — Вот ты где! Вылезай. Смотри, что у меня есть. — Он распахнул кейс, и оттуда посыпались деньги. — Еще даже не считал, — сообщил он с гордостью.

Катя показалась из-под одеяла:

— Вот это да. Ты что, банк ограбил?

— Дура! — Артем захохотал. — Я с уголовкой не контачу. Дельце провернули. Пойдем выпьем.

— Пойдем, — Катя поднялась. Постояла как бы в нерешительности. — Только деньги-то куда. Здесь нельзя.

— Точно, Катюха, здесь нельзя, — Артем сполз с кровати, сгреб купюры. — Ты пока наливай.

Он нетвердо пошел к двери, Катя на некотором расстоянии — за ним. Однако дверь кабинета перед ее носом захлопнулась.

«Ладно, — решила Катерина. — Может, по пьяной лавочке забудет сейф закрыть».

Она старательно влила в Артема двести граммов водки, и он отрубился. Катя дотащила его до кровати, раздела, постояла некоторое время, прислушиваясь к его дыханию. Артем старательно выдувал храп. Тог-

да она снова зашла в кабинет, сразу направилась к сейфу, дернула ручку, но — увы! — он был надежно заперт. Катя плюнула, постояла недолго, пытаясь что-нибудь придумать. Но ничего в голову не приходило. Тогда она собрала с пола клочки бумаг, осмотрелась, все ли на месте, и отправилась спать.

С завтрашнего дня, думала Катя, засыпая, у меня есть над чем поломать голову.

Сколько раз давал себе зарок: ничего не обещать, если не уверен на сто процентов, особенно женщине, и сколько раз набивал себе шишку на этом самом месте!

Теперь Маринка меня со свету сживет. Во всяком случае — мозги пропилит. Это точно.

Выплывут все мои старые грехи, умноженные по крайней мере на пять.

Ну не могу я пойти на эту глупую презентацию! Дело, сулящее отличную выгоду, для меня важнее!

Мужик я, в конце концов, или кто!

Кирилл сел перед телефоном и даже снял трубку. С деловым и решительным видом послушал длинный гудок.

— Сейчас начнется, — сказал сам себе. — Упреки, подозрения, — скривился и положил трубку на рычаг.

Или кто... Даже позвонить не в состоянии. И на кой мне все это сдалось?

Он сел и задумался. Под словом «все» имеется в виду красивая избалованная брюнетка, носящая имя Марина. Украшение его одиноких вечеров и спутница на

светских приемах. Неплохие обеды по праздникам и изредка отглаженные женской рукой рубашки. Что еще? Вечное нытье и бесперебойное поглощение финансов.

Кирилл снял трубку. Набрал номер.

— Привет, дорогая. — От слащавости в голосе стало тошно самому. — Как дела?

— Пока ты не позвонил, все было хорошо.

— И что изменилось?

— Содержание ласковости в твоем голосе превышает норму, — бесстрастно сказала Марина. — Что означает плохие новости. — Пауза. — Мы никуда не идем?

— Видишь ли, дорогая...

— Так я и знала! — воскликнула Марина с трагизмом. — Ну что ты за человек, Кирилл! Никогда на тебя нельзя положиться! И неужели нельзя было сказать мне об этом заранее? Я только что из салона. Потратила уйму денег. Купила новые туфли...

— Считаю это моим подарком, — поспешно вставил Кирилл. — Так сказать, возмещение морального ущерба.

— Ты можешь хотя бы с любимой женщиной не выражаться своим суконным языком, — прошипела Марина. — И что прикажешь мне делать теперь? Сидеть дома весь вечер, как дуре с вымытой шеей?

— Ну, то, что ты, наконец, помылась, уже хорошо, — сказал Кирилл и тут же пожалел о том, что сказал: Марина, Которая Недовольна, не отличалась восприимчивостью к юмору.

— Знаешь что, — раздельно произнесла она. — Иди ты со всеми своими делами как можно дальше и

лесом, — сказала, как отрезала. Раздались короткие гудки.

— И на том спасибо, — поблагодарил Кирилл трубку и облегченно выдохнул.

Самое сложное было позади. К завтрашнему утру Марина отойдет, устрою ей ужин при свечах, подарю что-нибудь, и порядок. Снова получу свою Марину, Которая Влюблена В Кирилла. Делов-то!

Кирилл быстро переоделся — костюм, белая рубашка, галстук. Все вещи безупречного вкуса и за приличные деньги. На клиента, даже самого завалящего, это неизменно производит правильное впечатление. А сегодня предстояла интересная встреча.

Последнее время Кириллу везло. Беспроигрышные дела сыпались на него, как выигрышные лотерейные билеты. Пошла «зеленая» волна, и, как следствие, составила репутация человека, который не проигрывает. И вот уже четвертый звонок от солидного клиента с солидными деньгами.

Кирилл потер руки. Уж это дело он точно выиграет.

Но не только и даже не столько деньги привлекали его в работе. Прежде всего, наверное, процесс игры. Расставить фигуры на поле, обдумать партию, сделать первый осторожный ход, потом смелее, еще смелее... Шах и мат. Извольте раскошелиться. Финальный этап Кирилл любил больше всего — его неизменно грела мысль, что именно он, Кирилл Игнатов, восстанавливает попорченную справедливость.

Обычно дела попадались простые. Знакомые всем до боли неплатежи. Издательство заключает контракт с автором и не выплачивает гонорар за сделанную работу. Яйца выеденного не стоит. Если бумаги в порядке, дело

решается в суде за час. Интереснее бывали процессы, в которых фигурировали иностранные писатели. Время безраздельного пиратства на книжном рынке давно закончилось, но далеко не все сумели смириться с этой мыслью. Тогда в бой вступали литературные агенты, и иногда проигравшим приходилось очень туго.

Кирилл, заканчивая такие дела, обычно остро жалел, что русские забитые авторы и переводчики не имеют ни одного надежного прикрытия (какие уж там литературные агенты!). Часто они даже и не думают подавать в суд, искать юридической защиты от произвола своих работодателей. В лучшем случае поругаются с издателями и разорвут контракт, в худшем — останутся ни с чем: и без денег, и без работы. Поэтому Кирилл хватался за дела не только бесспорно выигрышные, но и не сулящие гонорара — так сказать, занимался благотворительностью. И потому без работы не сидел.

Конечно, Марина имела все основания жаловаться! Ей перепали лишь жалкие крохи его времени, но Кирилл не хотел и не собирался менять положение вещей. Не устраивает что-то красавицу Марину — так никто ее не держит. На ранней стадии их отношений она попыталась отвоевать себе в жизни Кирилла законное место, но была твердо введена в надлежащие рамки. На первом месте для мужчины работа, остальное — как получится.

Два правила Кирилл усвоил прочно: не допускать ни одну женщину в свою душу и не позволять бедности селиться в своем доме.

Кирилл взглянул на часы. Еще полчаса до выхода. Есть время просмотреть бумаги.

Итак. Истец: Сорокин Павел Сергеевич, драматург,

сценарист, переводчик. Много и успешно работает за рубежом. Умен, образован, учился в Сорбонне, имеет премии и прочее прочее. Чуть за пятьдесят. С виду добродушен, толстоват, лысоват. Богат. Предмет спора: плагиат. Обвиняется издательство «Виктория». Директор Роберт Альбертович Миаджанов. Лет около сорока, высок, спортивен, коротко стрижен, особых примет не имеет, если не считать не сходящее с лица наглое выражение.

Кирилл давно подбирался к этой конторе. Слухи вокруг нее ходили самые разные. Говорили, что издательство только ширма, что по бухгалтерии давно плачет ревизор, что директор имеет двух телохранителей и штатную команду рэкетиров. Но слухи есть слухи.

То и дело вокруг «Виктории» возникали скандалы, но как-то очень быстро затухали. Никогда ни одной зацепки, ни одного виновного. И вот прямо подарок судьбы — Сорокин Павел Сергеевич.

Кирилл еще раз посмотрел на часы. Пора. Встал, собрал бумаги, положил их в кейс, еще раз все проверил. Чувствовал себя собранным и полным сил. Он знал, что дело выиграет. Вернее — не позволит себе проиграть. Чего бы это ему ни стоило.

А заплатить, полагал Кирилл, придется немногим — потратить толику времени, выдержки, наблюдательности, решительности. Зато в конце — отличный гонорар за труды.

А потом устрою себе отпуск. Что-нибудь южное и морское. И даже с Мариной — загорелой, ослепительной и любящей. Чем не жизнь?

Кирилл запер дверь и вышел на улицу. Было уже темно. Шел небольшой снег, ветер снежно кружил вок-

руг желтых фонарей и раскачивал голые черные ветки деревьев. Вкусно хрустело под ногами, и тротуар, искусственно освещенный, чудесно искрился. Мимо Кирилла, обгоняя его, смеясь, пробежали две девчонки с перекинутыми через плечо коньками. Обе тонконогие, быстрые, легкие. На Кирилла пахло чем-то забытым, навсегда, словно детство, потерянным. Он остановился, вдохнул морозный воздух.

Не думать, не вспоминать, не чувствовать. Не было, ничего не было...

Завелась бы машина. А то не успею. Не забыть позвонить Марине, когда приеду. Купить ей завтра цветы.

Но машина не подвела, завелась с ходу, и Кирилл — преуспевающий юрист, интересный мужчина, человек без воспоминаний — покати́л на встречу с клиентом, которая обещала в ближайшем будущем неплохую игру и отличный приз.

— Сначала никаких дел. Это я заявляю абсолютно категорично, — пробасил Павел Сергеевич. — Садитесь, Кирилл, устраивайтесь поудобнее — сейчас время коньяка и хороших сигар.

— Я не курю сигар, — улыбаясь, сказал Кирилл.

— Тогда прошу сигарету, — любезно предложил Павел Сергеевич.

— Да я недавно бросил, — Кирилл развел руками.

Павел Сергеевич серьезно смерил его взглядом.

— М-да, — наконец, протянул он. — Должен заметить, что вы себя совершенно не щадите. — Встал с кресла, открыл коробку, стоящую на столе, выбрав себе сигару. — Позволите? — вежливо адресовался к Кириллу.

— Конечно. — Тот снова улыбнулся. Ему нравилось наблюдать за своим клиентом — такая смесь англосаксонства и русского аристократизма. Трудно сказать, насколько напускными были манеры Сорокина: видимо, когда-то они были расчетливо отработаны, но с годами стали органичными.

— Людочка! — позвал Павел Сергеевич в открытую дверь. — Сделай нам кофе, пожалуйста. Нам предстоит важная и продолжительная беседа. Я правильно понимаю? — Он наклонился в сторону Кирилла.

— Думаю, да, — кивнул Кирилл, пригубил коньяк и открыл блокнот.

Он надеялся, что вид открытого блокнота подействует на клиента, — вот уже полчаса Кирилл пытался начать деловой разговор и встречал решительный отпор. Павел Сергеевич упорно переводил беседу на общечеловеческие темы, рассуждал о достоинствах предложенного коньяка, который действительно был великолепен, о преимуществе сигар перед сигаретами, вспоминал свою недавнюю поездку в Италию. Казалось, он истосковался по общению, и если бы не общеизвестная тяга Павла Сергеевича к светским мероприятиям, Кирилл подумал бы, что его клиента недавно выпустили из длительного заточения.

— Жаль только, что они так быстро вянут, — говорил между тем Павел Сергеевич, удобно развалясь в кресле. — Но как хороши во время цветения! Как хороши! Вам надо обязательно на это посмотреть. Вы были в Венеции?

— Нет, не довелось, — Кирилл понял, что задумался и упустил нить разговора: он никак не мог понять, о каких цветах говорит Павел Сергеевич.

— Съездите, — для убедительности Павел Сергеевич рубанул воздух, и Кирилл понял, что надо бросить все дела и срочно ехать в Венецию. По всей видимости, он и правда упустил нечто архиважное.

— Пятнадцать лет — самый smak! — Павел

Сергеевич мечтательно закатил глаза. — Если бы не Людочка, — он понизил голос, — я бы женился на итальянке.

— Ага, — сказал Кирилл. Оказывается, речь шла о женщинах.

— Вы ведь не женаты?

— Разведен, — неохотно ответил Кирилл. Он не любил говорить о своей личной жизни.

— А я, представьте, женат уже третий раз, — хохотнул Павел Сергеевич. — И это еще не предел!

— Я не спешу, — счел нужным вставить Кирилл.

— Вы еще так молоды, — вздохнул Павел Сергеевич. — Успеете хомут надеть, может, и не один, — он заговорщицки подмигнул.

Вошла Людочка с подносом, поставила перед ними кофе, чмокнула мужа и не спеша, давая возможность собой полюбоваться, вышла из кабинета, прибавив к запаху кожи, хорошего табака и дорогого одеколona аромат изысканных духов. Мужчины проводили ее взглядами.

Жена у Павла Сергеевича была хороша: лет двадцати, копна светлых волос, небрежно схваченных на затылке, стройная фигура, подчеркнутая узкими джинсами и открытой, обтягивающей упругую грудь майкой. Кирилл поймал себя на мысли, что не прочь был бы познакомиться с ней поближе, — и тут же одернул. Совсем заболтал клиент!

— Так все-таки, — сказал он подчеркнуто деловым тоном, — какой компенсации вы хотите от издательства?

— Во-первых, моральной, — к облегчению Кирилла, ответил Павел Сергеевич по существу. —

Видите ли, как-то несолидно получается. Многие знают этот фильм, знают, что в титрах указана моя фамилия, а тут выходит книга под чужим именем, написанная точно по моему сценарию, а я оказываюсь в стороне. И фильм-то ведь неплохой! Приз в Канне получил, и крутят его чуть не каждый год по ящику...

— Помимо публичного извинения, я думаю, мы вполне можем рассчитывать на возмещение ущерба.

— Деньги меня интересуют в последнюю очередь, — махнул рукой Павел Сергеевич. — Хотя, конечно, не откажусь.

— Итак, — Кирилл достал бумаги. — Я предлагаю следующий план действий...

Они проговорили еще час, уже только о деле, и Кирилл, довольный и собой, и клиентом, наконец, простился с гостеприимным домом. Он очень радовался свалившейся на него удаче: получалось, что с Роберта удастся не только слупить неплохой штраф, но и предать дело огласке. Секретарша Кирилла Настя, весьма толковая особа, сумела отыскать еще несколько нечистых дел, связанных с «Викторией». Одно из них сулило дополнительный заработок: семь лет назад издательство выпустило серию «Короли детектива», в которую вошло десять книг зарубежных авторов. На книги распространялось действие соответствующих конвенций. Однако в то время международные литературные агентства в России еще не функционировали. Поэтому книги были изданы пиратским способом — то есть без согласия авторов и без выплаты им гонораров. Более того, составитель серии тоже не получил ни гроша. Зато, по сведениям, добытым Настей, именно в тот год

под Москвой вырос первый кирпичный дом-уродец Роберта.

Благодаря Сорокину дело может стать громким, а процесс — показательным. Надо будет завтра позвонить Андрею в «Литгазету», передать материалы. Пусть готовит первую статью о том, как нехорошо обижать творческую интеллигенцию. Пусть знают, что и она за себя иногда может постоять. Жаль, что редко.

Приехав домой, Кирилл еще раз просмотрел документы. Работы предстояло много. Неплохо бы устроить пару передач на телевидении, с привлечением всех обиженных. За последние годы «Виктория» немало народу обидела. Это пусть Настя делает. Телевидение, скорей всего, Сорокин организует.

Кирилл откинулся на спинку стула. Забросил руки за голову. Похоже, дело будет звездным. Если все произойдет, как задумано.

Еще раз просмотрел запись в ежедневнике: графа завтрашнего дня была заполнена целиком. Он почесал в затылке и вписал мелким почерком: не забыть — Марина, цветы, ужин. Подумал и поставил жирный знак вопроса. Хватит ли времени на романтический ужин, он сильно сомневался.

Однако у Марины на этот счет были свои представления. Ранним звонком она разбудила Кирилла и, пока тот находился в полусонной отключке, назначила ему свидание на восемь вечера у мексиканского ресторана «Санта-Фе». Когда Кирилл пришел в себя и попытался отменить или перенести встречу, дамы сердца уже и след простыл. Он не смог поймать ее ни на ра-

боте, ни дома — вплоть до половины восьмого вечера. В семь сорок пять, скрепя сердце отпустив Настю домой, помчался к «Санта-Фе». Опоздал. Еще издали увидел Марину и обругал себя последними словами — цветы купить он все-таки забыл.

Кирилл ожидал обычных упреков, капризного настроения, жалоб на его характер и образ жизни. Но, вопреки всем прогнозам, получил Марину Ослепительную И Обаятельную. Уже через пятнадцать минут Кирилл ничуть не жалел, что вечер проведет с ней, а не с Настей и что вместо работы над документами будет поедать любимые мексиканские блюда.

Марина болтала о пустяках, мило шутила, заразительно смеялась удачным остроум, и мужчины за соседними столиками бросали на нее плотоядные взгляды. После ужина поехали к Кириллу, у него еще выпили и мирно посидели у телевизора. Однако чем ближе стрелка подбиралась к полуночи, тем больше Кирилл нервничал. Уже давно он привык на ночь оставаться один, и Марина, с которой Кирилл встречался почти год, прочно усвоила это правило. Но сегодня она вела себя совсем по-домашнему: лежала на диване, свернувшись калачиком, как сытая кошка, не требовала ни страстных поцелуев, ни клятв в любви. Как к ней подступиться, Кирилл не очень представлял, а значит, вечер грозил затянуться. С утра же чуть свет — на работу.

Кирилл сел на пол у ног Марины и погладил ее колено. К огромному удивлению, она отстранила его руку. Он попробовал еще раз — и снова получил тихий, но решительный отказ. Это было нечто новенькое.

— Что-то не так?

— Я хочу с тобой поговорить, — Марина выключила телевизор.

— О чем? — В голосе Кирилла прозвучало напряжение.

Марина, почувствовав это, мягко сползла на пол и устроилась рядом. Обвила его шею, взъерошила волосы, рука скользнула под рубашку. Легкий свитер сполз с ее плеча и оголил грудь. Кирилл сглотнул: Марина выглядела необыкновенно сексуально. Попытался ее обнять — она отстранилась снова.

— Так о чем ты хотела со мной поговорить? — Теперь его голос звучал на нужной Марине ноте.

— Мне тебя очень не хватает, — зашептала она. — Просыпаюсь каждое утро с одной мыслью: увижу ли тебя сегодня. — Руки ее тем временем растегивали Кириллу рубашку. — Я так тебя люблю...

Думая, что время разговоров закончилось, Кирилл наклонился поцеловать Марину, но она ловко увернулась.

— Я тоже тебя люблю, — машинально сказал он.

— Правда? — Ее губы скользнули по его груди. — Тогда почему бы нам не пожениться? — Руки уже расправлялись с ремнем.

— Разве так нам плохо? — Кирилл обхватил Марину и попробовал стянуть с нее свитер. Не тут-то было! Она снова выскользнула, и пальцы любовника только мимолетно прикоснулись к ее горячей коже.

— Скажи «да», — хрипло попросила Марина и обнажила красивую, затянутую в чулок ногу. — И я вся твоя.

— Может быть, — Кирилл схватил ее за лодыж-

ку и с силой притянул к себе. — Теперь ты не отвертись, — шепнул ей в ухо и навалился всем телом.

— Теперь ты не отвертись, — тихо проговорила она, но Кирилл ее уже не слышал.

Заснули они только на рассвете. Конечно, ни о каком возвращении Марины домой и речи быть не могло. Утром она проснулась раньше Кирилла, приняла душ, приготовила завтрак и только потом мягко разбудила его. Потягивая кофе, исподтишка наблюдая за Мариной Домашней, закутанной в его объемный халат, с лицом, лишенным косметики, но зато выдававшим бурно проведенную ночь, Кирилл всерьез задавался вопросом: а не попробовать ли семейную жизнь еще раз. И сам себе отвечал: может быть, может быть.

Катя достала шестой по счету наряд. Разложила его на кровати, критически осмотрела — и снова осталась недовольна. В досаде скомкала ярко-синий пиджак и бросила на пол.

— Артем! Где ты там?

— Что еще случилось? — Муж раздраженно вошел в комнату.

— Мне надеть нечего!

— Катя, перестань, — терпеливо сказал он. — Полон шкаф шмотья, — и снова собрался выйти из спальни.

— Полон шкаф дерьма! — крикнула ему в спину Катерина.

— Что ты сказала? — Он медленно повернулся.

— То и сказала, — тоном ниже проговорила Катя. — Никогда не позволяешь мне что-то самой купить. Все только по твоему вкусу. А ты хоть раз поинтересовался, что нравится мне? — Ее голос снова полез вверх.

— Вот что, жена, — Артем подошел к Кате вплотную. — Наденешь то, что есть. А если еще раз закапризничаешь, получишь от меня сполна.

— Раскомандовался, — проворчала Катя. — Я тебе что, крепостная?

— Ты мне супруга, — веско произнес Артем. — Я тебя кормлю, я тебя одеваю, и ты будешь у меня подпрыгивать столько и тогда, когда я этого захочу. Поняла?

Катя отвернулась. Артем молча дождался ее ответной реплики, не дождался и вышел. Она в слезах вернулась к шкафу.

Через полтора часа выходить, а я еще совсем не готова. Какое счастье, что этот болван сегодня уезжает. Проведу с Эдиком замечательный вечер. Катя посмотрела на дверь и злорадно показала ей нос из десяти шевелящихся пальцев. Что бы я делала без своей отдушины? Билась бы сейчас в истерике на диване. Последняя мысль примирила ее с действительностью. Она сняла с вешалки бледно-зеленое платье, достала туфли и отправилась краситься.

Через полчаса в спальню заглянул Артем. Катя стояла перед зеркалом в одних чулках и пристально себя разглядывала.

— Вот что, Катерина, — серьезно сказал он. — Не дури. Если что узнаю, пощады потом не проси.

— Ты прекрасно знаешь, — с ходу завелась Катя, — что иду я на этот вечер не по своей воле. Мне же материал делать про этот юбилей. И вся наша бригада там будет... — Все равно он мою программу не смотрит.

— Поэтому ты так вырядилась? — Он смотрел подозрительно.

— И поэтому тоже! Мне необходимо отлично выглядеть в кадре! — А если что, найду что соврать.

— Я начинаю всерьез подумывать о том, насколько нам нужна твоя работа, — процедил Артем. — Ладно, вернусь, поговорим.

Он подошел к Катерине, обнял ее одной рукой, поцеловал.

— Пока, дорогой, — мирно сказала Катерина. — Ты там не очень долго.

— Учти: если что... — Артем не договорил, еще раз поцеловал Катю и, наконец, ушел.

Она в изнеможении опустилась на кровать. Уже не первый раз муж бросал фразы насчет ее работы, и это Катю здорово пугало. Остаться без работы, которую полюбила, оказаться окончательно запертой в золотой клетке, которую начала тихо ненавидеть, — все это Катерине представлялось жуткой перспективой. И Эдик...

Надо быть предельно осторожной, в который раз напомнила себе Катя. Артем шутить не станет.

Однако пора ехать. Она натянула на себя узкое платье, подкрасила губы, снова посмотрелась в зеркало. То, что надо. Улыбнулась. Жаль, Лизка не смогла со мной пойти. Были бы на этой тусовке краше всех.

Эдик ждет у театра. Из ее команды он — единственный. Насчет съемки Катя, естественно, наврала. Никакой материал с юбилея не нужен. Просто иначе Артем никуда бы ее не пустил. А так хотелось пойти на юбилейный концерт с Эдиком — с молодым красивым парнем, не занудой и не параноиком, встретить знакомых, посмеяться, покрасоваться, в конце концов. Она постаралась вспомнить, когда последний раз выбиралась вместе с Артемом — хотя бы в ресторан, — и не смогла. Давным-давно. Мотается вечно по делам

с какими-то мутными типами и постоянной секретаршей... Кстати, надо бы все-таки поинтересоваться, как выглядит эта пресловутая Тамара.

Катя вышла из такси и огляделась. Однако народу было столько, что Эдика она заметила не сразу. Он скромно стоял в стороне и вертел во все стороны головой. Съезд был знатный: известные актеры, кинорежиссеры, телеведущие, пара политиков и даже мэр города.

«Если бы не я, черта с два мой мальчик увидел бы такое скопление знаменитостей», — довольно подумала Катя. Подпорхнула к Эдику и по-свойски взяла его под руку.

— Робеешь?

— С какой стати, — неискренне ответил Эдик и пожал плечами. — Подумаешь.

Они прошли в фойе, разделись. До начала концерта оставалось пятнадцать минут — как раз выпить по бокалу шампанского. Из круглого холла по широкой лестнице поднялись в буфет. Но там было не протолкнуться, и Катя, шепнув Эдику: «После концерта останемся на банкет для своих», потащила его за кулисы.

Она чувствовала себя как рыба в воде. Многие уже узнавали ее по передаче, и Катя втайне гордилась этим. Эдик ходил за ней, как на веревочке.

На концерт опоздали. Пришлось пробираться по залу, наступая на чужие ноги и бесконечно извиняясь. Вокруг уже хохотали. В темноте Эдик взял Катину руку и долго не выпускал, пока Катя, почувствовав, что ладонь вспотела, сама не отняла ее. Вспомнилось, как давным-давно, в другой жизни, она сидела в темном полупустом кинотеатре рядом с Кириллом и он тоже

держал ее за руку. Весь фильм. Что же мы тогда смотрели? Не помню. Что-то серьезное и грустное. Про любовь. Катя усмехнулась. Каким все казалось романтичным! А на поверку? Нет ничего. Пусто. Если любовь существует, то куда же она в таком случае девается?

Со сцены прозвучала удачная шутка, зал грохнул. Катя растерянно улыбнулась. Вот Эдик. Сидит рядом, гогочет. Время от времени смотрит на меня: смеюсь или нет. А что он, интересно, ответит, если я скажу: жить без тебя не могу, уйду от мужа и перебираюсь к тебе. К тебе! Кто тогда станет за квартиру платить? Снова добренькая Катя? Только Артем мне после развода гроша ломаного не оставит.

Катя вспомнила про сейф и вздохнула. Пока так и не удалось подобраться к нему. А надо спешить! В любую минуту Артем может что-нибудь выкинуть. Как бы так сделать, чтобы он оказался виноватым? При таком раскладе можно было бы слупить с него приличный куш...

Вокруг снова засмеялись и захолопали. Зажегся свет, народ начал подниматься.

— Здорово! — Эдик тоже встал. — Что ты там про банкет говорила?

Катя кисло улыбнулась:

— Пойдем. Выпить нам не помешает.

Они протолкались в узкую дверь и очутились в свете софитов. Кто-то все-таки снимал московский бо-монд. Официанты за стойками резво наливали спиртное. Катя и Эдик взяли по стакану джина с тоником и стали прогуливаться в бурлящей толпе.

Неожиданно кто-то окликнул Катю по имени. Неожиданно

данно, потому что голос прозвучал словно из воспоминаний. Катя обернулась с бьющимся сердцем. На нее в упор смотрел Кирилл.

— Ты? — тихо спросила она. Во рту сразу пересохло.

— Вот так встреча, — Кирилл покачал головой. — Сколько раз себе представлял. Давно, правда.

— Да? — откликнулась Катя. — Ну и как поживаешь? — Тут же обругала себя: Боже, как банально, соберись, детка, интересно, хорошо ли я выгляжу, не стерлась ли помада?

— Неплохо, — отозвался Кирилл, и только теперь бывшая жена заметила рядом с ним высокую красивую брюнетку, которая с беспокойством переводила взгляд с Кати на Кирилла и обратно. Про Эдика почему-то все забыли.

— Чем занимаешься? — поспешно продолжила спрашивать Катя. Она испугалась, что Кирилл сейчас исчезнет в многолюдье, и лихорадочно придумывала разные вопросы. На женщину, что топталась около бывшего мужа, демонстративно не обращала внимания.

— Практикую потихоньку, — ответил Кирилл. — А ты?

— Неужели не видел? — Кате стало обидно. — Хотя, конечно, куда тебе смотреть мои передачи.

— Никак, исполнилась твоя мечта? — Кирилл удивился. — Я почему-то думал, ты не работаешь.

— Вот еще! — Катя фыркнула и провела рукой по волосам. Ей захотелось, чтобы брюнетка увидела бриллиантовое кольцо на пальце. — И я, и Лизавета добились всего, чего хотели. Лизку-то помнишь?

— Помню, — кивнул Кирилл и повторил: — Лизу я помню.

— Она у нас теперь ведущий специалист по прошлым векам. Из заграницы не вылезает. Ты бы ее видел! Такая стала, — Катя покачала головой.

— Да! — спохватился Кирилл. — Познакомься. Марина.

— Катя, — она протянула руку. — А это Эдик. Мой коллега.

— Познакомьте и меня, Кирилл, со столь привлекательными дамами, — к ним подошел представительный седой мужчина. — Павел Сергеевич, — отрекомендовал он себя, не дожидаясь Кирилла. И весело изумился: — А вас я знаю. Катерина Полонская. Моя жена обожает ваши передачи.

Вот вам всем! Катя улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой. Павел Сергеевич, кем бы ты ни был, ты — душа! Она пустилась кокетничать с ним, не забывая краем глаза ловить реакцию — Кирилла, брюнетки, ну и Эдика заодно. Павел Сергеевич млея недолго. За его спиной тенью выросла Людочка и увела под ручку к небольшой группе артистов Театра эстрады.

— Мы тоже пойдем, — сказал Кирилл. — Завтра с утра на работу.

— Уже? — растерянно проговорила Катя и только тут поняла всю несообразность этой встречи.

Не Кирилл растерян и неуверен в себе. Не Кирилл ищет поддержки у постороннего человека. Не Кирилл восхищенно смотрит и с испугу не переставая болтает.

Это я, Екатерина Полонская, заискиваю перед ним и

смущаюсь. Я пытаюсь заарканить собственного бывшего мужа-неудачника.

Кирилл уже уходил.

— Кто это? — спросил у нее Эдик.

— Бывший супруг с любовницей, — зло ответила Катя. Вечер был испорчен. — Отвези меня домой.

Эдик оказал вялое сопротивление столь поспешному уходу, но спорить с дамой его сердца было трудно. Они вышли в холодный звездный вечер, и Катя еще успела заметить, как Кирилл усаживает свою Марину в машину цвета «серый металлик». Злясь на весь мир, сунула Эдику деньги на такси — не любила сама расплачиваться с шоферами — и велела поймать машину. И пока тот вскидывал руку и договаривался с водителями, неосознанно смотрела в ту сторону, куда укатил ее экс-любимый супруг.

Кирилл проснулся в страшном раздражении и спросонья долго не мог понять, в чем дело. Только когда заворочалась Марина и что-то бессмысленно-сонное простонала, Кирилл понял причину странной утренней, словно похмельной, злости.

Она снова осталась у него ночевать. И сделала это так, будто уже стала здесь хозяйкой. Не спрашивая ни о чем, не интересуясь его планами, — просто надела халат, пошла в душ и легла в постель.

В мою постель!

Кирилл вскочил, босыми ногами прошлепал в ванную, стал чистить зубы. Глаз зацепил розовую зубную щетку. Чужую. Стоящую в его стакане, как у себя дома! Кирилл выплюнул воду и присел на край ванны. Надо что-то срочно предпринимать.

И вчера... Эта глупая встреча. Накрашенная до неприличия Катя. Ее неприкрытое кокетство с Сорокиным. Этакая ее безапелляционность в поведении! И вот что интересно... Кириллу пришло в голову столь неожиданная мысль, что он встал и нервно постучал по раковине пальцами.

Ведь они похожи! Катя и Марина. Во всем. Начиная с внешности и заканчивая самоуверенной манерой делать исключительно то, что нужно им, абсолютно не задаваясь вопросом: а что же, собственно, необходимо их мужчинам.

Да что же я — полный идиот? Кретин? Слабоумный? Два раза в одну и ту же яму!

Кирилл решительным шагом вошел в комнату. Он намеревался сейчас же разбудить спящую на его кровати особу и выдворить ее со своей территории. Навсегда.

Однако вид мирно посапывающей Марины смутил его. Как бы он ни был раздражен ее вторжением, выкидывать из дома слабую, беззащитную женщину все-таки не пристало сильному мужику.

Хотя кто здесь слабый, а кто сильный, пожалуй, стоило бы разобраться, неохотно подумал Кирилл и решил для начала одеться.

Открыл шкаф и чуть не поперхнулся. Везде: на вешалках, на полках, на крючках — аккуратно висела и лежала одежда Марины.

Когда же она успела? Как умудрилась незаметно привезти сюда свои вещи? Кирилл сел на край кровати. Марина что-то пробормотала во сне и повернулась на другой бок.

Ключа я ей не давал. С сумками и чемоданами у себя дома не видел. Неужто на себе? — ахнул Кирилл. По две-три блузки, по паре трусов, сверху свитер и шерстяная кофта на пуговицах... То-то в последнее время мне все казалось, что она поправилась.

По ассоциативной прихоти в памяти всплыло еще одно разглядывание шкафа с чужими вещами. Он хрустнул пальцами. Все одно к одному! Катя и Марина. Марина и Катя. Вечные спутницы...

Да что же я, в самом деле, — хроник? Какого черта меня тянет на подобных женщин? Кирилл задумался, наморщил лоб — и вспомнил мать. Тихую, незаметную, безвольную особу.

— Фрейдист хренов, — прошептал он, поднялся и с силой захлопнул дверцу шкафа.

От резкого стука проснулась Марина.

— Ты уже встал? — Она разлепила глаза. — Я тоже встаю. — Села в постели и потерла виски. — Ты иди пока в душ, а я завтрак приготовлю.

Змея, беззлобно подумал Кирилл. Вид заспанной томной женщины, которая, ко всему прочему, ещё и заботится о его желудке, даже толком не проснувшись, тронул его. Ничего не смог ей сказать — ни окончательного, ни решительного. Ни после душа, ни после завтрака.

Скажу вечером, думал он в машине, когда подвозил Марину на работу. Искоса поглядывал на нее, прикидывая, насколько ему станет не хватать этой женщины. И как ни вертел, все время получалось, что не так уж много места занимает Марина в его жизни.

— До вечера, — она чмокнула Кирилла в щеку. — Заедешь за мной. — Не спросила — подтвердила.

— Если смогу, — сухо ответил Кирилл и подождал, когда она выйдет.

Разворачиваясь, успел заметить, что Марина с недовольным видом обиженного ребенка стояла у дверей своей конторы, пока машина не скрылась из глаз.

Оказывается, гораздо легче уходить самому, чем выгонять из дома, думал он во время всего рабочего дня. Намного проще быть брошенным, чем бросающим.

И совсем уж неприятно принимать на себя все вину за разрыв отношений.

Вечером Кирилл позвонил Марине и сказал, чтобы она ехала к себе — у него накопилось слишком много дел. Она попробовала воспротивиться его решению очевидным способом: «У тебя случайно осталась моя блузка, которая мне завтра точно понадобится», но мужчина был непреклонен.

Вечером он действительно засел за работу. Картина судебного разбирательства с «Викторией» уже почти сложилась. Получалось триумфально. В одиннадцать часов вечера Кирилл отложил документы и откинулся на спинку стула. Представил себе лицо Роберта на суде и довольно улыбнулся. Победа будет за нами!

Подумал, не позвонить ли Сорокину, но решил, что поздно. Встал, разминая мышцы, прошелся по комнате. Вспомнил, как давно не был в спортзале, и обрутал себя за лень. Посмотрел на часы и понял, что проголодался. Убеждая себя в том, что на ночь есть вредно, пошел на кухню, поставил чайник, нарезал колбасы. Сел, задумался.

Вспомнилась Катя. Что-то приятное было связано со вчерашней нелепой встречей. Что-то такое, что растягивало губы в улыбку и грело душу.

Но не моя же растоптанная семейная жизнь! Кирилл машинально поглощал бутерброд, старательно пытаясь понять, откуда исходило тепло этой случайной встречи. Молодость? Студенчество? Беззаботность? Чушь какая! Еще посидел, и уже стало казаться, что совсем чуть-чуть, и ухватит суть, но тут зазвонил телефон. Чертыхнувшись, он снял трубку.

— Здорово, Кирюха! — раздался веселый нетрезвый голос. — Как жизнь?

— Нормально, — неуверенно ответил Кирилл.

— Не узнал, что ли? — На том конце засмеялись. — Диму помнишь?

— Диму... — протянул Кирилл, надеясь, что дальше последует спасительная фамилия.

— Ну ты даешь! Венгр звонит.

— О Господи, сто лет. — Он понял, что очень обрадовался звонку бывшего приятеля. И что самое удивительное — почувствовал, что этот звонок укладывается в цепочку его размышлений о непонятно-приятном. Как-то Венгр был с этим связан.

— Я что звоню? — серьезно сказал Венгр. — Во-первых, давно не виделись.

— Это точно, — кивнул Кирилл.

— Во-вторых, есть повод, — Венгр выдержал паузу.

— Какой же?

— Пять лет со дня выпуска. В эту субботу. Грядет большая пьянка. Придешь?

— Дай подумать.

— Да что там думать! — вскинулся Венгр. — Подваливай, вспомним старые времена!

— Ладно, буду, — неожиданно легко согласился Кирилл. — Где сбор?

— Сначала на факультете, а потом в банкетном зале Дома ученых.

— Как вас в Дом ученых-то занесло?

— Калашников организовал. Он теперь в Академии наук важная шишка. Ну, так ждем! — крикнул Венгр и повесил трубку.

Кирилл подумал было, что зря пообещал, наверняка возникнут какие-нибудь дела, но тут снова зазвонил те-

лефон. Думая, что Димка забыл что-то сказать, Кирилл снял трубку со словами:

— Что там еще у тебя?

Однако незнакомый голос официально осведомился:

— Кирилл Степанович Игнатов?

— Я слушаю, — Кирилл сразу подобрался. Ясно, звонят по делу.

— Это хорошо, что ты слушаешь, сука, — прошипела трубка. — Так вот: если будешь лезть не в свое дело, останешься не только без ушей, но и без рук, без ног. Ты понял, сволочь? Не оставишь хозяина в покое — калекой станешь милостыню в переходах кланчить.

Кирилл неосознанно отстранил трубку от уха и в недоумении уставился на телефон. Он никак не мог сообразить, что нужно отвечать в таких случаях. В памяти всплывали сцены из боевиков, где действовали отчаянно храбрые и сильные парни. Он все еще смотрел на трубку, когда понял, что уже давно идут короткие гудки.

Поднялся, походил по кухне. Налил себе чаю. Обжигаясь и не замечая этого, сделал несколько глотков.

Он знал, что не уступит. Никакие телефонные звонки не заставят его бросить это дело. И еще он знал, что прозвучавшие угрозы не были пустыми. Эти ребята слов на ветер не бросают.

Кирилл снова открыл ежедневник и записал на завтрашний день: пистолет, нож, а лучше то и другое. Полистал свою телефонную книжку и напротив этой записи вывел телефон и инициалы. Кирилл знал, где можно достать оружие.

Прошло уже два часа, а толку никакого! Опять день впустую. И что? Завтра возвращается Артем, а сейф как был за семью печатями, так и остался.

Катя тяжело вздохнула, повесила картину на место и устало села за письменный стол. Она перебрала все даты, все дни рождения и все известные ей телефоны. Артем богатой фантазией не отличался, и Катя сильно надеялась, что пять заветных цифр подберет без труда. Не тут-то было. Видимо, в этом случае муж напряг все свои мыслительные способности и использовал число, непосредственно к их совместной жизни касательства не имеющее. А значит, безнадежно. Выбросить идею из головы — и забыть.

Катя привычно огляделась — все ли в порядке. Заметила на пыльном столе след своей пятерни и подумала, что неплохо бы сделать в доме уборку. Но уж очень не хочется браться за щетки и тряпки. Тем более что на вечер намечено романтическое свидание с Эдиком, и опошлять его черной работой показалось глупым. Оставив уборку на завтрашнее утро — Ар-

тем собирался приехать лишь поздно вечером, — Катя решила принять ванну.

Она очень любила эти блаженные минуты: время, посвященное себе. Массаж лица, маникюр, подбор белья и одежды. Собираясь к Эдику, Катя всякий раз тщательно продумывала, что надеть, как накраситься. Встречи с любовником она превращала иногда в целые эротические спектакли, в которых выступала и режиссером, и актрисой. Ей нравилось думать, что такой женщины, как она, у Эдика никогда не было и больше не будет. И когда они расстанутся, он навсегда сохранит ее образ в своем сердце. Катя давно считала себя роковой женщиной.

На сегодня она выбрала шелковое кружевное белье, белые чулки, строгое синее платье с отложным белоснежным воротником и — две косички. Минимум косметики. Невинная гимназистка, после уроков. Эдик будет в восторге.

Привычно поймала такси, села на заднее сиденье и скромно потупила глазки: входила в роль. Но на Тверской попали в пробку, и сидеть, уставившись на собственные коленки, стало скучно. Катя принялась глазеть по сторонам.

На город наступала весна. Последние несколько дней стояла теплая погода, и снег, пройдя через кашеобразное состояние, превратился в быстрые ручейки, по которым к стоку неся самый разнообразный мусор — спичечные коробки, пачки из-под сигарет, смятые жестяные банки, прошлогодние бурые листья. В большой затемненной арке (с одним солнечным углом) у бурного потока сидел на корточках заинтересованный малыш с веточкой в руках, на которую

был трогательно наколот крошечный бумажный парус. Затаив дыхание, ребенок спустил обреченный кораблик на воду и, приподнявшись, весь подавшись вперед, неотрывно наблюдал за ним, пока тот не погиб в водной пучине. Наступила очередь следующего маленького «Титаника». Арка с малышом — кадр из детства — проплыла мимо, машина преодолела пять метров. Красок на улицах прибавилось: женщины спешили сбросить темные надоевшие шубы и пальто. Еще совсем недолго — и Москва станет пестрой от разнообразия юбок, блузок, сарафанов, брюк и джинсов.

Не так давно по весне Катя каждый день отмечала перемены. Первые липкие листочки, желтые пятнышки мать-и-мачехи на голой черной земле, первые ростки ярко-зеленой крапивы. И воздух! Как будто на время исчезала вечная московская гарь, и казалось, что не дышишь, а пьешь свежую вкусную воздушную смесь.

Но в последние годы все как-то замельтешило. Только-только повсюду лежал снег, а уже скоро лето: и пыльно, и душно, и дышать нечем.

Перестала замечать движение дней. Снег чернеет за одно мгновение, деревья как будто ждут того момента, когда я отвернусь, чтобы быстро и незаметно выпустить свои листья. Это несправедливо. Я так всегда любила это вечное начало, словно оно обещало мне новую прекрасную жизнь, новые захватывающие приключения, новые влюбленности. Может, дело в том, что кончилось все новое и теперь в жизни меня ждет только испытанное и надоевшее?

Справа медленно тронулись машины, и Катя машинально посмотрела туда. Рядом ползли белые «жигу-

ли», и за рулем сидел парень, показавшийся Кате смутно знакомым. Где-то они уже встречались, но где? И что-то загадочное было связано с этим человеком, но что? Катя изо всех сил старалась вспомнить обстоятельства, при которых могла пересекаться с водителем белой машины — почему-то ей это показалось очень важным, — но безрезультатно.

Парень, видимо почувствовав ее взгляд, обернулся. И тут же отвел глаза. Начал поправлять кепку и совсем закрыл свое лицо.

Вот черт! Катя откинулась на спинку. Может, перемерещилось. Наверное, просто типичная мужская физиономия, вот и показалось...

Пробка кончилась. Машины рванули вперед, и мысли Кати повернули на предстоящее свидание. Надо было настроить себя на игривое состояние. И с какой стати, в конце концов, мучить себя неприятными размышлениями!

Эдик дверь открыл сразу, как будто стоял в коридоре и караулил ее приход. Она радостно бросилась ему на шею, забыв про свою роль скромницы. Помог снять плащ и, небрежно бросив его в шкаф, снова обнял Катю, прижал к стене.

— Сначала выпить дай, — прошептала Катя. — Не спеши.

Они прошли в комнату, сели за небольшой столик.

— Тебе как всегда? — спросил Эдик.

— Да, только мартини побольше. Напьюсь сегодня.

Катя забралась на диван с ногами и, пока Эдик делал напитки, осматривалась. Квартиру он, конечно, немного запустил. Вроде и видны следы уборки, но

как-то местами: здесь играем, здесь не играем. Надо бы показать мальчику, как поддерживать чистое уютное гнездышко. А то небось всю жизнь мама за ним подтирала. Покажу, а дальше пусть сам. Мне одной халупы хватит.

Катя вспомнила пыльный стол со следами своих пальцев, и ей стало не по себе. Нехорошее предчувствие кольнуло.

— Тащи сюда стакан, — поторопила она любовника. — А то сегодня у меня явный перебор непрощенных мыслей.

— Давай до дна, — Эдик чокнулся с Катей. — За нас.

— За нас, — равнодушно подтвердила она.

— А теперь, — Эдик полез к ней под платье, — теперь можно?

— Все что хочешь, — жарко зашептала Катя. — Пока я не взмолюсь о пощаде...

Они занимались любовью больше трех часов. На диване, на полу, в ванной. От белых чулков остались одни воспоминания. В те немногие моменты, когда Катя могла думать, она с неясной обреченностью представляла, как ей будет не хватать этого пылкого мальчика с его необузданными и такими восхитительными ласками. Мысли об Артеме Катя загнала вглубь. Ей казалось, что она совершенно забыла о муже и помнит только, что она о нем не помнит.

Потом они долго полулежали на полу, на диванных подушках, допивали martini и молчали. Катя потому, что не было сил говорить, да и не о чем, а Эдик потому, что готовился сказать нечто важное.

— Катя, — тихо начал он. — Ты ведь знаешь, что я люблю тебя. — Катя беззаботно кивнула. — И я знаю, что ты ко мне относишься, как к игрушке. Мне кажется, ты временами вообще забываешь, что я тоже человек.

Катя напряглась, это было что-то новенькое — Эдик поднимал голос.

— Ты это о чем? — строго спросила она.

— Ты даже не хочешь замечать моих чувств, и я, как последний дурак, подыгрываю тебе. — Он помолчал. — Мы никогда ни о чем серьезном не говорим. Никогда не обсуждаем наше — наше! — будущее. Как будто его не существует. Живем только этими ворованными урывками.

Катя отстранилась, села, пристально посмотрела на Эдика. Он сразу осекся.

— Я не собираюсь портить вечер выяснением отношений, — резко сказала она.

— Никто и не выясняет отношения, — мягко возразил Эдик. — Нельзя выяснять то, чего нет.

Встал, налил себе чистого martini и залпом выпил.

— Ты просто пьян, — объяснила Катя этот непонятный всплеск чувств. — Вот и чудится непонятно что.

— Пусть, — он горестно посмотрел на Катю. — Пусть.

Она встала:

— А сейчас я поеду. Поздно.

Прошла в ванную, быстро привела себя в порядок, с удовольствием посмотрелась в зеркало. Мысль, что из-за нее страдает еще один мужчина, не удивила и

не расстроила ее. Так уж заведено в этом мире. Каждому свое.

Поцеловав Эдика на прощание, Катя, не обремененная переживаниями по его поводу, вышла на улицу. Почти сразу подвернулась машина, и она, договорившись с шофером, устроилась, как обычно, на заднем сиденье.

Ей было хорошо. Тело отдыхало, в голове, наконец, не билось ни одной мысли. Практически всю дорогу Катя просидела с закрытыми глазами и потому не могла видеть, как за ней от дома Эдика до ее подъезда неотступно следовали белые «жигули».

Кирилл собирался на встречу выпускников без особой охоты. До последней минуты втайне надеялся на какой-нибудь крайне важный звонок, на который можно было бы сослаться и без зазрения совести никуда не ходить. Тем не менее с самого утра назначенного дня убеждал себя, что не прав, что все проклятая лень, что наверняка там будет здорово, опять же интересно увидеть, кто кем стал, кто изменился, а кто нет. И вообще идти надо, говорил себе Кирилл, но кому надо и почему надо, ответить бы не смог.

Придя на факультет, сразу пожалел, что пришел. Стоял общий гвалт, бывшие сокурсники целовались, обнимались, хлопали друг друга по плечу. И такой фальшью несло от радостных восклицаний: как я рад тебя видеть! — что Кириллу становилось неловко. Он совсем было собрался домой.

Но тут появился Венгр, немного нетрезвый, немного небритый, и так обрадовался Кириллу, что у того просто язык не повернулся сказать, что уходит.

Поехали в Дом ученых. Народу собралось человек около пятидесяти, все одновременно галдели, смеялись

немудреным шуткам. Отвечая на самый популярный вопрос вечера: ну а ты где? — почти все чуть-чуть привирали.

Мест за столиками оказалось намного меньше, чем людей. Тут же было решено, что девушки примостятся на коленях мужчин. Началась веселая суматоха — кто с кем, — в результате которой Кирилу досталась полная и несимпатичная Галя, в прошлом староста их курса.

Он все продолжал твердить себе: как здорово, что я приехал на это сборище. Но бестолковость вечера, студенческий задор, из которого Кирилл успел за эти пять лет вырасти, как из коротких штанишек, исподволь раздражали его. Поискал глазами Венгра, увидел, что он и двое ребят договариваются о чем-то с официантами, и вспомнил, что пока не отдал денег за юбилейный банкет. Раздраженно вспыхнула мысль: еще и платить за это сомнительное удовольствие.

Подошел радостный Венгр. Устроился на половине стула, разделив его с Калашниковым, и сразу включился в застольное пустословие. Общих тем, кроме совместной учебы, не было. Поэтому разговор сводился к тем пяти годам, которые когда-то объединяли всех этих разных людей. Вспоминали экзамены, зачеты, некоторых преподавателей, выезды на картошку, веселые сборища и забавные хохмы.

Столы постепенно запестрели. Официанты разносили еду, как по волшебству появлялись бутылки — и сразу опустошались. Пили в основном водку. Вскоре началось хождение от стола к столу с тостами за прекрасных дам и светлое будущее. Когда зазвучала му-

зыка, за столиками стало просторнее — начались танцы.

Кирилл угрюмо ел котлету по-киевски и делал вид, что пьет. На самом деле в рюмке его была вода: он никогда не пил за рулем. Сейчас он отчаянно ругал себя за то, что поехал на собственной машине. Конечно, нужно было взять такси. А теперь из-за своей же тупости вынужден, как последний трезвый идиот, наблюдать вполне безобидную пьянку!.. Никогда не думал, что подвыпившая компания кажется трезвеннику до такой степени непривлекательной.

По сторонам старался не смотреть, в разговоры не вслушиваться. Поем немного и уйду. Никто не заметит. Димке все потом объясню, если мое бегство вдруг как-то обидит его.

— Чего не танцуешь, старый хрыч? — Венгр тяжело упал на стул рядом с Кириллом.

С его лба стекал пот, глаза словно кто заштриховал. Он размашистым движением поставил перед собой рюмку и попытался налить водки. Большая ее часть пролилась на стол. На Венгра зашумели, но он только отмахнулся.

— Ты что такой мрачный, Кирюха? — Венгр обнял приятеля за плечи.

Кирилл попробовал отодвинуться, но было некуда. К столу стекался народ — в музыке некстати образовалась брешь, — и чтобы зря не терять времени, решили немедленно выпить.

— Все нормально. Голова немного болит.

— Это легко лечится, — Венгр щедро плеснул ему водки в стакан. — Давай махнем за нас с тобой, — сказал тихо и вдруг перекрыл гул голосов

громким выкриком: — Эй, предлагаю тост! — Головы повернулись в его сторону. Венгр, пошатываясь, встал. — За нас с Кирюхой. Мы с тобой, брат, видишь ли, одной крови, — сказал он вновь нормальным голосом, обращаясь к Кириллу.

— Ты о чем это? — усмехнулся Кирилл.

— А то ты не знаешь! — Венгр все продолжал возвышаться над столом, невольно привлекая внимание к своей длинной нескладной фигуре. — Жили-были две сестры, — нараспев начал он, сам себе дирижируя. Водка полилась из рюмки прямо на голову сидящей Гале. Та нервно взвизгнула, но Венгр не обратил на нее никакого внимания. — Две девственницы-красавицы...

— Сядь, — гаркнул Кирилл, схватил Димку за свитер и с силой дернул вниз. Но тот устоял, поднял руку вверх.

— Дальше-то чего? — завосклицали любопытные. — Не тяни!

— А дальше мы с Кирюхой по-товарищески разделили сестер поровну, и, — он сделал паузу, — пролилась, товарищи, кровь.

Тут же кто-то подхватил:

— Безвинно убиенных плев!

— Врешь! — вдруг закричал Кирилл. Он на мгновение представил себе Лизу в руках Венгра и оцепенел. Странно, но за нее Кирилл готов был сейчас перегрызть горло своему старому приятелю. Чистая, непорочная Лиза... Слова Венгра, его циничное хвастовство, с которым он словно выплевывал воспоминание о девушке, мстя неизвестно за что, больно жгли Кирилла.

— Почему это я вру? — взвился Венгр. — Я, между прочим, доказать могу, что трахался с ней. У нее, знаешь, вот здесь, на правом бедре... — Венгр повернулся боком к столу, чтобы было удобнее продемонстрировать всем желающим, что же находится на правом бедре у Лизы, но досказать не успел.

Кирилл свалил его ударом в живот. Раздался звон стекла и женский визг. Несколько рук тут же схватили драчуна, но он, с ожесточением вырвавшись, вмазал что есть силы кулаком во что-то мягкое. Жаркая волна ярости залила его.

Дальнейшее он помнил плохо. Кажется, кричал что-то старомодное о чести и подлости и влепил ни в чем не повинному Юрке Градобоеву прямо в челюсть, за что немедленно получил в ответ пару тычков. Что еще? Кровь из носа и запачканная красным рубашка. Как оказался на улице, припомнить не смог.

Недолго постояв у ограды Дома ученых, Кирилл свернул в узкий переулок. Заметил у детского садика, недалеко от памятника Мухиной, небольшую скамейку, подошел к ней и сел. Вокруг не было ни души. Прохладный воздух приятно овеивал голову. Пахло дождем и зеленью. Кирилл постепенно остывал, успокаивался, старался не думать о происшедшем, не вспоминать — только бы не вспоминать! — грязных слов...

Он запрокинул лицо и стал смотреть в сплошь черное, без облаков, небо. Мерцающие далекие звезды казались бесконечно недоступными и мертвыми, словно блестящие пятаки на глазах покойника.

Лиза, Лиза, как же она могла с этим подонком... Почему невозможно даже вообразить? Хотя ведь так просто! Действительно, она же с ним встречалась. Точ-

но! И кто думал, что он окажется сволочью? Мы же друзья были. Как давно. Боже мой, как давно! Все виделось в ином свете, словно жили тогда другие люди.

Не я. Совсем другой человек любил Катю, страдал по ней, плакал — стыдно вспомнить. За что? Почему? Зачем я должен был пройти по этой дороге? Чтобы понять? Что?

В небе что-то сдвинулось. Словно кто дунул, и прошла легкая облачная рябь. Звезды на миг погасли и снова засияли. Ветер мягко прошелестел юными листочками, принес с собой запах лопнувших почек. Из разрозненных звезд сложилось созвездие.

Почему я никогда не замечал раньше? Даже не давал себе труда задуматься. Ведь она всегда была рядом. Ее тонкое лицо, глубокие глаза. Взгляд... Ее взгляд, такой понимающий и сочувствующий, словно она уже тогда все знала. Как я мог не видеть этого раньше? Бросился как одержимый на яркое, однодневное и не заметил около себя подлинного. Прошляпил нечто стоящее. Навсегда. Теперь навсегда ушло и никогда не вернуть.

Ветер взмахнул веткой, прочертил на желтом от фонаря асфальте быструю замысловатую фигуру. Мимо по дороге с тихим шумом проехал автомобиль, где-то во дворе, в старом доме, хлопнула дверь. Снова стало тихо.

Интересно, насколько она изменилась. «Такая стала...» Какая? Помнит ли меня? Вряд ли. Кто я ей? Неудачный бывший муж родной сестры? Слепой надутый болван?

Лиза, Лиза. От твоего имени веет медом и безоб-

лачным детством. Верностью и надежностью. Разбитыми коленками и чистым смехом. Куда все уходит? В какую черную дыру? Куда деваемся мы прошедших лет? И где та грань, за которой начинается наше новое «я»?

Кирилл встал, постоял недолго, подставив лицо новому порыву непостоянного ветра. Теперь, когда все кусочки мозаики сложились в ясную яркую картину, он ощущал не только запоздалую боль потери, не только бессильную горечь оттого, что так поздно понял ценность утраты, но и светлую спокойную печаль, которая появляется в те редкие мгновения, когда принимаешь предначертанное и не боишься смерти.

С самого утра у Лизы было праздничное настроение. Непонятно с чего проснулась с ощущением легкости и подъема. Что было весьма кстати — дел намечалось на сегодня огромное количество. Обстоятельно позавтракала, как делала теперь всегда, и вовсе не из педантизма, — пообедать удавалось не каждый день. Затем тщательно выбрала костюм — элегантный серый в мелкую полоску (нити затяжного дождя) и к нему шелковый платок. Подкрасилась.

Если бы лет шесть назад кто-то сказал Лизе, что она станет получать удовольствие от таких простых житейских вещей, как, например, одежда, или удачно подобранный макияж, или туфли, на которых цвет отделки в точности соответствует цвету манжет, она бы долго с недоверием смеялась. Но сейчас, глядя на себя в зеркало, Лиза видела стильную интересную женщину и слегка недоумевала, почему же раньше она так мало уделяла внимания своей внешности. Может, тогда и жизнь сложилась бы по-другому, может, и не пришлось бы сейчас одной наслаждаться уютом небольшой квартирки, обставленной с безусловным вкусом. Может быть, может быть...

Лиза улыбнулась своему отражению, которому иногда приходили в голову такие детские мысли: а вот если бы... Жить в сослагательном наклонении, к сожалению, не получается. Есть одна-единственная жизнь — и ее не переиграешь.

Она уже выходила, когда ее остановил телефон. Сказав несколько раз «Алло» и «Я вас слушаю», но не дождавшись ответа, Лиза положила трубку. Недолго подождала нового звонка на тот случай, если кто-то не прозвонился. Но телефон молчал, и она быстрым шагом направилась к двери: дела торопили.

Две лекции в университете, консультации на «Мосфильме», встреча с редактором в издательстве, не забыть спросить про договор с «Random House», вечером ужин с Андреем. Забавно, как органично он вписывается в деловой список. Надо бы включить в повестку дня еще один пункт: напомнить самой себе, что я все еще женщина.

Странно, чем больше внимания оказывали ей мужчины, тем меньше ей хотелось отношений с ними. Упрямство? Предвзятость? Ни один не отвечал ее требованиям, и Лиза порой говорила себе, что все ее неудачи в личной жизни проистекают от завышенных требований к избраннику. Вернее, к претенденту на это почетное звание: экзамена пока не выдержал ни один из них. Пожалуй, Андрей держится дольше других. И то, наверное, потому, что ничего не требует от Лизы: ни страстной любви, ни клятв, ни пустых обещаний. То ли терпеливо выжидает в засаде, то ли ему действительно ничего от нее не надо, кроме дружеских поцелуев и платонических объятий.

Разговор в издательстве затянулся. Лиза никак не

хотела соглашаться с предложенной правкой пятой главы, но и редактор, Тамара Костина, стояла намертво. Пока искали компромисс, прошло два часа. Измученные борьбой со словами и друг с другом, и Лиза и Тамара решили устроить перерыв и выпить кофе. К кофе нашелся ликер, на запах подтянулись еще несколько человек, посыпались шутки, анекдоты, и напряжение ушло. Лиза дала согласие на частичное исправление второй половины главы, Тамара обещала не трогать первую ее часть. Кстати подошел юрист издательства, и Лиза вспомнила о «Random House».

— Алексей Григорьевич, хотела с вами посоветоваться.

— Я весь внимание, Елизавета Никитична. — Он поправил очки и поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее и как бы настраиваясь на долгую беседу.

— Видите ли, одно зарубежное издательство заинтересовалось написанной мною биографией княжны Таракановой. Предлагают на первый взгляд выгодный контракт, однако, как вы понимаете, я не очень разбираюсь в юридических тонкостях...

— Контракт у вас с собой? — Алексей Григорьевич потер руки и положил ногу на ногу. Разговаривая, он никогда не сидел спокойно: приглаживал волосы, дергал ногой, стучал пальцами по столу. Нового человека это неизменно настораживало или раздражало, но Лиза привыкла к его манере и не обращала внимания.

— Да, вот, — она достала из сумки бумаги.

Алексей Григорьевич быстро, профессионально наморщив лоб и не забывая отстукивать такт какой-то песенки, которую мурлыкал себе под нос, проглядел договор.

— Еще не подписывали?

— Нет. Но агент торопит.

— Не спешите. Вот здесь, — он ткнул пальцем в пункт о потиражных, — явная неувязка.

— Я так и знала, — с чувством сказала Лиза.

— Что же нам делать, — задумчиво проговорил Алексей Григорьевич, смял салфетку и принялся задумчиво рвать ее на мелкие кусочки. — Я с завтрашнего дня в отпуске. Уезжаю на дачу, — доверительно сообщил он Лизе. — А вам необходим специалист. — Он подумал. — Вот что. Я вам дам телефон одного человека, можете полностью ему доверять. Скажете, что от меня.

Он проворно поднялся и исчез за дверью. Лиза растерянно допила ликер, посмотрела на часы и ахнула: уже десять минут, как она должна была быть на площади Маяковского. Быстро побросав бумаги в сумку, накинув плащ и наспех со всеми попрощавшись, она выскочила из кабинета и налетела на Алексея Григорьевича, который поспешил отдать ей клочок бумажки с телефоном и именем. На ходу поблагодарив и не глядя сунув бумажку в сумку, Лиза понеслась на свидание.

Конечно, она опоздала, и Андрей, который привык к ее пунктуальности, уже строил самые мрачные предположения. Но вид запыхавшейся виноватой Лизы развеял его. В серьезной деловой женщине вдруг проглянула озорная лохматая девчонка, и Андрей постарался запомнить этот образ. С недавних пор он начал коллекционировать ее преображения. Было их не так много, Лиза неизменно держала себя в руках, но тем интереснее было наблюдать, как в сдержанной Елизавете Никитичне вдруг прорываются самые неожиданные прояв-

ления характера. Это странное увлечение началось с одной сцены, которую Андрею довелось наблюдать полгода назад.

Было это в Петербурге, во время научной конференции. Один из почтенных мужей, выступая с докладом от своего имени, был уличен Лизой в воровстве: по прихотливому стечению обстоятельств именно этот доклад, слово в слово, был представлен Лизе ее аспирантом год назад. Однако парню предложили выгодную работу за границей, и он, бросив аспирантуру, укатил в Австрию. Она тогда сильно расстраивалась, тема была интересной и, как считала Лиза, несправедливо и безвременно окончила свое существование в университетском архиве. И надо же, такое неожиданное воскрешение. Ей тогда настоятельно посоветовали не лезть в это дело, но она уже закусила удила. Кончилось тем, что, выйдя к трибуне и так стукнув по ней кулаком, что упал на пол и разбился у ее ног, забрызгав туфли, стакан с водой, Лиза потребовала от докладчика признания в совершенной непорядочности.

С Андреем она встречалась уже полтора года, они вместе обедали, ужинали, и он упорно готовил почву для совместного завтрака. Андрей прекрасно понимал, что Лиза — женщина непростая и добиться ее расположения трудно, но усилия — он был в этом уверен — окупятся с лихвой. На сегодняшний вечер он возлагал особые надежды.

— Ты как всегда? — спросила Лиза, когда они развернули меню. — Бараньи ребрышки и море пива?

— Ты бесконечно проницательна, — улыбнулся Андрей.

— В данном случае это совсем нетрудно, — Лиза

вернула ему улыбку. — Насколько я помню, это блюдо ты предпочитаешь всем остальным.

— Я довольно однообразен в пристрастиях, — согласился он и выразительно взглянул на Лизу. Однако та тут же отвела глаза.

— Я, пожалуй, попробую цыпленка с ананасом.

— Вино?

— Красное.

Андрей сделал заказ и завел разговор о последней выставке импрессионистов: он знал, что его спутница любит живопись. Главное, ради чего он встречался сегодня с ней, решил оставить на десерт.

Однако чем дальше продвигался ужин, тем более волновался Андрей. Он начал перескакивать с темы на тему, внезапно замолкая и отвечая невпопад. Лиза, несколько раз бросавшая на него недоуменные взгляды, наконец, спросила:

— Что-то не так, Андрей? Ты как будто в ста милях от этого места.

— Да? — Он рассеянно теребил край салфетки. — Нет, гораздо ближе, — ответил, спохватившись, и ответ прозвучал чересчур весомо для праздного вопроса.

— В чем все-таки дело?

— Дело вот в чем, — Андрей решился. Быстро сунул руку в карман пиджака и ловко, как сноровистый рыбак, выудил небольшой пакетик. — Ты только не путайся, — поспешно сказал он, видя, как напряглась Лиза. — Это так, небольшой сувенир. В знак нашей дружбы. Без всякой задней мысли.

Лиза облегченно выдохнула, а Андрей мысленно обругал себя. Он так боялся отказа, что уже несколько

месяцев откладывал объяснение. Решил все сказать сегодня — и что?

«Без всякой задней мысли, болван!»

Дама сердца тем временем вынула изящное колечко с опалом. Вопросительно взглянула на Андрея, улыбаясь.

— Что это ты вдруг?

— Вот что, Лиза, — Андрей почувствовал, как входит в холодную воду. — Я давно хотел тебе сказать, да все никак не решался. — Нет, вода, пожалуй, была ледяной. — Я давно люблю тебя. И хочу предложить, как говорится, руку и сердце. Нет-нет, — поспешно добавил он, видя протест на лице Лизы. — Ничего сейчас не говори. Подумай, взвесь. Я ни о чем не прошу. Ни в коем случае не тороплю. Ответишь мне, когда сочтешь нужным. — Он выдохнул. — Все.

— Андрей... — грустно начала Лиза, но он перебил ее.

— Что ты там говорила про десерт? И, как обычно, кофе?

Она молча кивнула. Андрей стал шутить, показал детский фокус с бумажной салфеткой и чайной ложкой, вспомнил забавный случай из последней командировки в Лондон, куда они ездили вместе. Втянул Лизу в водоворот необязательной болтовни. За разговором она как-то забыла о его предложении, и только когда он проводил ее до дома, и они стояли у дверей подъезда, и Андрей просительно смотрел на нее, — только тогда она вдруг все вспомнила и ощутила жгучую неловкость и печаль.

Лиза молча покачала головой. Андрей пожал плечами и выдавил улыбку. Развернулся и, зябко поводя

плечами, исчез за углом дома. Все это время она смотрела Андрею вслед и боролась с желанием окликнуть его. Но мысль, что позовет она его исключительно из жалости, хоть и возвращенной на симпатии к этому человеку, все-таки остановила.

Ей стало легче, когда он скрылся из глаз. Словно сбросила ношу. Она посмотрела по сторонам с неясным ощущением, что на нее смотрит кто-то чужой. Но ничего странного не заметила и спокойно вошла в подъезд.

Кирилл, следивший за Лизой из-за дерева, с облегчением вздохнул. Он очень боялся, что она пригласит в дом провожавшего ее мужчину. И еще его пугало чувство, что он не сможет совладать с собой и бросится, как кретин, между ними. Показался бы перед Лизой во всей своей неземной красоте.

Он подождал, пока она скроется за дверью, и не спеша направился к своей машине. Кирилл в отличие от Лизы совершенно не почувствовал, что и за ним кто-то наблюдает. И когда темный «БМВ» с погашенными фарами вылетел из-за угла и на большой скорости помчался прямо на него, Кирилл лишь чудом сумел увернуться.

Бормоча проклятия в адрес полоумных водителей, он благополучно добрался до своего «опеля» и осторожно поехал домой. Теперь, когда в его жизни появился смысл, он стал бояться коварных и подлых неожиданностей.

Голова раскалывалась. Катя осторожно встала, стараясь делать как можно меньше движений. Прошаркала в ванную, глядя в пол и не посмотрев против обыкновения в зеркало. Но когда чистила зубы, машинально подняла голову и уперлась в свое отражение.

— Сволочь, урод, — она бессильно застонала.

Синяк под глазом хоть и утратил страшный синюшный оттенок, но все еще выглядел омерзительно. Неделя как минимум прочного сидения дома. Гад.

Кое-как умылась и, преодолевая головную боль, заставила себя проглотить кофе. Потом снова легла в постель. Ни вставать, ни что-либо делать у нее не было никакого желания. Хотелось провести в мягкой кровати вечность, задремать, уснуть и уж больше не просыпаться. Что угодно, лишь бы не видеть этого ублюдка, эту чертову мерзкую физиономию.

Катя прикрыла глаза, и перед ней снова возникла отвратительная сцена скандала. Она перевернулась на другой бок и с тоской подумала, что отныне не сможет изжить из памяти ни одну подробность этого «милого» разбирательства.

И ведь из-за какого пустяка!

«Катя, ну-ка поди сюда». Словно собачку позвал. Я сразу взвилась. А не надо было лезть на рожон, надо было сначала выяснить, что ему от меня понадобилось.

«Что это ты делала за моим столом?» И как я могла забыть про этот пыльный след? И зачем сразу скисла, полезла оправдываться! Как будто мгновенно признала свою вину. А ему только дай повод — сразу вцепится. Садист проклятый.

«Я тебе сколько раз говорил! Не лезь! Не твое дело!» Если бы он не заломил мне руку, я бы, наверное, сумела отшутиться. Но было так больно, что я не смогла не дать ему сдачи. Здорово ударила по икре, он аж взвизгнул. И понеслось.

В конце концов Артем влепил Кате так, что она отлетела к дальней стене. Сползла на пол, закрыла глаза. Только тут он испугался. Подлетел к ней, начал говорить что-то извинительное. Но Кате уже было все равно. Она зло взглянула на него, прошептала отчетливо: «Ненавижу» и снова закрыла глаза.

Он взял ее на руки, отнес в спальню. Засуетился.

Теперь она с ним не разговаривает, сидит дома и пьет водку. Вчера к его приходу нализалась так, что даже сказала ему пару слов, хотя и не собиралась прерывать бойкота. Сегодня зато голова трещит, как армейский барабан во время парада. Она посмотрела на часы и поморщилась: шесть вечера. Бесцельный туманно-апатичный день в постели.

Резко и противно зазвонил телефон. Катя свернулась калачиком и накрылась одеялом с головой. После пятого звонка включился автоответчик.

— Катенька, возьми трубку.

Артем! Она заткнула уши. Прележала без движения минуты три. Высунула нос.

— Я буду звонить, пока ты не ответишь, — спокойный уверенный голос.

— Пошел к черту, подонок! — закричала Катя телефону, запустила в него подушкой, промазала, чертыхнулась и снова зарылась в одеяло. Правда, уши затыкать не стала и потому слышала, как Артем сказал:

— Я устал от этой ссоры. Прости меня. Через час буду дома, и мы сходим куда-нибудь поужинаем, — и отключился.

— Куда это, интересно, я пойду с такой рожей! — отчаянно прокричала Катя и, ткнувшись носом в простыню, зарыдала.

Навзрыд, всхлипывая совсем по-детски. Как не плакала уже очень давно. Со слезами словно вытекла вся злость, вся энергия. Когда Артем вошел в спальню, Катя с опухшим лицом лежала без движения, опустошенная и измученная.

Он молча обнял ее, беспрерывно шепча: «Прости меня, пожалуйста», и баюкая, как ребенка. Она по-прежнему не говорила ни слова, но молчание уже не было враждебным. Артем, почувствовав это, достал сразу несколько небольших свертков.

— Смотри, что я тебе принес, — говорил он, шелестя бумагой. — Это тебе темные очки. Помнишь, ты такие хотела? А это браслет, сапфиры и небольшие бриллианты. Вот это новые часы...

Он ссыпал подарки около нее небольшой горкой. Катя апатично смотрела на желанные когда-то вещи и равнодушно удивлялась, куда же девалась радость от новых цацек. Ей было все равно: сапфиры, бриллианты,

изумруды. Браслетом больше, браслетом меньше — какая разница!

Артем взял ее безжизненную руку и надел браслет на тонкую кисть. Полюбовался.

— Смотри, как красиво, — сказал он Кате, пытаясь навязать ей свой восторг. — Давай, детка, собирайся. Сходи в ванную, умойся как следует. Поедем проветримся.

Он похлопал ее по плечу и, все еще не решаясь поцеловать, вышел из комнаты. Катя сомнамбулически встала, прошла в ванную, долго плескала себе в лицо холодной водой. Когда вернулась в спальню, на покрывале был разложен терракотовый, ее любимый, костюм. Она все так же автоматически, двигаясь как заведенная кукла, оделась, накрутилась, нацепила на нос темные очки, словно издалека отметила, что выглядит совсем неплохо, и вышла в холл.

Артем при ее появлении вскочил:

— Машина уже ждет. Пойдем.

Он повез ее в дорогой полузакрытый ресторан, который последние несколько лет упорно создавал себе репутацию элитарного московского клуба.

Это было странное место. Сначала посетители оказывались в жутковатом заброшенном подъезде. Стекла в нем были до черноты покрыты сажей и копотью, обычной для центра Москвы; по углам темно громоздились непонятного предназначения металлические конструкции; все время казалось, что по углам шуршат мыши или, того хуже, крысы. Катя долго не могла понять, почему никто никогда не убирает этот страшный подъезд, пока однажды воображение не нарисовало ей занятную гангстерскую картину: выскочившие из ресто-

рана охранники, в том числе и люди Артема, опрокидывают железяку, напоминающую остов трансформаторной будки, и из-за нее отчаянно отстреливаются от неизвестного противника. Ее и смешило, и приятно грело сознание того, что и она принадлежит к этому избранному кругу. Из подъезда вниз вели ступеньки, и нищета старого дома оставалась за массивной дверью, которую услужливо придерживал швейцар.

Еще совсем недавно Катя очень любила бывать здесь. Все ей казалось шикарным, начиная с предбанника, в котором тихо кормились телохранители завсегдаев. Но сегодня было иначе. Сегодня она видела словно сквозь внешнюю оболочку. Если раньше просто забавляло показное барство, демонстрация богатства, власти, возможности купить практически все — от любви до собачьей преданности, — то теперь это ей претило. Мысль, что и она куплена за деньги, что представляет собой всего лишь дорогую вещь, которую и берегут соответственно цене, что ничем не лучше присутствующих здесь, окунала Катю в черный грязный омут.

Они привычно сели за свой столик, Артем сделал заказ. Осмотрелись. Рядом гуляли чины из городского правительства. Чуть дальше явно телевизионная компания праздновала свадьбу. Катя знала нескольких человек и издаലെка кивнула им с кислой миной.

Появилась закуска. Артем, любитель традиций, заказал «селедочку», «грибочки», «картошечку», «икорочку» под незаменимую «водочку» в хрустальном «графинчике» (к продуктам питания здесь относились ласкательно-уважительно). Официант с круглой гладкой физиономией, панибратски склоняясь, снисходительно расхвали-

вал фирменное блюдо, и Катя поймала себя на том, что сегодня все время хочет назвать его половым.

Почему никогда раньше я не замечала этой странной вежливости, больше напоминающей хамство? Даже нравилось — такие особенности местного этикета! А ведь если бы кто-нибудь заговорил со мной таким тоном вне стен этого заведения, я бы врезала ему по роже, не задумываясь!

У свадебного стола приглашенные цыгане заладили «Семь сорок», кто-то истошно закричал «горько!». Катя невольно скривилась, отвернулась, наткнулась на вопросительный взгляд Артема, выдала ему постную улыбочку.

Выглядела она послушной, присмиревшей, и Артем довольно полагал, что недоразумение ушло в прошлое. Начал рассказывать ей о последней поездке в Нью-Йорк: как их встречали, чем угощали в ресторане на Брайтоне, напоминавшем кабак на Казанском вокзале, как водили в местные бани с гейшами, на поверку оказавшимися банальными казашками. Катя слушала с рассеянной улыбкой, и Артем, обрадованный ее обманчивым одобрением, стал хвастать тем, что на целый день купил своего школьного друга, проживающего теперь в Америке, и тот за двойную плату возил его по Нью-Йорку на лимузине и, как самый настоящий лакей, открывал и закрывал за ним дверцу машины.

— Под козырек не брал? — ядовито осведомилась Катя, но муж, увлеченный приятными воспоминаниями, сарказма не заметил.

— Нет, — покачал он головой. — Об этом не подумал. Жаль.

— Тебе как будто доставляет удовольствие унижать людей, — она задумчиво теребила салфетку.

Он пожал плечами.

— Просто, знаешь, — он замялся, — приятно было, что я могу именно его, своего школьного друга, на целый день...

— Причем только тех, — она словно не слышала его слов, — которые не могут тебе ответить.

Катя с интересом посмотрела на Артема. У них, у этих сильных мира сего, вдобавок ко всему, еще и масса комплексов. Да они несчастные люди! Постоянно вынуждены доказывать, что они самые крутые...

— Ты не знаешь, через что я прошел, — сказал муж с мрачной гордостью. — Как ползал на карачках, как дерьмо хавал, как трудно поднимался и как меня снова сталкивали вниз. Но я все равно встал на ноги. Я сам сделал себя тем, кто я теперь есть. И я никогда не сдавался. Никогда! — Он ткнул пальцем в ее сторону. — Даже когда жрать было нечего и дружки поджидали на улице, чтобы поучить меня жизни. Зато сейчас у меня есть все, — он откинулся на спинку стула с самодовольной миной. — Но день, когда я заработал свои первые сто баксов, буду помнить всегда, — он сделал многозначительную паузу и затем отчетливо произнес: — Семнадцатое апреля тысяча девятьсот семьдесят шестого года. Так-то.

Катя рассеянно улыбнулась, кивнула. Выпила вина. Она производила впечатление человека, утомленного проведенным днем. Лениво переставляла руки, с томной грациозностью резала мясо и маленькими кусочками отправляла его в рот, задумчиво жевала, немного наклонив голову вправо. Ничто не говорило о том, что она не только внимательно слушает своего супруга, но и запоминает каждое его слово.

Пришла очередь кофе и десерт. Катя поковыряла ложкой мороженое. Артем крикнул официанту, чтобы тот принес коньяк. Когда перед ними появились пузатые рюмки с янтарной жидкостью, снова серьезно заговорил.

— Катерина, — сказал он. — Давай махнем за нас с тобой. Чтобы не было больше ссор. Если, конечно, ты чего не выкинешь, — все же решил нужным добавить он.

Катя молча пригубила коньяк, Артем выпил залпом, как водку.

— Теперь домой.

Он расплатился, не посмотрев в счет и как всегда бросив на стол щедрые чаевые, встал. Дождаться, когда Катя закончит десерт, по обыкновению, не стал и, не оглядываясь, пошел к выходу. Она спокойно поднялась и направилась за ним следом. Раньше бесконечно раздражала его манера, сегодня же вечером ей было наплевать и на это.

Дома Артем долго раздумывать не стал. Он несправедливо считал, что отношения с женщинами проще всего улаживать в постели. Необычная смиренность обычно своенравной жены умиляла и возбуждала его. Это давало ему ощущение власти и победы. У Артема даже промелькнула в голове странная ассоциация — он подумал, что так должен чувствовать мужчина, который только что объездил горячую лошадь. И странное послушание Кати несколько не насторожило его, скорее обрадовало.

Кончив, он не пошел в ванную. Ссылаясь на усталость, накрылся одеялом и скоро заснул. Катя, напротив, тщательно вымылась. Выйдя из ванной, долго стояла,

смотрела на спящего мужа, испытывая редкое и пугающее умиротворение.

Убедившись, что Артем спит крепко, она спокойно прошла в его кабинет, сняла со стены картину и хладнокровно набрала число: 17486. Дверца тихо открылась. Взяв несколько толстых пачек, Катя аккуратно закрыла сейф, повесила картину обратно, осмотрелась. Все было в порядке — на этот раз никаких следов.

Она вернулась в спальню и спрятала деньги в комод, в своем белье. Пускай до завтра полежат здесь, а там видно будет.

Артем громко всхрапнул, заворочался. Катя обернулась и долго пристально смотрела на его нелюбимое лицо, с холодной бездушной ясностью принимая тот факт, что этой ночью она спокойно могла бы убить человека.

Лиза молча наблюдала, как Катя с излишней небрежностью достает из сумочки сверток — самый обычный, в газетной бумаге, туго перехваченный резинками.

— Вот это, — Катя положила сверток на стол. — На несколько дней.

— Мне, конечно, не стоит спрашивать, что там, — сказала Лиза и взвесила сверток на ладони. — Не тяжелый.

— Потом, потом все объясню, — гостья встала. — Очень выручишь, если спрячешь это на время.

— Хочется верить, — Лиза тоже поднялась, — что ни в какую историю ты не влипла.

Катя старательно-беззаботно рассмеялась.

— Не бойся, никакого криминала. — И тем же тоном: — Тебя подбросить куда-нибудь? Машина внизу ждет.

— Спасибо, нет. Мне позже выходить.

— Тогда счастливо оставаться.

— Пока.

Лиза закрыла за ней дверь, и озабоченность, которую

она скрывала, тенью напозла на лицо. Сразу, как только Катя позвонила ни свет ни заря, Лиза почуяла неладное. Слишком уж деланно-спокойным был голос сестры, в котором то и дело пробивалась взбудораженность. А цена ее душевных подъемов была хорошо известна.

И такая странная просьба! Подержать у себя невзрачный сверток, тщательно завернутый в газету. Надеюсь, там не наркотики и не деньги. И не оружие.

Лиза подошла к столу, снова взвесила на руке упакованную тайну, словно пытаюсь узнать, сколько весит оставленная ей на попечение опасность. Получалось, что немного, — но это не успокаивало. Окинула взглядом комнату. Ни одного потайного местечка. Да и что скрывать от себя самой? Потрогала корешки книг на полках и решила пойти давно испытанным путем: сунула сверток за книги. Отошла, посмотрела, не заметно ли. Получилось заметно — тома, которым поручили охрану чужой собственности, стали немного выпирать вперед. Лиза подравняла под них остальных постояльцев полки. Снова посмотрела, стало значительно лучше.

И засела за работу: к завтрашнему дню было необходимо добыть диплом одного из ее студентов, Гены Юрского. У парня получилась научная болтовня о Петровской эпохе. Лиза была немного разочарована этой работой, она ожидала от Юрского большего. То ли весна ослабила силу его мысли, то ли влюбленность, которую провоцирует все та же весна, но вышло скучно и банально. И кто только придумал защищать дипломы в самое прекрасное время — время цветущих деревьев и одуряющих запахов, когда надо целоваться, или гулять, или песни петь под балконом, но уж никак не сидеть за книжками...

Лиза распахнула окно, и в комнату влетел веселый детский гам, пахло свежестью и легким ароматом, который присущ только белым цветам.

А что чувствовала перед защитой я? Только ответственность перед темой. Перед собой. Никаких романтических приключений. Вот они и прошли мимо. Синий чулок, одно слово.

Лиза с тоской взглянула на раскрытые страницы, которые сейчас трепал обрадованный ветер. Как можно работать в такую погоду?

Обошла стол, стараясь не смотреть на диплом Юрского, придумывая на ходу, чем бы себя занять, и неожиданно вспомнила, что так и не позвонила юристу, рекомендованному ей Алексеем Григорьевичем.

Бормоча под нос: «Куда же я подевала эту бумажку», принялась рыться в сумке. Но в тот момент, когда рука уже доставала клочок со старательно выведенной фамилией, зазвонил телефон. Лиза положила сумку и сняла трубку. Звонила мама.

После обычного обмена вопросами о работе и здоровье мама осторожно сказала:

— Я вот что хотела тебе сообщить. Собиралась еще вчера, да вылетело из головы. Тут на днях разыскивал тебя один человек... — Она сделала значительную паузу.

— Кто?

— Не назвался, к сожалению. Сказал только, что ему срочно нужна консультация по поводу каких-то там костюмов. Так я дала ему твой адрес и телефон, — мама закончила фразу виноватым и немного жалобным тоном.

— Мама... — укоризненно начала Лиза, но сказать ничего не успела.

— А вдруг что-нибудь важное! — Любовь Константиновна, видимо, решила не дожидаться упреков.

— Ладно, — дочь подавила досаду. Она очень не любила, когда раздавали ее телефон незнакомым людям, предпочитала перезванивать сама, если оставляли координаты. Мама нарушила правило. — Никто пока не звонил.

— Ну вот и хорошо, — оживилась та. — А то я переживала. У тебя когда отпуск?

— Через месяц.

— Уже придумала, куда поедешь?

Лиза улыбнулась трубке. Сказать, что на море? Или куда-нибудь в Европу? Почему я не могу выкинуть такой номер — вот бы мама удивилась!

— В деревню. Как всегда.

— Молодец! Это лучший отдых. Свежие овощи, фрукты, хоть отъешься да отоспишься немного...

Она все говорила, говорила, а Лиза мыслями забежала вперед и теперь видела себя на берегу пруда: солнце просвечивает сквозь листья, пятнает траву и норовит попасть в глаза; в цветке басовито журчит толстый, вымазанный пылью шмель, ему вторит тоненьким голоском комар над ухом; облачко суетливой мошки висит в воздухе и прядет непонятный узор; а рядом полусидит-полулежит загорелый Толя и серьезно рассказывает о повадках окуньков и карпов; и еще! еще! — совершенно одуряюще пахнет свежескошенной травой...

— Дочь, ты меня слышишь? — Настойчивый голос Любви Константиновны разорвал легкое видение.

— Я немного задумалась. Ты что-то спросила?

— Я спросила, не слышно ли чего от Кати, — чуть раздраженно повторила мама.

— Нет, — поспешно ответила Лиза. — А это значит, что у нее все в порядке.

— Будем надеяться, а то последнее время сны какие-то нехорошие снятся.

— С каких это пор ты стала верить в сновидения?

— Никто и не верит, — сердито отрезала Любовь Константиновна. — Просто к слову... Ну, раз все у вас нормально, тогда я прощаюсь.

— Привет папе, — Лиза положила трубку.

Ну вот, снова надо браться за диплом. Или ехать в университет. Посмотрев на часы, выбрала университет. На час раньше начала заседания кафедры, но всегда найдутся какие-нибудь дела. Она быстро собралась, стараясь обходить стол стороной, чтобы не наткнуться взглядом на диплом (доделаю вечером), и, совершенно забыв о своем намерении позвонить юристу, поехала на работу.

У Кирилла, напротив, весь день дела спорились. Удачное выступление в суде, дальнейший подбор документов и свидетелей по «Виктории», приятная встреча с Сорокиным. На завтра планировалось выступление Павла Сергеевича по телевидению, так что два с половиной часа обсуждали детали. Уже появились первые три статьи на тему издательского беспредела, и история с «Викторией», как и предполагал Кирилл, становилась шумной. Слушание было назначено на тридцатое мая, и если Роберту не удастся подкупить судью, то его издательство рассыплется как карточный домик. Завтра не забыть узнать, к какому судье попадет дело. Хорошо бы к Грановской Лидии Александровне. Ее даже я боюсь.

Кирилл откинулся на стуле, похрустел пальцами. Он

устал. Но это была та боевая усталость, которую он очень любил. В такие дни хочется после работы пойти в спортзал и, не щадя себя, довести тело до полного изнеможения. Но сегодня у Кирилла было дело поважнее спортзала.

Он собрал бумаги, щелкнул блестящими замками портфеля, осмотрелся. Удивленно вспомнил, что сегодня не было звонков с угрозами. Он уже привык к их однообразию и не пугался так, как в первый раз. Правда, пистолет с собой носил, но был уверен, что оружие не понадобится. Тот, кто много угрожает, нападать, как правило, не решается. А тридцатого мая все будет кончено.

Больше о работе Кирилл не думал. Теперь можно было выпустить на волю другую мысль, которая весь день исподволь грела его. Сегодня он увидит Лизу.

Уже несколько вечеров он исправно проводил около ее дома. Сидел в машине, ждал, когда она появится. Если окна ее квартиры уже горели, уезжал не солоно хлебавши с ощущением испорченного дня. Если же дождался ее прихода, то те несколько долгих мгновений, когда смотрел на нее, наполняли его жизнь смыслом.

Поначалу ему было стыдно самого себя за это ребячество. Но после того как запретил себе приезжать к ее дому и испытал немыслимую тоску от невозможности видеть Лизу хотя бы издалека, Кирилл плюнул на условности. Дурак — ну и пусть! Болван — значит, так оно и есть, а ездить к ее дому буду.

Сегодняшний вечер как-то по-особому вдохновлял — бархатными тенями, еле ощутимым ветерком, курортной теплотой. Сегодня он точно увидит ее, думал Кирилл, подъезжая и уже представляя себе, какой Лиза будет сегодня.

В тот, первый, вечер она изумила его. Куда подевалась робкая тихая девочка, какой он ее помнил? Та, в вечных джинсах и мужских рубашках. С незамысловатой прической и постоянным стремлением казаться незаметной. Плохо, кстати, это у нее получалось. Именно она, Лиза, всегда была негласным лидером сначала их детской компании, а потом круга близких людей. Кирилл честно старался понять, не преувеличивает ли он сейчас, и все время получалось, что нет, так и обстояло дело. Просто раньше он был слепым. И глухим. И немым. И как же он обрадовался, увидев, что она не пустила этого пижона в черном плаще в свою квартиру.

Он подъехал к дому Лизы, заглушил мотор, вышел из машины. И громко чертыхнулся. В одном из ее окон горел свет. Значит, он опоздал и сегодняшний вечер коту под хвост. Кирилл подошел к ее подъезду, сел на одинокую лавочку, щербатую на пару досок.

Отныне так будет каждый вечер. Я буду приходить к ней, а потом возвращаться к себе, и Лиза никогда не узнает, что я ежевечерне провожаю ее в сон. Буду стариться на этой убогой лавке, больше напоминающей скамью для заключенных. И каждый вечер выслушивать свой приговор: пожизненное страдание без права переписки. Самое обидное, что она никогда не узнает, не посмеется над моей дуростью, не простит за идиотство, никогда не скажет мне никаких слов, пусть жестоких, никогда ни о чем не попросит и ни о чем не спросит...

— Кирилл? Ты? — раздался над его головой знакомый голос.

От неожиданности Кирилл вздрогнул всем телом, поднял голову и в полном недоумении уставился на Лизу.

— Ты? — Он так удивился, что совершенно забыл цель своего здесь пребывания, — Ты откуда?

— Я вообще-то здесь живу, — ответила Лиза. — А вот ты откуда свалился?

— Я... Я... — промямлил юрист и понял, что ничего вразумительного придумать не в состоянии. — С неба, наверное, — ляпнул первое, что пришло в голову.

— Как интересно, что ты выбрал для посадки именно это место, — Лиза присела рядом с ним. — Как поживаешь, Кирилл?

— Нормально, — он прокашлялся. — Даже хорошо. А ты как?

— Тоже неплохо.

Оба замолчали.

Это поразительно, думала Лиза, как я мечтала о встрече с ним, а сейчас не могу связать двух слов, отупела в один миг, сижу как полная дура, и он вынужден придумывать темы для разговора...

Кирилл с тоской смотрел на свои ботинки. Где все мои слова? Почему я не могу сказать ей, что люблю, что жить без нее не могу. Боюсь, что она рассмеется мне в лицо? И поделом мне будет. Трус! Безмозглый трус!

— Извини, Кирилл, но мне пора, — женщина встала. Удержи ее, кретин, как-нибудь удержи!

— Да, мне тоже пора, — он встал, потоптался, слова застряли в горле.

— Пока, — и Лиза, не оборачиваясь, пошла от него прочь.

Кирилл скорбно смотрел ей вслед и не знал, что делать. Если она обернется, если обернется, то не все потеряно...

Подруга детства взялась за ручку двери, потянула ее на себя, очутилась в светлом проеме, сейчас шагнет и пропадет — дверь захлопнется, и все, конец. Перешагнула порог и — обернулась. Всего на мгновение, но Кирилл успел поймать отблеск бледной улыбки, посланной ему как знак. Не все потеряно, не все, твердил он, направляясь к машине.

Лиза тем временем поднялась на лифте, вошла в квартиру, обругала себя за забывчивость — опять не погасила свет на кухне. Она старалась думать о будничном, о домашних заботах, о делах, но улыбка так и не сходила с ее лица.

Пусть эта встреча была немыслимой случайностью, пусть он тяготился ее обществом, но как здорово было видеть его, такого родного, такого почти забытого. Теперь, конечно, снова бездна разлуки, может, уже навсегда, но спасибо судьбе, что она сегодня хоть ненадолго столкнула нас.

Прошла в комнату, зажгла торшер, посмотрела в сторону стола и показала диплому язык. Теперь уже только завтра. Ничего, успею. Что-то еще надо было сделать? Да! Позвонить юристу. Надо хотя бы найти, наконец, этот телефон. Она взяла сумку и сразу наткнулась на клочок бумажки, небрежно засунутый между блокнотом и пудреницей. Достала, наклонилась к свету лампы и оторопело прочла: Игнатов Кирилл Степанович. И номер телефона.

Пожалуйста, вот тебе Кирилл — на блюдечке с голубой каемочкой.

С момента невыносимой встречи прошло несколько дней. С тех пор Кирилл не ездил к дому Лизы. Он и сам не смог бы точно определить причину: то ли боялся встретить ее снова и окончательно прослыть дураком; то ли неожиданного столкновения оказалось достаточно, чтобы несколько дней чувствовать такую наполненность чувств, какую опасаясь расплескать; то ли опасался, что теперь наблюдение издалика самому покажется смешным и нелепым, а слова вновь в самый ответственный момент предательски от него сбегут. Вообще был зол. И может быть, его добровольный отказ видеть Лизу был просто-напросто епитимьей, наказанием, наложенным Кириллом на самого себя.

Он набросился на работу как изголодавшийся волк. Брался за самые невозможные дела и выигрывал их. Возобновились звонки от людей Роберта, и однажды вечером один из их своры набросился на Кирилла в мертвом гулке переулке. Но не пригодилось и оружие. Кириллу удалось расправиться с посланцем быстро и легко. Он даже был немного разочарован несерьезностью такого подхода: нашли, кем пугать, —

щенком. После этого случая и вовсе перестал думать о возможной опасности, полагая запас угроз исчерпанным.

Но однажды Кирилл не выдержал. Он уже был дома, читал. Выходить никуда не собирался. Оставалось поужинать, посмотреть телевизор и лечь спать. Но внезапно юрист резко вскочил, шарахнул ни в чем не повинную книгу об пол, забегал по комнате. Его охватило нервное возбуждение, а в мозгу прочно засела мысль: если я не увижу ее сегодня, то уже не увижу никогда.

Он быстро оделся и помчался на улицу. Моросил невидимый дождик, и асфальт матово блестел в свете неярких фонарей. Пахло свежeweымытой травой и влажной землей. Над домами в разрыве тонких туч уже повисла луна с запавшим боком.

Когда он подъехал к ее дому, совсем стемнело. Кирилл заглушил мотор и долго сидел, прислушиваясь к мышиному шороху дождя. Время от времени мимо него с влажным шумом проезжали машины, гладили светом фар его лицо. Он пошарил в бардачке, нащупал спасительную пачку сигарет, закурил, абсолютно забыв о своем твердом намерении бросить, с наслаждением затянулся. Посмотрел на светящиеся окна Лизы и вздохнул: понятия не имел, что делать дальше.

Вот я пришел — здравствуйте! А если она не одна? А если ей противен даже мой вид? Что хорошего может думать обо мне женщина, на сестре которой я был неудачно женат? Мы ведь жили под одной крышей, и все прошло перед ее глазами... Кошмар.

Кирилл тяжело вздохнул. Рука потянулась к зажиганию. Уехать. Как можно скорей. Я не имею права

вмешиваться в ее жизнь. Кто я в ее глазах? Даже думать страшно.

Он уже твердо решил бежать, но, вместо того чтобы завести мотор, вышел из машины и направился к ее дому, твердя про себя, что все его поступки безумны, что он сам топчет свою последнюю надежду и что Лиза непременно погонит его сейчас поганой метлой.

Хорошо. Если прогонит, значит, так мне и надо. Но сам не уйду. С этой мыслью он нажал кнопку лифта. Кабина оказалась на первом этаже и как-то уж очень стремительно подняла его на четвертый — нужный — этаж.

Он вышел из лифта и мучительно долго топтался у ее двери. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не соседи с нижнего этажа. Вдруг загремела чужая дверь, совсем близко зазвучали грубые в тишине подъезда голоса... и Кирилл с детским испугом дернул рукой — позвонил.

За дверью раздались шаги — сбежать, пока еще не поздно, придурок! — и удивленный, такой родной голос:

— Кто там?

— Это я, Кирилл. Впусти, пожалуйста.

За дверью стало тихо. Потом щелкнул замок, и дверь открылась.

— Проходи, — сухо, Кириллу почудилось — даже неприязненно, сказала Лиза.

— Я всего на минуту. — Он зашел и замер. Что говорить? Что делать? — Я снова случайно оказался у твоего дома и вот решил заглянуть. Не помешал? — Голос прозвучал с такой пошлой игривостью, что Кирилла передернуло.

— Нет. Чаю выпьешь?

— Спасибо, да.

Лиза повернулась и пошла на кухню. Кирилл, как истукан, остался на месте.

— Ну, что же ты? Проходи.

Он неловко снял куртку, запутался в рукаве, рванул раздраженно, где-то треснуло, куртка вырвалась из рук и хлопнулась на пол. Он чуть не пнул ее ногой, но сдержался: поднял, повесил на крючок.

Лиза уже поставила чайник и теперь сидела, подперев голову рукой и пристально глядя на позднего гостя. Она казалась совершенно спокойной, словно его сумасшедший приход ничуть ее не удивил. Кирилл сел напротив. Что говорить, понятия не имел. Вынул пачку сигарет, стал доставать одну, но просыпались все. Начал их собирать со стола, поднимать с пола. Когда выпрямился, Лиза улыбалась.

— Какая ты стала красивая, — скорее самому себе, чем ей, тихо сказал Кирилл. Она хотела что-то ответить, возразить — он прочитал это по ее лицу, — но засвистел чайник.

Лиза молча заваривала чай, стоя к Кириллу спиной. Теперь он не сводил с нее взгляда. Ему казалось, что он вернулся в прошлое, что они сейчас дети и скоро он первый раз в своей жизни будет целоваться, поцелует эту грациозную тоненькую девочку.

— Я все наврал, — услышал он свой голос. — Малодушно и трусливо. — Лиза обернулась. — Вовсе не случайно я околачиваюсь у твоего дома. Я тебя караулил. Хотел увидеть, поговорить, но боялся. Теперь можешь меня выгнать.

Она все молчала. Молча расставила чашки, молча налила дымящийся ароматный чай. По кухне разлетелся запах мяты и лета.

— Попей уж сначала чаю, — сказала. — Что ж тебя сразу выгонять, — и улыбнулась.

Кирилл схватил чашку, отхлебнул, мучительно обжегся, вздрогнул и пролил чай на скатерть.

— Ты сегодня явно претендуешь на первый приз по неловкости, — Лиза рассмеялась, принялась вытирать со стола. Немного дрожали руки, но Кирилл, поглощенный собственными проблемами с вышедшим из повиновения телом, этого не заметил.

— Извини, — пробормотал он. — Давай я сам.

Он взялся за тряпку, и их руки соединились. И моментально, как от прикосновения волшебного крыла, все стало на свои места. Мир перестал выпадать из непослушных пальцев и подставлять коварные подножки.

Кирилл встал и обнял ее. Лиза прильнула к нему и застыла: ощущение абсолютной, без единой зазубринки, соединенности было почти нереальным.

— Так уж получилось, — тихо проговорил Кирилл, — что я не могу без тебя. Как в пустыне, когда нельзя напиться. Как на полюсе, когда невозможно согреться.

— Подожди. Я не понимаю, — она отстранилась. — Так внезапно ты обрушился...

— Я сам не понимаю, но ничего не могу поделать. Я запрещал себе видеть тебя, но не смог. Хотя бы издали. Знать, что ты есть, — он заторопился. Он уже видел, знал, что сейчас Лиза скажет что-то жестокое, непоправимое.

— Подожди, — она села, ноги плохо слушались ее. — Наверное, все дело в том, что ты видишь во мне ее. Катю. Мы ведь сестры, — и Лиза беспомощно улыбнулась. — Ты так любил ее. Это не может пройти бесследно. — Первая слеза соскочила с ресницы и протоптала тропинку на щеке. — Уходи, Кирилл. Очень больно...

Лиза отвернулась. Ее спина строго выпрямилась. Кирилл хотел еще что-то сказать, но не смог, словно подавился словом. Заметался по кухне, выскочил в коридор, схватил куртку, оборвав несчастной вешалку, и вылетел из квартиры.

Домой добрался быстро. Гнал как безумный, вымещая на бессловесной машине свою беду. Влетел в подъезд и вдруг остро пожалел, что никто не поджидает его в темном лестничном проеме. С каким бы наслаждением он сейчас подрался в кровь, в хлам! Поднялся, как пьяный, по лестнице и — заскрипел зубами: перед дверью сидела Марина с видом брошенной собачонки и жалобно, снизу вверх, смотрела на него.

Он подошел, резко поставил ее на ноги, открыл дверь, втащил в квартиру. Все это молча.

— Полчаса на сборы, — сказал жестко. — Потом отвезу тебя домой.

Схватился за сигареты, с тоской подумал: напиться бы, но нельзя, еще ехать через всю Москву.

— Ты подумал, что говоришь? — раздался за его спиной высокий голос. — Ты что мелешь-то?

Кирилл медленно обернулся. Перед ним стояла не брошенная собачонка. Перед ним застыла в прыжке хищная львица, вышедшая на охоту.

— Повторить? — спросил Кирилл. Рука с незажженной сигаретой застыла в воздухе.

— Забыл, что обещал? Напомнить? — Она медленно наступала на него. — Ты обещал на мне жениться, а сейчас выгоняешь, да? — Она все наступала, и Кирилл уже сделал один шаг назад, но взял себя в руки.

— Вот что, Марина, — он с чувством затаился. — Ты прекрасно знаешь, что сильно преувеличиваешь. Твое вторжение ко мне носило временный характер и со мной согласовано не было, — он и сам бы не смог объяснить, почему постоянно в разговоре с Мариной срывался на казенный язык. — Женюсь я только на той женщине, которой сам сделаю предложение, — подумал и добавил: — Наконец. Поэтому повторяю: полчаса на сборы, после чего отвезу тебя домой, — он отвернулся и сумел увернуться только благодаря отражению в кухонном окне. Сцена из кино: Марина Яростная бросается с кулаками.

Схватив ее за запястья, развернул и подтолкнул к комнате:

— Пожалуйста, без дешевых выходок. Жду тебя здесь. С вещами.

— Гад! — бросила она ему в спину, как камень. — Сволочь! Подлец! Скотина!

— Осталось двадцать пять минут, — хладнокровно, не оборачиваясь, процедил Кирилл.

Бормоча проклятия, Марина тем не менее отправилась собирать вещи. Через два часа он благополучно доставил ее домой. На обратном пути купил водки и, приехав домой, сразу опрокинул в себя стопку. Но пить не хотелось. Покрутив ненужную бутылку в ру-

ках, Кирилл поставил ее в холодильник и вышел на балкон.

Дождь перестал, но деревья еще с нежным шорохом роняли капли. Лужи отражали свет и разлетались веером из-под колес редких машин. Было чуть зябко. Кирилл обхватил себя руками и посмотрел на небо. К луне прибавились несмелые звездочки, то и дело пропадавшие в обрывках туч — ветер уносил их с собой в неясные дали, где царили постоянство и вечность. Здесь же...

Здесь одни потери и неудачи. Кирилл прерывисто вздохнул — в эти минуты он остро ненавидел сам себя.

И уж никак не мог представить, что и Лиза сейчас не спит, смотрит на небо, на ту же кривобокую луну, ругает себя последними словами и чувствует такую же ослепительную ненависть, что и Кирилл, но только по отношению к себе — к своей неразумной особе.

Это был тревожный день и для Кати. Начиная с самого утра, с ухода на работу: очень не понравилось, как ее проводил Артем. Как-то очень значительно, с непонятной грустью, на которую, казалось, ее муж в принципе не способен — как будто прощался навсегда. Несколько раз пробовала звонить ему в офис и домой, но его нигде не было. Мотался по городу или, что гораздо хуже, не подходил к телефону. Что-то непонятное носилось в воздухе, Катя уже предполагала самое худшее: Артем понял, что она стянула у него деньги. Шестьдесят штук, обалдеть можно. В качестве подъемных совсем неплохо. Эта мысль немного успокаивала, но смутное, беспричинное и оттого особо неприятное беспокойство не отпускало.

Ближе к вечеру позвонила Лиза и потребовала отчета. Оказывается, к ней приходил Артем и пристрастно интересовался, не оставляла ли случайно его жена в последнее время какие-нибудь вещи.

— Ты понимаешь, как ты меня подставляешь?

— Но ведь обошлось? — парировала Катя, переводя дыхание.

— А на то, что я обманываю человека, который мне доверяет, тебе наплевать? — взвилась сестра. — Знаешь, что он мне сказал, уже когда уходил? Знаешь? Так вот. Он сказал, что верит только мне. А это что-нибудь да значит!

— Тоже мне нашла о ком переживать, — вяло отреагировала Катя.

— Я не понимаю тебя, — устало и безнадежно произнесла Лиза. — Ведь он твой муж. Ты зачем за него замуж выходила, это хоть можешь объяснить?

— Ради денег, — просто ответила звезда телеэкрана. — Ради красивой жизни. Ради того, что сейчас где-то там у тебя спрятано.

— Так ты что, — опешила старшая, вдруг обо всем догадавшись. — У Артема деньги...

— Да! Да! Да! — неожиданно зло прокричала Катя. — И не надо читать мне нотации! Надоело! Пошли вы все!.. — и швырнула трубку.

Вот это да, выдохнула Лиза. Недавно пережитый страх от прихода Артема, от его хождений по комнатам, от его рыскающего по квартире взгляда улетучился. Худшее подтвердилось — Катерина стащила деньги у собственного мужа. И если он еще про Эдика узнает... У Лизы сжалось сердце. Она вспомнила, какую жалость испытала, глядя в пустые глаза супруга сестры. Жалость не к Кате — к Артему. Она знала его как мужчину, крайне уверенного в себе, пусть недалекого, пусть ограниченного, но человека с чувствами, со своими понятиями о счастье, о семье, о долге. Сегодня же перед ней был потерянный, несчастный, обманутый муж.

«Я ведь не хотел ничего плохого», — беспомощно сказал он, когда уходил. И эти поникшие плечи!

Он все знает, неожиданно поняла Лиза. Катьку сегодня вечером ждет дома большой сюрприз. Лиза бросилась звонить сестре, но той на работе уже не было. Умчалась в неизвестном направлении.

А Катя в это время спешила к Эдику. Злость на весь мир, раздражение всеми — Лизой, Артемом, самим Эдиком — она торопилась выплеснуть в сексе. Верное средство — лучше водки и азартных игр. Забыться, заиграться, заласкаться, изойти криком и стонами.

Но, как назло, в этот вечер Эдик был печален и тих. Любовные забавы не принесли никакого успокоения, напротив — Катя почувствовала только большее неприятие жизни. Нагрубив заодно и Эдику, обозвав его импотентом и педерастом одновременно, она помчалась домой. словно некая сила несла ее сегодня, словно Катя сама торопилась взойти на эшафот — суждено так суждено, — только бы побыстрее.

Подъезд. Лифт. Дверь. Ключ.

Она влетела в квартиру, и невырвавшийся крик застыл на ее губах: рукой зажала себе рот. Везде: на стенах, на полу, на зеркале — были прихвачены скотчем фотографии. Ее и Эдика. В самых немыслимых позах. С искаженными оргазмом лицами. Похабство, гадость, уродство! Катя покачнулась, ей показалось, что ее хлестко ударили по лицу. Сползла по стене и услышала, как из комнаты доносятся стоны. Ее стоны. Заставила себя подняться и сделать несколько шагов.

Артем сидел в кресле спиной к телевизору, на экране которого неистово занимались любовью все те же — она и Эдик.

— Нравится? — жестко спросил Артем и прибавил звук. Комната огласилась криком Кати.

— Выключи, прошу тебя, — она бросилась к телевизору, но муж преградил ей путь.

— Зачем же? Дай и мне полюбоваться собственной женой во всей красе, — сказал он, тем не менее на экран не глядя. — Неплохой доклад мне подготовили, как считаешь? А я, дурак, все думал, мерещится мне, — он вдруг внезапно сник и устало опустил в кресло. Телевизор замолчал.

— Так ты смел следить за мной? — Катя решила воспользоваться моментом и перейти в наступление.

— Захотел и посмел, — Артем усмехнулся. — Иногда полезно знать, где пропадает жена. По каким притонам шляется.

— И давно ты наладил за мной слежку? — Катя никак не могла нащупать почву под ногами, взять нужный тон. Она посмотрела на кресло, и ей показалось, что оно вместе с остальной мебелью поехало куда-то вбок. Зацепилась глазом за окно, но и оно стало подозрительно расплываться и ползти. — Мне плохо, — тихо проговорила она.

— Тебе плохо? — Артем нехорошо прищурился. — Зато мне хорошо! Просто отлично! Высший класс! Видеть, как ты трахаешься с молодым ублюдком!

— А ты не смотри! Нечего пялиться на чужое счастье!

— Счастье? Это ты называешь счастьем? — Он снова включил телевизор: Эдик во всю нерастратченную силу трудится над Катей. — Это? — ткнул пальцем в экран. — Это собачья случка, а не счастье!

— Не смей! — закричала Катя. Ей стало страшно, по-настоящему страшно. Не то чтобы она испугалась Артема, хотя и это тоже, в гневе он мог выкинуть все что угодно. Но рушился мир ее представлений о жизни. Так не должно быть. Это просто невозможно. Она схватилась за спинку дивана: лишь бы устоять, лишь бы не упасть. Вдруг подумала, что, если упадет, Артем станет топтать ее ногами.

— Так бы и врезал, — он приблизил свое лицо к лицу Кати. Она сжалась. — Дура. Какая же ты дура, — с чувством сказал муж.

Отступил, схватил с полки тяжелую каменную вазу, которую они купили на Крите во время медового месяца, и, размахнувшись, запустил ею в телевизор. Раздался грохот, на пол посыпались искры. Катя рухнула на колени и схватилась за голову, зажала уши, зажмурилась что есть силы — этот ужас должен кончиться, этот ужас должен кончиться...

— А теперь проваливай.

Она подняла голову — Артем стоял перед ней и протягивал какие-то бумаги.

— Куда? — глупо спросила Катя.

— На все четыре стороны, — без тени улыбки ответил Артем. — Это твои документы. Больше в этом доме тебе ничего не принадлежит. И вот еще что.

Он взял ее правую руку, невольно подержал в своей ладони, словно прощаясь, и с силой дернул обручальное кольцо — так что хрустнул сустав. Катя ойкнула, но Артем не обратил на это никакого внимания. Казалось, она для него уже перестала существовать.

Он вышел из комнаты, а Катя еще какое-то время

посидела на полу. Мысль, что теперь это чужая для нее квартира, никак не хотела укладываться в ее голове. Ведь эту мебель выбирала она, и эту скатерть на столе, к ней двенадцать салфеток, и сервиз — выписала его по каталогу. Куда же я пойду? Меня никто не ждет, у меня ведь нет больше дома. И куда подевался Артем? Черт, как болит палец...

Она машинально взглянула на руку, и бледный след от кольца сказал ей, что часть ее жизни ушла бесповоротно. Катя поняла, что еще немного, и она разрыдается. И это подняло ее с пола. Она не хотела, чтобы Артем видел ее слезы, ее поражение. Нет! Она гордо покинет его территорию, пусть подавится.

Немного шатаясь, вышла в коридор, стараясь не глядеть по сторонам, не наткнуться на фотографии. Не получилось. Безобразные снимки словно притягивали взгляд.

— Он что, специально отобрал самые гадкие, — прошептала она и с тоской подумала, что теперь не сможет лечь с Эдиком в одну постель.

Эта мысль потянула за собой следующую: кроме как к Эдику, сегодня ночью ей некуда податься. Глотая слезы, выбралась на улицу. Не сразу поймала такси. Замерзла. Будто назло ей, похолодало. Зубы отстукивали чечетку. А в машине все-таки разревелась. И из-за чего? Из-за идиотского вопроса водителя, слепо попавшего в цель, как шальная пуля — наповал.

— Чего кислая такая? — спросил он. — Муж, что ли, из дома выгнал? — И хохотнул.

Так и прорыдала до дома любовника. Водила язык прикусил, молчал всю дорогу, только поздно уже: слезы так раздирали душу, что хотелось выть.

Эдик очень удивился. Он уже лег спать и спросонья никак не мог сообразить, что произошло. А когда понял, обрадовался, дурачок. Теперь будем жить вместе, теперь будем жить вместе. Заладил как попугай. Забегал, запрыгал. Катя только зло следила за ним глазами.

— Только не лезь ко мне, — сказала, укладываясь в постель.

— Хорошо, хорошо, я все понимаю, — радостно залепетал он.

Так и подмывало двинуть ногой ему в бок, только сил не было. Глаза закрылись. Последняя мысль, проскочившая мышкой в сознании и на мгновение пробудившая Катю своим шорохом, была такая: все-таки интересно, куда эти сволочи понатыкали видеокамер.

Больше ни о чем не успела подумать. Сон, глубокий и черный, как высохший колодезь, поглотил ее.

Будильник прозвенел ровно в семь утра. Кнопке тут же досталось: безжалостная рука прихлопнула ее, словно надоедливому комара. Вставать не хотелось смертельно. Но чувства — одно за другим — принялись пробуждаться, и в голове зашевелилось неприятное, сначала совершенно невнятное воспоминание.

Вчера произошло что-то непоправимое. Что-то, о чем я буду жалеть всю оставшуюся жизнь.

Я потеряла его! Мысль яркой вспышкой озарила сознание, глаза распахнулись, вырвался невольный стон.

Лиза резко села в постели.

— Зачем я это сделала? — в сотый раз спросила сама себя. — Ну зачем? — И снова упала на спину.

Захотелось поплакать. Пальцы прикоснулись к глазам, и Лиза потрогала свои все еще опухшие веки — не отошли от ночных слез. С горечью подумала, что теперь ей суждено делиться с подушкой слезами каждую ночь, и так до конца жизни, и все по собственной же глупости. Стало невыносимо себя жалко, слезинка пощекотала ресницы и легко побежала по щеке, по скуле, прямо в ухо.

Лиза сердито шмыгнула носом и встала. Надо срочно взять себя в руки. И кто это придумал? Взять себя в руки? За какие такие места? Она посмотрелась в зеркало и поморщилась: вид еще тот.

— Ну и где глазки? — спросила у своего отражения.

Приняла душ и почувствовала небольшое облегчение: все равно надо жить дальше. Засела после завтрака за диплом Юрского и к обеду искромсала его работу не хуже заправского мясника. Нечего попадать под горячую руку преподавателю с несложившейся личной жизнью. Осмотрела поле деятельности, а вернее — поле битвы за хороший русский язык и ясную научную мысль — и почувствовала легкий укол совести. При чем здесь несчастный студент?

Перехватив на обед бутерброды, поехала в университет, после — в издательство. Попыталась еще что-нибудь придумать, но было уже поздно, конторы закрывались. Пришлось вернуться домой.

Послониалась. Посмотрела телевизор. Посидела на кухне, не зажигая света: темнота больше соответствовала настроению. В девять вечера напряженно села перед телефоном на самый краешек кресла, расправила на коленке бумажку.

Сказать, что нужна его помощь? Порекомендовали в издательстве как отличного юриста по авторскому праву? Извиниться за вчерашнее хамство? Все-таки выгнала человека из дома. Что еще? Люблю тебя с детства? Ха-ха-ха. И именно по этой причине попросила выйти вон. О Господи. Наберу его номер и что-нибудь придумаю на ходу. Может, его и дома-то нет.

Лиза задержала дыхание (главное — спокойствие и

собранность) и протянула руку к телефону. Он пронзительно зазвенел. Лиза чуть из тапочек не выпрыгнула.

— Алло, — схватилась за сердце. Оно так билось, что под кожей ощущалась горячая пульсация.

А в ответ тяжелый вздох вместо слов. Приглушенный кашель.

— Алло, — сердито повторила Лиза.

— Извини, что беспокою тебя так поздно. Решил все-таки позвонить и извиниться за вчерашнее.

Кирилл! Лиза сжала трубку, сердце снова запрыгало, подлетая к горлу. Оба замолчали: она потому, что впала в оцепенение; он лихорадочно придумывал, что сказать дальше. Или уже пора прощаться?

Заговорили одновременно.

Лиза: Я тоже собиралась...

Кирилл: Никак не хотел тебя тревожить...

Снова замолчали. На этот раз растерянно. Дальше опять нестройным хором.

Лиза: Я хотела сказать...

Кирилл: Я говорил...

И плотина рухнула: облегченно рассмеялись.

— Кирилл?

— Да?

— Сейчас, кажется, моя очередь говорить?

— А ты уверена?

— Я считала.

— Я тоже считал. Но, так и быть, уступаю.

— Так вот, — Лиза развалилась в кресле, по телу разливалось, перекатывалось приятное тепло. — Это я собиралась перед тобой извиняться. Первый раз в жизни выгнала из дома человека. И кого? Друга детства.

— И главное — за что? — вставил Кирилл.

— Тебе права голоса еще не давали, — строго отчитала его Лиза. — И главное, за что?

— За то, что он объяснился ей в любви!

— Это нечестно! Регламент еще не закончился.

— Тогда, может, сделаем так? — осторожно и серьезно сказал он. — Ты пока говори в трубку, а я тем временем приеду? Попробуем переиграть вчерашнюю сцену?

Лиза прикрыла глаза, улыбка застыла на ее губах. Она молча кивнула.

— Почему же ты не отвечаешь? — тихо спросил он.

— Я кивнула, — сказала она. — Ты разве не видел?

— Тогда я еду. — Он помолчал. — Ты снова кивнула?

— Угу.

Раздались короткие гудки. Лиза прижала трубку к щеке, так и сидела: с закрытыми глазами, с гудящей трубкой у лица.

Очнулась. Не одета! Не причесана! Быстро — в душ, одеваться, краситься! Она вскочила, бросила трубку, а телефон словно только этого и дожидался — разразился неистовым звоном.

— Да? — Она чуть не сказала «любимый». — Что забыл спросить?

— Извини, но это я, — голосом Кати словно заговорила сама судьба.

Лиза обреченно опустилась в кресло. Звонки сестры давно уже сулили только дурные вести.

— Можно, я сегодня у тебя переночую?

— Больше негде? — тихо спросила Лиза.

— Нет, — так же тихо ответила Катя, и эта тишина была настолько ей несвойственна, что Лиза сразу поняла: ее сестре плохо. Возможно, очень плохо.

— Конечно. Приезжай, — сказала упавшим голосом.

Посидела некоторое время не двигаясь, затем медленно набрала номер Кирилла. Он, слава Богу, был еще дома.

— Уже выхожу! — бодро сказал он Лизе.

— Не надо, Кирилл. Ничего не получится.

— То есть как?

— У Кати серьезные неприятности, и она сейчас едет ко мне, — Лиза сглотнула. — Видимо, проживет у меня несколько дней.

— Это невозможно, — выдохнул Кирилл.

— Мне тоже очень жаль. Позвоню тебе завтра. Хорошо?

— Лиза... — Кирилл хотел сказать ей так много, но смог лишь повторить: Лиза...

— До завтра.

— До завтра.

На следующий день Лиза никуда не пошла. Долго спали. Гости на диване, хозяйка на раскладушке. Катя приехала с таким разнесчастным видом, что укладывать страдающую сестру на неудобную раскладушку Лиза оказалась просто не в состоянии. Хотя подозревала, что так теперь и поведется — на свой диван она переляжет только после отъезда Катерины.

Полночи проговорили. Лиза слушала, раскрыв глаза в темноту, охала, сопереживала, иногда задавала вопросы. Неужели не замечала, что за тобой следят? Только

один раз кольнуло, да я внимания не обратила. И много фотографий? По всей квартире. А как же теперь Эдик? Видеть его не могу. Что делать-то будешь? Работать. Искать квартиру. Жить. Не страшно? Самое страшное позади. Все время подмывало спросить, надолго ли ко мне, но язык не поворачивался.

Утром Катя поднялась, когда Лиза уже приготовила завтрак. Кое-как умылась, но не причесалась, села за стол, стала сонно ковырять вилок омлет.

— Даже смены белья нет, — она горестно покачала головой. — Сволочь.

— Ладно тебе, — сказала Лиза. — Ты у него деньги стянула. На подштанники небось наскребешь.

Катя подняла голову, внимательно взгляделась в сестру.

— А ты циничная стала, — сказала, наконец. — Тебе не идет.

— Цинизм больше по твоей части, это правда, — согласилась Лиза.

Повисло нехорошее молчание.

— А чьего это звонка ты вчера ждала? — поинтересовалась вдруг Катя.

— Так, одного старого знакомого, — отговорились Лиза и почувствовала, что краснеет.

Вскочила из-за стола, занялась кофе — только бы Катя ни о чем не догадалась. Лиза отлично знала, что ее младшая сестра может выкинуть самое неожиданное коленце. Рука с чашкой замерла: отчетливо представила, что Кирилл сталкивается с бывшей супругой и снова, как и в детстве, как и всегда, моментально забывает про нее, Лизу.

— Да не бойся ты, не уведу, — Катя лениво отпила сок. — На мужиков смотреть тошно.

— У них-то на тебя рвотной реакции нет, — мрачно пошутила Лиза.

— Знаешь что, — Катя потянулась, выпрямилась. — Давай махнем сегодня по магазинам. Мне же одежды надо купить, а то ведь, смешно сказать, надеть нечего.

— Как обычно, впрочем, — сказала сестра, и обе рассмеялись. — Давай. Пьем кофе — и вперед.

Они прошатались по городу весь день. Накупили кучу вещей Кате, а заодно пару обновок и Лизе — уж очень заразительно делала покупки Катерина, устраивая в магазинах целые представления с привлечением местного «актерского» состава. Умудрялась закрутить всех продавщиц сразу. Иногда ее узнавали, тогда она скромно смотрела в пол и застенчиво давала автограф. Лиза стояла в сторонке и посмеивалась. Ее непосредственное участие в спектакле понадобилось, пожалуй, только один раз.

На выходе из очередного дорогого магазина с ними попытались завязать знакомство двое молодых мужчин. Начали с обычных вопросов: который час, да как зовут, да куда теперь направляетесь. Катя, по обыкновению, взяла инициативу в свои руки и несказанно удивилась, когда оба новых знакомых попросили телефон Лизы. Сестры так обалдели, что посчитали ситуацию несуразным недоразумением, и потом долго над ней смеялись.

В этот день Лиза так и не собралась позвонить Кириллу. Все время боялась, что присутствие сестры нарушит то неустойчивое состояние счастья, тот круг света, в котором очутилась она с любимым. Никак не могла поверить, что Кирилл пришел к ней, именно к ней, а не к подобию бывшей жены, которую так страстно и болез-

ненно любил. Лизе казалось, что его слова обращены к тени за ее спиной, а в чувстве его таится обман, этакая червоточинка. Ну и пусть, говорила она себе. Лишь бы этот обман подольше продлился.

Кирилл же напрасно прождал ее звонка. Несколько раз брался за телефон сам, но мысль, что трубку возьмет Катя, останавливала его. Уж кого-кого, а ее слышать совершенно не хотел. Так и промаялся весь день в пустом ожидании.

По-настоящему весела и беспечна была лишь Катерина. Ее хандру смыло московское солнце, и Лиза, глядя на счастливую физиономию сестры, только молча удивлялась. Недавний шторм-торнадо-смерч, пронесшийся в ее жизни, на самом деле не оставил на ней ни малейшего видимого следа. «Жизнь сначала, значит, жизнь сначала, и это замечательно», — сказала ей Катя.

Работы было невпроворот. Кирилл запретил себе расслабляться, каждый день начинал с зарядки и не выпадал из делового ритма. Уже несколько раз он встречался с судьей, Грановской Лидией Александровной (на его счастье, именно к ней попало дело «Виктории»), и встречами остался весьма доволен. Ее, как и предполагал Кирилл, действительно хотели подкупить, но не на ту попали. Лидия Александровна представляла собой вымирающий тип истинно русской интеллигентки. Лет ей было за шестьдесят, сколько именно, никто точно не знал, но выглядела она прекрасно. Сохранившаяся фигура, правильные черты лица, густые седые волосы, неизменно зачесанные назад, великолепная, прямо-таки королевская, осанка и неистощимая энергия. Как-то она призналась Кириллу, что если не сможет работать, то на следующий день умрет. Однажды они столкнулись в метро, вместе зашли в вагон (было по пути), и парень, сидевший около двери, тут же вскочил, уступая ей место. Лидия Александровна величественным жестом усадила его обратно и обиженно обратилась к Кириллу:

— Скажите, любезный Кирилл Степанович, я что, сегодня неважно выгляжу?

На что Кирилл совершенно искренне ответил:

— Просто в вашем присутствии хочется встать.

Репутация у нее была безукоризненная. И Роберту, конечно, следовало навести о ней справки, прежде чем соваться со своими грязными деньгами. Попыткой всучить взятку он только настроил ее против себя, и теперь пощады никакой не будет. Кирилл довольно потирал руки.

Кроме этого, Андрей, старый приятель Кирилла еще по университетским сборищам, а ныне сотрудник «Литературной газеты», придумал и организовал специальную рубрику «Черный книжный бизнес», под которой выходили статьи о пиратстве в издательском деле, в частности, о махинациях Роберта. Мудрость этого шага Кирилл смог оценить не один раз. Во-первых, ход судебного разбирательства был предан широкой огласке, да и имя Кирилла становилось известным. Во-вторых, Роберт принял вызов и, судя по всему, судебной тягомотины не будет: ответчик на суд явится. В-третьих, прекратились угрозы. Здесь, возможно, сыграл свою роль и Сорокин. В своем последнем выступлении по телевидению он дал понять, что Кириллу грозит опасность и если вдруг с ним случится несчастье, то... Дальше догадайтесь сами. Последний неприятельский звонок был примерно такого содержания: если хозяин проиграет, тебе же хуже будет. За сообщением последовало много ненормированной лексики. Кирилл только развеселился. В этой матерщине он услышал трубные звуки триумфа.

И по-прежнему не звонила Лиза.

Вот об этом он старался не думать. Нет так нет. Не нужен я ей и навязываться не стану. Однако по ночам, когда голова освобождалась от мыслей, связанных с работой, перед глазами вставала она. Лиза-школьница. Лиза-студентка. Лиза-сегодняшняя. Поразительно, какой, оказывается, изворотливой может быть память. Никогда Кирилл не мог бы себе представить, что где-то в таинственных zákромах его мозга живет своей отдельной жизнью образ подруги детства — абсолютно детальный и полный. Сейчас, в темноте, память подсовывала ему самые разные воспоминания о ней: вот это хочешь? а это? нет, лучше это.

Кирилл скрипел зубами, ворочался с боку на бок, мечтал, как набоковский бессонный страдалец, о третьем боке и засыпал только под утро. Зарядка, холодный душ, затем наполненный делами рабочий день снова приводили его в боевую форму. И так до очередного вечера, до очередной ночи с воспоминаниями о ней.

Однажды утром случилось неизбежное — Кирилл проспал. Вскочив, заметался по квартире сначала в поисках носков, потом папки (куда же я ее засунул?), наконец, потерялись ключи от дома. Он уже невозможно опаздывал на важную встречу. В последней надежде, сбавив темп, Кирилл встал на колени и пошарил под ящиком для обуви. И точно: ключи были там. Словно ночью, заигравшись в прятки, залезли в самое недоступное глазу место да и заснули там в бархатной темноте, закутавшись в пыль.

Кирилл выдохнул и, забыв о коварстве дня, резко

выпрямился. За что тут же получил от разлапистой вешалки безжалостный удар по макушке.

— Хватит! — крикнул неизвестно кому — зло-вредным ключам, ехидной вешалке или самому себе. — Сегодня же поеду к ней!

И удивительное дело — принятое решение превратилось в талисман: на встречу Кирилл, вопреки всем физическим законам, не опоздал, успел сделать и прочие дела, а к обеду разошлись тучи и выглянуло умытое солнце.

Звонить Лизе он не стал: зачем нарываться на отказ? Приеду, посмотрю на нее и все пойму. Врать она никогда не умела. В конце дня он топтался перед ее домом, оттягивая неминуемый момент вторжения.

Влюбленный недоумок, осел, псих, — ему казалось, что эти эпитеты, которыми он себя награждал, должны подхлестнуть его храбрость. Но не очень помогало. Слова отлетали подобно шелухе, мысли были заняты речью, которую он готовился сказать при встрече.

Поскольку ты обещала позвонить и не позвонила, то я, предполагая вероятность потери моего телефонного номера (а кстати, откуда он у тебя? — морщинки на лбу и сдвинутые брови), решился на этот дерзновенный шаг и посетил твои пещаты.

Не вели казнить, вели слово молвить. Это говорится в начале.

Так что позвольте, дражайшая Елизавета Никитична, предложить вам совместную прогулку по ночному городу.

— Сдвинутый какой-то, — донесся до Кирилла далекий голос.

Он остановился, повертел головой и понял, что репетировал вслух, — возможно, размахивал руками и делал поклоны. Состояние невменяемости. Оправдан.

— Сам такой! — крикнул он в удаляющиеся спины подростков.

Поднимался пешком. По двенадцать ступеней в лестничном пролете, итого: умножаем двенадцать на восемь, получается... получается... Кирилл озадаченно почесал в затылке и — дверь Лизиной квартиры распахнулась перед его носом.

— Ты что здесь делаешь? — ошарашенно спросила Лиза. Она стояла прямо перед ним, в драных на коленях джинсах, в старой майке, завязанной узлом на впадом животе, с помойным ведром в руках. Прекрасная и недоступная.

— Умножаю двенадцать на восемь, — он не сводил с нее восхищенного взгляда.

— Кто пришел? — Катя подскочила к двери и высунула нос. — Ого!

Немая сцена. Первой очнулась Катя.

— Еще и ты за мной шпионишь? Вы что, все с ума посходили? — Говорила сердито, но лицо так и сияло: приперся все-таки.

Лиза молча опустила глаза. Ну вот и все. Кончилось, не начавшись. Судьба — злодейка, а жизнь — индейка. Бред какой-то.

— Ну ты даешь, Катерина! Это потрясающе! Лиза, ты слышишь? Да очнись, наконец. Что с вами со всеми?

Лиза подняла голову и посмотрела сначала на недоумевающую сестру, затем на Кирилла.

Он смеялся. Он не просто смеялся, он хохотал.

Глядя на него, засмеялась Катька. Подхватила смех и Лиза.

— Может, впустите в дом? — сквозь хохот выдавил Кирилл. — А то соседи в психушку сдадут. — Он никак не мог остановиться. — Ну и денек, — сказал, уже сидя на кухне и переводя дух. — С самого утра вверх дном. Как ударился головой о вешалку...

— Что заметно, — процедила Катерина.

— ...так до вечера — кувырком. И ты, Лиза, еще не одета. Я, конечно, раньше времени приехал, но помойное ведро вместо вечернего платья — это, согласись, перебор. — На Лизу Кирилл не смотрел принципиально. — Ты уж извини, Катерина, но сегодня Лиза ужинает со мной. Разве она тебе не говорила? — Катя с открытым ртом помотала головой. — Ну что же ты? Нехорошо, — он посмотрел на Лизу и еле сдержал новый приступ веселья — такое у нее было уморительно-изумленное лицо. — Надеюсь, ты не передумала? — заглянул ей в глаза и подмигнул.

— Нет, — вдруг твердо ответила Лиза. — Только мы ведь договаривались на... — быстрый взгляд на часы, — на восемь, а сейчас всего лишь без пятнадцати, так что на ведро ты зря наехал. Ну, так я пойду переоденусь. — Она вопросительно посмотрела на Катю, но ту еще не отпустил столбняк. — Я быстро, — сказала Кириллу и убежала.

— И давно вы?.. — Катя села на стул напротив Кирилла.

— Это смотря с какой стороны, — важно ответил он. — Знакомы, страшно сказать, сколько лет.

— А давно вы?.. — Она повертела в воздухе пальцами — все никак не могла подобрать слов.

— Если юридически, то самую малость. Скорее в минусе, — он постучал по столу. — Еще вопросы?

— Да я так... — Катя смутилась. — Неожиданно просто.

— Я недавно понял, что жизнь вообще неожиданная штука, — философски изрек он.

Появилась Лиза, и Кирилл встал.

— Не обижайся, ладно, — шепнула она сестре.

— Могла бы и сказать, — проворчала Катерина.

Лиза примиряюще чмокнула ее в щеку, и входная дверь разъединила их. По одну сторону осталась Катя, погруженная в грустные размышления о чужом счастье, — она почувствовала себя за бортом впервые, по другую — Лиза, легко шагавшая навстречу ночи. И пусть эта ночь не кончается никогда.

До процесса оставались считанные дни, и Кирилл чувствовал необыкновенный подъем. То, что именно сейчас он начал регулярно встречаться с Лизой, полагал за счастливый знак. Все складывалось замечательно. По утрам хотелось петь в клозете, но это уже из другого романа.

Так или иначе, конец мая приближался, тяжелая работа шла к победному завершению, и призрачные, казавшиеся еще совсем недавно такими хрупкими, отношения с Лизой крепили с каждым днем.

Теперь Кирилл не боялся, что она пропадет из его жизни. А Лиза не вздрагивала при его невольных столкновениях с Катей. Эту страницу они совместными усилиями перевернули.

Иногда встречались сразу после работы, ужинали в ресторане или дома у Кирилла. К первой совместной домашней трапезе он честно постарался приготовить еду самостоятельно, но, как в банальном фильме, сжег мясо до антрацитной черноты и твердости. Лиза бросилась на выручку, и они замечательно поужинали жареной картошкой с квашеной, в туманных капельках оливково-

го масла капустой. В последующие вечера готовили совместно. Кирилл оказался не таким уж безнадежным поваром, каким зарекомендовал себя в начале их встреч. Получалось замечательно — резать пахучую зелень, упругие помидоры, разноцветные, какие-то ненатурально красивые перцы, а рядом чувствовать его, Кирилла, который разделывает рыбу или маринует мясо. Болтали, спорили, вспоминали детство — но ни разу не говорили ни о Кате, ни о будущем, ни о любви.

Лиза каждый вечер уезжала домой, к настойчивым и зряшным расспросам Катерины, а Кирилл укладывался спать с ощущением ненужности жизни и ожиданием завтрашнего прекрасного дня.

Случалось, что увидеться мешали дела. Тогда они долго говорили по телефону, подробно рассказывая о прожитых часах, и оба неизменно удивлялись, как много, оказывается, нужно не забыть сообщить друг другу. Как-то Лиза поймала себя на том, что специально запоминает забавную уличную сценку, которую наблюдает с беспристрастием ученого, чтобы только потом, во всех деталях передав ее Кириллу, насладиться смехом вместе с ним.

Май катился к концу. По вечерам на асфальт ложились шероховатые теплые тени, небо полыхало закатами, а воздух, насыщенный тонким горьковатым ароматом цветов, пьянил.

Лизины студенты благополучно защитились, и если бы не Кирилл, она бы укатила в любимую деревню. Теперь же постоянно находились дела, не дававшие отъехать.

День тридцатое мая начался как обычно: с птичьего гама за окном. Зная, что сегодня предстоит изрядная

нервотрепка, Лиза спала дольше обычного — вернее, изо всех сил старалась спать. Смыкала веки, ненадолго погружалась в легкую зыбь полудремы; иногда перед глазами возникали преувеличенно ясные, несуразные образы: появлялись, например, какие-то люди, приклеивавшие к лицам друг друга бороды из картофельных ростков. Лица были безглазыми. Там же почему-то находилась и она сама, с мотком веревки. Глаза открывались, Лиза смотрела на часы, выясняла, что прошло всего пятнадцать минут, и опять смежала веки. Но в окна брызгало солнце, с улицы доносился нарастающий шум, и она в конце концов сдалась — встала.

Катя уже уехала на работу. Лиза, шлепая босыми ногами по нагретому полу, побродила по квартире, не так давно принадлежавшей ей одной, и поняла, что соскучилась по одиночеству. Вечное присутствие сестры начинало потихоньку тяготить. Если бы квартира была хотя бы двухкомнатной! Лиза вздохнула.

Допустим, я на месяц уеду в деревню, Катя останется здесь полноправной хозяйкой, и, когда я вернусь, это жилище уже будет не совсем моим. Да и пустит ли она меня обратно? Лиза, Лиза, пусти переночевать...

Задумалась и поняла, что задалась этим вопросом абсолютно серьезно. Стало совестно. Какой бы Катька ни была взбалмошной, подозревать ее в подлости — безумие. Она никогда ничего не делала назло, никогда не мстила, никогда никому сознательно не причиняла вреда. Просто несется по жизни, подобно сильному ветру, и кто не увернулся — сам виноват.

Неожиданно Лизе вспомнилось, как давным-давно, в детстве, она впервые испытала боль от предательства, тем более невыносимого, что исходило оно от

близкого родного существа, которому доверяла безгранично.

Они играли на пустыре в казаки-разбойники всей своей детской компанией, и Катя, заигравшись, запустила в соперника камнем. К несчастью, метко. Мальчик, Колька Леонов из параллельного класса, с воплем удраал домой. Игра сама собой прекратилась, все разбрелись. И когда взбешенные родители мальчика пожаловали к Полонским, Катька всю вину, не задумываясь, свалила на Лизу. На ходу сочинила целую эпопею, в которую заставила поверить не только родителей, но и себя, и даже Лизу. Зачем? Она ведь никогда не боялась наказаний! Лиза постаралась забыть выходку сестры как можно скорее, потому что как же жить с предателем под одной крышей? И вот только сейчас, спустя много лет, эта история всплыла в памяти. Когда нет уже ни детства, ни прежнего максимализма, ни обжигающих переживаний. А на любимом когда-то пустыре вместо снесенных в один день гаражей вылупилась приземистый железобетонный уродец — здание банка.

Лиза сложила раскладушку, позавтракала, почитала. Время близилось к полудню, и чем дальше, тем с большим нетерпением она поглядывала на телефон. Кирилл обещал позвонить сразу, как только освободится. Ехать с ним в суд Лиза отказалась, опасаясь, что будет слишком сильно нервничать и своими реакциями отвлекать его. Она мысленно представила себе зал заседания в виде футбольного поля — и на нем Кирилла при полном параде: белая рубашка, галстук, темный пиджак, спортивные трусы, кроссовки и мяч у ног. Разбег, удар, злодей-Роберт бросается в угол ворот, но мяч находит

брешь и осуществляет победный гол. Аплодисменты, крики, свисток. Матч окончен.

Лиза сняла трубку, на всякий случай послушала, есть ли гудок, аккуратно положила ее на место. Походила по комнате, сжевала конфету, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Посмотрела на часы: два. Поехать в суд? А если он позвонит? Зачем же я осталась, дура такая? Вот бы уговорить его махнуть после суда в деревню! Хотя бы на пару дней!

Мысль вдохновила на новое хождение по квартире. Спустя некоторое время обнаружила себя на кухне у открытого холодильника, в который смотрела незрячими глазами.

— Чего же я хотела? — Она чуть выпятила губы, как делала в детстве в минуты крайнего затруднения, и потерла лоб. — Ах да! Кофе.

И бутерброд с джемом. Видимо, мысль опередила действие, и я доставала из холодильника джем, не сварив кофе. Смешно.

Прошел еще час. От Кирилла по-прежнему не было известий. За это время Лиза три раза проверила телефон, два раза сверила часы и сделала десяток кругов по квартире.

В половине четвертого позвонила Катя. Сказала, что сегодня задержится. Ложись спать, не жди и не волнуйся. Я в порядке. Выдала смешок и повесила трубку.

Может, Кирилл звонил как раз в этот момент и не дозвонился? Что же делать? Машинально Лиза начала одеваться. Если в течение получаса не будет известий, еду в суд. Движения стали собранными и решительными. Когда застегивала блузку, зазвонил телефон.

— Привет, Лиза. Устал как собака. Проголодался как волк. Еду к тебе.

— Кирилл, — Лиза села на подлокотник кресла. — Что?

— Шампанское уже купил, — голос чуть дрожит от сдерживаемого торжества. — Это надо было видеть!

— Ну слава Богу! Жду!

У Лизы задерживаться не стали, поехали сразу к нему, устроили царский ужин. Весь вечер Кирилл рассказывал подробности дела, вспоминал особо острые моменты, несколько раз описывал финальную сцену. Завтра появятся статьи, на процессе присутствовали журналисты, — в общем, с «Викторией» покончено. Деятельность издательства будет подвергнута тщательной проверке, и Роберт может собирать вещи...

— И, Боже мой, как я по тебе соскучился! — Он положил голову на колени Лизы, закрыл глаза, словно только теперь из него вытекли вместе со словами остатки энергии, отпущенной ему на сегодняшний день.

Она молча перебирала его волосы и тоже сидела с закрытыми глазами, испытывая почти материнские чувства. Через некоторое время поняла, что Кирилл заснул. Убрала руку с его головы, рука недолго повисела в воздухе, выбирая себе место для приземления, и, описав дугу, улеглась на спинку дивана.

Было тихо. Тихо стрекотали часы на журнальном столике, тихо тренькала вода, капая на грязную посуду в раковине, тихо сам с собою разговаривал старик холодильник на кухне. Из другого мира, начинавшегося за окном, доносились инопланетные далекие крики детей и шуршание машин по дороге (пиано — крещендо — пиано). Более счастливого момента в своей жизни Лиза, пожалуй, не смогла бы припомнить.

Сколько времени она так просидела, трудно сказать. Солнце, блеснув напоследок в окнах огненно-красным, скрылось за соседним домом, воздух заголубел, звуки стали глуше. Затекли ноги, и заныла спина. Пошевелилась, стараясь разогнать застоявшуюся кровь, и Кирилл открыл глаза.

— Лиза, — блаженно протянул он, повернулся на другой бок, обхватил руками ее талию, ткнулся носом в живот. Она снова замерла, боясь спугнуть мгновение. — И долго я дрых?

— Не знаю, — честно ответила Лиза и потрепала его по голове. — Сутки, не больше.

Он испуганно на нее уставился.

— Ты, надеюсь, шутишь? — спросил с абсолютно серьезным ужасом.

Она кивнула, но вопрос прозвучал для нее где-то рядом, не затронув ни слуха, ни сознания. Лиза смотрела на Кирилла: на его чуть покрасневшие глаза, карие, в еле заметную желтую крапинку; на щеки — одна с сонным шрамом от складки на ее юбке, другая наполовину скрыта тенью; на его высокий лоб, с длинной продольной морщинкой. Когда же мы успели вырасти...

За окном завывала машина.

— Моя орет, — безразлично констатировал Кирилл. Он и не думал вставать.

— Может, надо посмотреть? — поинтересовалась Лиза тоже достаточно равнодушно. В данный момент судьба машины их не очень занимала.

— Может, и надо.

Стало тихо, но ненадолго. «Опель» снова завизжал, на этот раз словно взывая о помощи.

— Посмотри все-таки, — немного обеспокоилась Лиза.

Кирилл неохотно поднялся, подошел к окну.

— Какие-то ребята толкутся около машины. Пойду узнаю, в чем дело.

Она кивнула. И Кирилл, стремясь как можно скорее покончить с досадным недоразумением, схватил куртку, которую на ходу накинул, быстро сбежал вниз по лестнице, но выйти из подъезда не успел.

Первый удар пришелся по спине: метили, очевидно, в голову, но промахнулись. Кирилла бросило вперед — прямо на каменный кулак второго громилы. Боль пронзила все тело, во рту появился железный привкус. Кирилл мотнул головой и увидел, что сидит на полу. Чьи-то руки тут же рывком подняли его на ноги. Мгновенно не стало воздуха — ударили в живот. Боль стала расти, как лавина. Били молча и профессионально. Кирилл упал на колени, и затуманенный мозг выдавил спасительную мысль — пистолет.

Одной рукой защищая голову, другую незаметно сунул в карман. Оружие оказалось там: забыл вынуть, все время таскал с собой во внутреннем кармане куртки. Мгновенное появление пистолета удивило мучителей. Секундное замешательство дало Кириллу возможность подняться. Лица стоявших перед ним имели зверски-тупое выражение — ни единого проблеска человеческой мысли. Спина ощущала шершавый холод стены. Пистолет угрожающе смотрел то на одного, то на другого пса Роберта. В этом молчаливом противостоянии прошла, казалось, бездна времени. Внезапно все пришло в движение.

Хлопнула подъездная дверь, затем послышались шаркающие шажки. Кто-то поднимался по небольшой

лестнице, ведущей к лифту. Парни переглянулись. Никто так и не проронил ни слова.

Еще шажок, еще, и показалась чуть сгорбленная старушка с небольшой авоськой в руке.

— Ох-хо-хо, — скорбно пропела она и подняла голову. На оценку ситуации ей понадобилось мгновение. — Убивают! — Громо-гласный крик пронесся по всем этажам.

— Достанем еще, сука, — зловеще прошептал один из быков, смачно сплюнул, кивнул своему напарнику, и они неторопливым шагом пошли к выходу, по пути смерив старушку презрительным взглядом. Та испуганно вжалась в стену.

Кирилл опустил на корточки. Посидел, унял биение сердца. Нещадно болело все тело. Когда заставил себя подняться на ноги, увидел: старушка все стоит на последней ступеньке, сочувственно на него поглядывает.

— Мильцинера позвать, сынок? — спросила тихим голосом, никак теперь не выдававшим таящейся в нем силы.

Кирилл покачал головой, поморщился от боли, молнией ударившей в висок, вызвал лифт.

Лиза, подобрав ноги, сидела на диване, смотрела телевизор.

— Все в порядке? — крикнула весело и беззаботно. — Быстро ты.

Кирилл глянул на часы и с удивлением понял, что прошло не более пяти минут. Постоял, пытаясь сдержать внутренние огненные толчки. Пальцы, наконец, разжались, и на пол с глухим неприятным стуком упал пистолет. Лиза, встревоженная его молчанием, встала, озабоченно выглянула в коридор.

Кирилл стоял, привалившись к двери, не в силах от нее оторваться, и виновато смотрел на Лизу. Ее рука взлетела к губам и зажала крик.

— Не бойся, все в порядке, — произнес он непослушными опухшими губами.

Лиза подскочила к нему, подставила плечо, он с облегчением оперся на нее, сделал шаг.

— Кости целы?

Кирилл прерывисто вдохнул, охнул.

— Может, только пара ребер...

Добрели до гостиной, и Кирилл повалился на диван. Лиза отыскала аптечку, осторожно обмыла ему лицо, продезинфицировала разбитую губу, рассеченную бровь. После этого дала болеутоляющее и снотворное.

Тихо посидела на полу, делая глубокие вдохи и выдохи, и, только немного успокоившись, вышла в коридор. Подобрала с пола пистолет и, немного поколебавшись, сунула его во внутренний карман куртки Кирилла.

Лиза проснулась оттого, что затекло все тело. Открыла глаза и испуганно огляделась: сонная память никак не хотела подсказать, где же она очутилась. Скрючившись, она лежала на небольшом диване в чужой комнате, сквозь тонкие занавески пробивался мутный свет, очертания мебели размывались, углы тонули в жутковатой темноте, которую еще не успела унести с собой ночь.

Кто-то рядом заворочался, застонал. Она в ужасе обернулась на звук — и все вспомнила. Кирилл!

Спустила ноги с дивана, ощутила ступнями прохладный пол, поежилась. Встала, прошла по комнате, которую с трудом узнавала в этом сером свете. Потрогала поверхность стола, провела пальцами по книжной полке. Обернулась, посмотрела на Кирилла.

Лицо смутно белело на бледной подушке. Она недолго постояла, раздумывая. Затем, стараясь не шуметь, подтащила к дивану кресло, отыскала еще один плед, закуталась, устроилась поудобнее. Отсюда его лицо было видно лучше. Лиза вгляделась. Сильно распухли скула, ухо, губы, под глазом темнеет расплы-

вающееся пятно. Если все зубы на месте, то, можно сказать, обошлось. Но что будет завтра, послезавтра? Где они подкараулят его в следующий раз? Что-то надо придумать — и срочно. Исчезнуть из Москвы на месяц-два. Вернуться, когда улягутся страсти.

Лиза не заметила, как закрыла глаза. Стало тепло, уютно. Еще немного поерзала, тело нашло удобное положение, и она заснула.

Разбудил шум. Показалось, что прошло всего несколько минут. Только-только задремала, и на тебе! Скинула плед и огляделась. Солнце поливало косыми лучами пол, на улице оживленно разговаривал проснувшийся день. Лиза потерла глаза и сообразила, что на диване никого нет.

— Кирилл! — вдруг испугалась, что он ушел, пока она спала.

— Я здесь! — крикнул он из ванной. — Любуюсь своей физиономией!

Лиза потянулась, хрустнула пальцами, сделала несколько наклонов, чтобы разогнать застоявшуюся кровь. Побродила, привыкая к новому ощущению: впервые спала не дома.

— Ты как? — В комнату вошел Кирилл. — Доброе утро.

— Доброе утро.

— Хотел перенести тебя на кровать, да пожалел будить. Ты спала так крепко.

— Оказывается, можно отлично выспаться и на кресле.

— Спасибо тебе, что осталась. — Подошел к Лизе и прижал ее к себе. — Не знаешь, где можно купить паранджу?

— Паранджу?

— Ну да. Чтобы не пугать тебя по утрам.

Лиза отошла на пару шагов, смерила Кирилла взглядом, каким обычно дарит художник свою неоконченную картину.

— М-да... — протянула. — Не Ален Делон. Это точно. — И, не давая Кириллу опомниться, подскочила, поцеловала, провела, еле касаясь, пальцами по щеке. — Я, наверное, извращенка, но ты мне нравишься даже такой.

— Это самое главное, — Кирилл снова обнял ее.

— Нет, — Лиза покачала головой. — Не это самое главное. — Подождала, пока он спросит: «А что же?» — Сейчас самое главное — поскорее убраться из этого доброго города.

— Вот еще! — Кирилл невольно повысил голос. — Они не заставят меня бежать!

— Ты отказываешься провести со мной пару недель? — Лиза выразительно на него посмотрела. — А я-то думала...

— Постой, — он смешался. — О чем ты?

— Знаешь, — она заметно оживилась. — Я каждое лето провожу в нашей деревне. Это довольно далеко от Москвы, больше ста километров, но места там потрясающие. Так вот, — она посмотрела на него уже безо всякой наигранности. — Мне бы очень хотелось, чтобы ты съездил туда вместе со мной.

— Лиза, я даже не мог себе представить... Когда?

— Сегодня, — как ни в чем не бывало ответила Лиза. — Тебя что-нибудь здесь держит?

— Обойдусь парой звонков, — он махнул рукой. — Только куда же я с таким лицом... там живет еще кто-нибудь?

— Только моя бабушка. Нина Григорьевна. Ты ей понравишься.

— Могу себе вообразить, — мрачно проговорил Кирилл.

Он подошел к окну, стал смотреть на улицу. Почувствовал, как сзади стала Лиза, даже спиной ощутил ее тревогу и волнение. Вдохнул и охнул от боли. Обернулся.

— Так мечтал, — сказал тихо-тихо, Лиза еле расслышала. — Ты останешься у меня. Вся ночь. Совсем уж невероятным казалось, что сможем вместе поехать, все равно куда — хоть в дикий лес. И вот... — Он запнулся. — Эти ублюдки...

— Кирилл, ну что ты, — ее руки скользнули по нему, обвинили его тело. — Неужели мы этого не переживем?

— Я так люблю тебя, — сказал беззвучно, одними губами.

Через несколько часов они катили по Симферопольскому шоссе.

Кирилл очень быстро уладил свои дела по телефону. Лиза позвонила родителям, сообщила, что уезжает. Стала звонить Катерине (она же до сих пор не знает, где я!), но той нигде не было. Заехали к Лизе, по небольшому беспорядку определили, что и Катя дома не ночевала, — вследствие странного стечения обстоятельств пренебрегли квартирой одновременно. Он должен был обидеться и надуться, сказала Лиза про

свой дом. Оставила сестре записку, побросала в сумку самое необходимое и, посидев перед дорожкой, окинув прощальным взглядом прихожую, вышла вместе с Кириллом. Тщательно заперла дверь (подергала ручку — папина привычка) и, не переставая говорить («там замечательный пруд, а леса вокруг такие, каких ты не видел нигде, это я тебе говорю совершенно определленно!»), спустилась с ним вниз.

И вот теперь они мчались по убегающей в другую сторону дороге. Лиза молчала, улыбаясь, смотрела в окно, следила за солнцем, которое пряталось за высокими деревьями и только на миг коварно выблискивало, чтобы попасть в глаза и заставить зажмуриться.

— Мне пришла в голову кощунственная мысль, — сказала она Кириллу. — Если бы не эти, как ты выразился, ублюдки, — сделала вид, что с трудом выговаривает бранное слово, — то мы сейчас не сидели бы вместе в машине и уж точно не ехали бы в неожиданный совместный отпуск.

— Вот уж действительно! — усмехнулся Кирилл. — Нет худа без добра.

Но дорогой говорили мало. Лиза осторожно погружалась в свои ощущения, бродила среди них, как аквалангист бродит среди диковинных рыб и сказочно разноцветных кораллов. Ноги отрывались — она парила, плыла, боясь нечаянно задеть и проткнуть тонкую метафизическую оболочку: какой поток счастья тогда хлынул бы из нее — затопил бы всю машину.

Ехали долго. Несколько раз приходилось останавливаться, делать небольшие передышки — вести машину со сломанными ребрами оказалось делом нелегким.

Когда свернули на грунтовую дорогу, Лиза словно ожила:

— Вон, видишь, домик из красного кирпича, дым из трубы. Видишь?

Игрушечный домик мелькнул и исчез, дорога вела через овраг. Показался снова, уже размером побольше.

— Ну, видишь, наконец? — Лиза показывала пальцем и в нетерпении чуть подпрыгивала на сиденье.

Ей всегда казалось, что, приезжая сюда, она возвращается в детство. Взрослая жизнь со взрослыми проблемами оставалась во взрослой Москве — сюда ей хода не было.

Нину Григорьевну нашли на огороде — пропальывала чеснок, ловко и сноровисто орудовала тяпкой. Когда внучка окликнула ее, повернулась, забыв распрямиться, подслеповато вгляделась, руками опираясь на длинную палку. Увидела, тяпку бросила, заспешила, по пути выптирая руки об фартук и выпрямляя спину. Платок съехал набок, седые пряди лохматил ветер.

Лиза обняла хрупкое старческое тело. С каждым годом ей все явственнее казалось, что бабушка уменьшается в размерах.

— Как ты тут? — спросила, поправляя ей платок. И услышала такой знакомый, такой родной ответ:

— Кульгаю себе потихоньку.

Представила Кирилла. Нина Григорьевна испуганно всплеснула руками.

— Кто ж тебя так, сердечный? — И покачала головой. И снова заторопилась: — Ну, пойдемте в дом. Молочка с дороги. Устали небось, такой путь долгий.

Удивительно, как быстро он почувствовал себя дома. Не просто дома, а в окружении почти семейной заботы и любви двух женщин. Нина Григорьевна заваривала травяной настой, надела компрессов, и уже к вечеру Кирилл не чувствовал внутренних толчков боли. И лицо, утром безобразно опухшее, постепенно принимало прежнюю форму. За ужином выпили домашней настойки, и пару раз Кирилл поймал себя на том, что хочет Нину Григорьевну назвать бабушкой. Придерживал себя за язык и неприкрыто завидовал Лизе — это же надо, иметь в сравнительной близости от Москвы такой оазис!

Вечером вдвоем вышли погулять. По полю дошли до леса, который как-то сразу темной стеной вырос на пути. В прозрачном воздухе далеко разносились соловьиные песни. Иногда один из певцов на миг замолкал. Тогда его партию подхватывал другой, третий — и снова, подчеркнутые внезапной мимолетной тишиной, лес оглашали трели, одновременно и гулкие и звонкие.

Кирилл с Лизой долго зачарованно стояли на опушке. Пойти дальше казалось им невозможным — словно преступить границу и оказаться в чужих владениях. А лесом в этот вечер владели дикие звери, райские птицы и лешие. Время от времени от земли поднимался теплый ласковый ветер, и деревья взмахами крон шумно приветствовали его.

Когда взошла луна и окутала землю неверным матовым светом, стало и светлее, и загадочнее. Над прудом протянулся рваный молочный туман, и ивы, отраженные в лунной воде, низко к ней склоненные, загромождали тонкой листвой, словно шатром, выплывших на берег русалок.

Кирилл обнимал Лизу, вдыхал запах ее волос и кожи, смешанный с запахом поля — травы, цветов, кузнечиков, — смотрел в небо и бесконечно, почти бессмысленно повторял про себя:

Как я люблю тебя. Есть в этом
вечернем воздухе порой
лазейки для души, просветы
в тончайшей ткани мировой.

Как я люблю тебя...

Начинал набоковские строчки снова, и ему казалось, что он вторит соловьиным песням и что сама Ночь сегодня благословляет его и Лизу.

Полыхающий рыжий, лазурный, насыщенно-зеленый, лиловый, обволакивающе-серый и все их оттенки — из этих нитей были сотканы дни. Каждое утро начиналось с дуновения счастья, сердце подпрыгивало, и Лиза, заглядывая в комнату Кирилла (бывшая Катина), чтобы разбудить его, всякий раз удивлялась: неужели случилось, неужто это действительно может быть? Даже дышать забывала...

Но в это раннее утро она не спешила. Это утро было особенным. Лиза сквозь ресницы наблюдала пробуждающуюся радугу дня и ждала, когда к ней придет Кирилл. Я увижу, что он подходит, закрою глаза, он склонится надо мной, поцелует...

Лиза зажмурилась. Перед ней снова и снова материализовался из сновидений лес, поляна, почти идеально круглая, усыпанная ромашками, васильками, земляникой, желтыми вкраплениями купавы. Совсем рядом, но немного в стороне, в тени, — густо-зеленые заросли ландыша, этого лесного аристократа. Ветки над головой, пятнистое солнце и работающая пчела где-то поблизости: ж-ж-ж-ж-ж...

Память, наверное, нечаянно стерла тот момент, когда ложились в траву. Лиза видела себя уже рядом с ним, тела вытянуты и прижаты друг к другу... Потом внезапно и ожидаемо — его лицо над своим.

Когда-то давно она прочитала, что некоторым влюбленным даруется ощущение полета. И те, кто хотя бы раз в жизни парил, не оторвавшись от земли, могут по праву считать себя истинно счастливыми людьми. Никогда Лиза даже не предполагала, что телесное воплощение любви может быть столь прекрасным.

Они провалились в мягкой душистой траве, в колыхающейся рваной тени часа три, не меньше — вновь и вновь открывая друг друга, удивляясь и радуясь.

Домой возвращались, тесно обнявшись, не в силах оторваться. Уже вечерело, солнце красным блином зависло в розовом небе, цепляя кромку леса. Трещали кузнечики, комары становились все наглее, а лягушки — голосистее. Когда вошли в деревню, Лиза заметила Толю. Он шел голый по пояс, уже до коричневого загорелый, с косой на плече.

— Я должна вас познакомить, — быстро проговорила Лиза (всего на миг устыдась — вот про кого совсем забыла) и устремилась догнать. — Толя!

С каким радостным блеском глаз он обернулся на крик! Увидел: бежит растрепанная, в развевающейся легкой юбке, неприкрыто счастливая. И за ней...

— Анатолий, — он первым подал руку.

— Кирилл.

Крепкое рукопожатие, внимательные взгляды. Улыбающаяся Лиза на миг оказалась вне их молчаливого

общения. Они сразу все поняли. И сразу прониклись друг к другу симпатией. Странно, но Толя не почувствовал ревности. Скорее удовлетворение. Этот ее достоин.

— Завтра, завтра с удочками на пруд, как раньше, помнишь? — Она уже тормошила их. — Не забыл? И рыба не перевелась? Как же это здорово! — Хватала за руки то Кирилла, то Толю, не зная, куда еще девать рвущуюся энергию. — А что это с косой по деревне, как зловещий символ?

— У тети Нюры косил. Ее радикулит опять свалил.

— Надо же, — Лиза на мгновение сочувственно замерла и снова юлой: — Так, значит, завтра?

— В пять встанете? Тогда черви за мной.

Прощались. Лиза счастливо повисла на Кирилле, зашагали к дому. Толя, уже без улыбки, грустно провожал их глазами.

...За дверью слышался шорох. Лиза бросила быстрый взгляд на часы: пять минут шестого, закрыла глаза.

Осторожный шепот:

— Лиза?

Ресницы дрожат, губы предательски раздвигаются.

— Проснулась?

Не открою глаз, пока не поцелует. Чего же он ждет? Приоткрыла один глаз и увидела его совсем близко: стоит на коленях около кровати и внимательно ее разглядывает.

— Это нечестно! — зашептала Лиза сердито. — Смотреть на спящего человека.

— Пора, красавица, — серьезно сказал Ки-

рилл. — Открой сомкнуты негой, — склонился к ее лицу и поцеловал по очереди глаза. — Навстречу утренней, — поцелуй в нос, — звездой севера, — в губы. — Соня.

— Встаю, встаю. Сам соня, — сладко потянулась.

Руки Кирилла скользнули под одеяло.

— Может, никуда не пойдём?

— Договорились ведь, — она задержала его руки на своем теле. Затем с сожалением приподнялась на локтях, повторила: — Встаю.

Быстро перекусили и вышли в росистое утро. Солнце еще не взошло, но на востоке облака уже светились, небо широкими мазками пробовало краски — от бледно-зеленой до интенсивной розовой. Примеряло наряд на сегодняшний день.

Толя уже сидел около пруда, проверял снасти.

— Честно говоря, не думал, что встанете, — сказал вместо приветствия. — Присоединяйтесь.

Подав удочки, показал на банку с червями. Устроились на поваленном дереве. Закинули. Несколько минут сидели с серьезными физиономиями, молча.

— И как, бывает, что клюет? — осведомился Кирилл.

— Бывает, — важно кивнул Толя.

— А только на червей пробовал?

— Иногда на хлебный мякиш, — Толя встал. — Кстати, — отломил от буханки, крошил, бросил в воду. — Чтобы рыба подошла.

Снова замолчали. Кирилл свои познания о рыболовстве исчерпал, а Толя заинтересованно подался к воде. Вокруг лески пошли круги, поплавок нырнул,

появился и снова исчез. Толя аккуратно потравил, подсек — и в воздухе засверкала чешуя.

— Есть! — Лиза вскочила. — Тебе, как всегда, везет.

— Не Бог весть что, — скромно сказал Толя, — но для начала неплохо. Окунь.

Снова сели. На этот раз тихий азарт охватил всех. Перебрасывались фразами, но взгляда с поплавок уже не спускали. Показалось солнце, и пруд сразу ожил. Заметались стрекозы, забегали водомерки, проснулись слепни. Ветер, образуя на воде золотистую рябь, взлетал вверх, по пути заголяя деревья, — листья оборачивались исподней, бледной стороной.

Лиза запрокинула голову. Небо уже набирало синий цвет, легкие облака размазал ветер, и неожиданно четко белел ослепительный штрих самолета.

И все это вместе: утренняя прохлада, всплески рыбы в пруду, захлебывающиеся песнями птицы, даже смятая с одного бока ржавая банка с червями и блестящая фольга с недоеденным бутербродом, который уже осваивал пыливый муравей, — слилось в пронзительное предчувствие будущего воспоминания. Я буду помнить это всю жизнь, тихо твердила Лиза и замирала, закрывала глаза...

Через три часа подсчитали улов. Выяснилось, что хорошая уха на сегодня обеспечена. Жаль было уходить, но уже наступал день. К пруду собирались самодовольные гуси, обстоятельно заходили в воду и, воображая себя местными лебедями, важно плавали кругами. Появились и первые купальщики — стайка мальчишек. Они с шумом вбегали в воду, ныряли, отфыркивались и вопили на всю деревню.

Толя смотал снасти. Лиза подхватила ведро с бьющейся в нем серебряной рыбой. Обедать договорились вместе.

Нина Григорьевна уже встала, и Лизу с Кириллом ждали горячие оладьи с холодным молоком. Собирались после завтрака пойти в лес за земляникой, но, присев на минутку на небольшой диванчик, заснули. Да так крепко, что совершенно не слышали хлопнувшей, будто гром, входной двери и радостного крика Катерины:

— Не ждали? А это я — с первой электричкой! — И после шиканья бабушки чуть потише: — Москва обрыдла, вот и решила махнуть...

Нина Григорьевна прикрыла дверь и увела Катю на улицу — расспросить, рассказать местные новости и узнать, наконец, кто же такой этот симпатичный Кирилл.

— Катя, я прошу тебя совершенно серьезно, постарайся вспомнить. — Кирилл сидел перед Катериной и пытался добиться от нее хотя бы малейшего ощущения ответственности. Трудная задача.

Катя вообще не очень понимала, чего от нее хочет бывший муж. Первая мысль, которая мелькнула сразу после того, как он задержался в комнате (Лиза убежала выдергивать сорняки — тоже мне занятие!), была приятная: ищет возможности побыть вдвоем — значит, старая любовь не ржавеет. И вдруг этот непонятный допрос — не шел ли кто следом, не прятался ли в кустах или пробегал тенью...

— Да чего ты пристал, Кирилл! Ей-Богу! Что за странная паранойя! — Катя патетично взмахнула руками. — Как будто я не заметила бы, если б за мной следили! — И тут же прикусила язык. Интересно, знает или нет? Лизка вполне могла пересказать детали разбега с Артемом. Отличный способ невзначай, из лучших побуждений, поведать щепетильному Кирюше о не вполне красивых поступках любимой сестры...

— Хорошо, если так, — он задумчиво уставился в одну точку.

— Еще что-нибудь? — все еще зло спросила Катерина.

— Да, — Кирилл перевел пристальный взгляд на отставную супругу. — Очень тебя прошу: ни слова Лизе о нашем разговоре. Не хочу ее тревожить. Поняла?

Катя неохотно кивнула.

— Я доступно спросил? Ты все поняла? — Как ему хотелось сейчас схватить ее за плечи и изо всех сил потрясти: как еще разбудить эту куклу? Как пробиться в ее душу? Ведь была же у нее душа! Была, черт возьми!

Кирилл резко встал, пробурчал себе под нос: «Хочется верить» и вышел, чуть не хлопнув дверью. Катя только проводила его недоумевающим взглядом.

Интересно, что это он себе позволяет? Обращается со мной, как с девчонкой! Она раздраженно прошла по небольшому пространству, посмотрела в зеркало: чуть размазалась тушь. Аккуратно потерла пальцем под глазом, достала косметичку и быстро поправила макияж. Выглянула в окно. Стоят как голубки, прямо злость берет. Снова вернулась в комнату, посидела, надувшись, на старом, пахнущем пылью диване. И что теперь? Ну, приехала. Ну, увидела. Ну, подавилась.

Мне бы радоваться за Лизку, уныло подумала. Почему не могу? Жаба гложет? Как подумаю — сбежал от меня и ни разу не вспомнил, а ведь любил! Еще как любил! Не может он так же любить Лизку! С какой это стати!

Ядовитой змеей проползла мыслишка: увести бы, заморочить и вот тогда посмотреть, как они заговорят. Мысль была такой яростной, что обожгла. Катя испуганно дернулась.

Встала, посмотрела на свое отражение. Провела по губам, по шее, вгляделась.

— Что со мной стало?

Спросила тихо-тихо и печально покачала головой.

Затем решительно прошла к умывальнику (допотопный металлический цилиндр, привинченный к старому облезшему стулу с высокой спинкой) и ожесточенно умылась с мылом. Снова посмотрелась в зеркало.

— Уже лучше.

Удовлетворенно кивнула посвежевшему отражению и с пугающей ясностью вспомнила, как в электричке на нее неотрывно глазел какой-то мутный тип. Конечно, она тогда привычно подумала, что просто плянется на симпатичную девку или увидел знакомое по экрану лицо, да не может припомнить, где же они встречались. Такое бывало с Катей довольно часто. Но вот что плохо: вышел-то он вслед за нею, и с ним еще два лба...

— Лизавета! — закричала, выбежав на крыльцо. Но, перехватив взгляд Кирилла (он колол дрова около сарая), осеклась.

— Что? — Голос Лизы раздавался из-за дома.

— Помощь нужна?

Покосилась на Кирилла. Медленный размах, прицел... Хрясь! Вместо кургузого бревна — ровные полешки с нежным нутром. Катя быстро прошагала мимо сарая и увидела сестру: та в купальнике трудилась на своей любимой клумбе.

— Подваливай!

Некоторое время, подставив спины солнцу, молча выдергивали сорную траву вместе. Каждая ушла в себя — думать, вспоминать, мечтать под эту мерную ра-

боту было очень легко. Но вскоре Катя ойкнула, принялась разглядывать палец.

— Что такое? — не отрываясь от строптивного одуванчика, спросила Лиза, скорее из вежливости.

— Ноготь сломала, — Катя поморщилась от досады.

— Ты сегодня вообще, по-моему, не в духе?

— Да Кирилл твой виноват.

— В чем же?

— Пристал с утра пораньше: когда ехала сюда, не следил ли кто? Да ты уверена? Да вспомни! Думаешь, приятно?

Посмотрела на старшую сестру и, увидев испуг в ее глазах, вспомнила, что Кирилл просил ни о чем не говорить.

— Что здесь, в конце концов, происходит?

— Ты пока поработай, — Лиза отряхнула руки. — А я скоро вернусь.

— Лиз, — Катя старалась не смотреть на нее. — Ты не говори Кириллу, а то он просил меня молчать, чтоб не волновать тебя, да я, балда, забыла...

— Хорошо, — сухо ответила Лиза и куда-то заторопилась.

Катя лениво взялась за тяпку. Работать расхотелось совершенно. Какое-то время поковырялась в земле, затем, бросив инструмент, устроилась на солнышке и с удовольствием подставила его лучам свое ладное тело.

Разговор с Толей был недолгим. Лиза начала без обиняков.

— Возможно, в самое ближайшее время понадобится твоя помощь. Твоя и твоих ребят. — Чтобы обрисовать ситуацию, много слов не понадобилось.

Толя даже как-то странно обрадовался. Во-первых, Лиза пришла к нему с просьбой и у него вновь появилась возможность защитить ее. Ну, пусть не совсем ее, но это решающей роли не играло. А во-вторых, давно не был в переделках и вполне вероятная жестокая драка разгонит кровь. Он довольно потер руки.

— Никаких проблем. Сегодня же скажу своим.

— Спасибо, — Лиза взяла его руку, шероховатую, с мозолями, один ноготь с трещинкой посередине, на кисти небольшой шрамик.

— Ну, что ты, Лиза, — Толя смутился, забрал у нее руку и, не зная, куда девать, сунул в карман.

— Спасибо тебе за то, что ты для меня делаешь, — негромко, но настойчиво повторила Лиза.

«Ты, наверное, удивилась бы, если б узнала, как много я хотел бы для тебя сделать». Он смотрел на любимое лицо и молчал. Просто не знал, что сказать в это невыносимое мгновение, — такую нежность к ней испытывал, такую преданность... И хорошо, что она об этом никогда не узнает.

— Я пойду, — Лиза улыбнулась ему. — И...

— Ни о чем не беспокойся, — бодро сказал Толя. — Свистни, если что.

Вечер наползал неприятный. С востока тащились сизые тучи, поднимался неприветливый ветер, зло поигрывал с обрывками бумаг, со старой листвой, с забытой на деревянных качелях детской грязно-розовой панамкой. Лиза под разными предлогами выходила на улицу, пыталась разглядеть, что творится за забором. Несколько раз мелькнули у пруда подозрительные фигуры, но в результате оказались запоздалыми пловцами. Она уже

пожалела, что зря побеспокоила Толю, повеселела. Тревога стала уходить.

Ужинали, как обычно, в семь. Курица, картошка с зеленым луком, прошлогодние хрустящие огурчики, кабачковая икра и маринованные грибы с колечками лука. Привычно хлопотала бабушка, язвила Катька, отшучивался Кирилл. Лиза видела, что беспокойство, которое привезла с собой Катерина, пока держит его в плену. Хотелось подойти, успокоить, взъерошить волосы — но обещала сестре молчать и желание в себе давила.

Нина Григорьевна в этот вечер спать легла еще до девяти — видимо, сказывалось на самочувствии ожидание непогоды. Разболелась голова и у Катерины. Пока Лиза домывала посуду, младшая вышла на улицу — подышать и освежиться. Но не прошло и минуты, как влетела в дом с вытаращенными глазами — и сразу к Кириллу.

— Там какие-то типы у дома маячат, — зашептала испуганно. — Вроде трое их.

— Как чувствовал, — процедил Кирилл. — Сидите обе дома.

Набросил куртку, постоял недолго и шагнул за порог. Как только он скрылся, Лиза рванула к окну.

— Из дома ни шагу, — сурово сказала Кате и сиганула в темное заоконное пространство.

— Куда ты? — воскликнула младшая сестра, но старшей уже не было видно.

Сильно нервничая, Катя пыталась хоть что-нибудь разглядеть сначала в одном темнеющем окне, затем в другом. Ничего. Высунулась на улицу. Увидела Кирилла: он стоял за калиткой и тоже оглядывался.

Осмелевшая Катерина вышла на крыльцо. Ветер

словно обрадовался — заметался, зашумел, поднял в воздух столб пыли, закружил ее. С трудом закрыла дверь, стала поправлять совершенно растрепавшиеся волосы. Когда собрала их в хвост, Кирилла за калиткой уже не было. А возле пруда теперь явно что-то происходило. Небольшая группа людей... О чем-то оживленно разговаривают. Один вдруг упал. Нет! Не разговаривают, дерутся! Катя беспомощно огляделась. И увидела, как к водоему бегут еще люди и с ними какая-то женщина. Лизка! Она-то куда прется?

Думать стало некогда. Катя скатилась со ступенек, оступилась, больно стукнулась локтем о старые перильца, рванула калитку. Пока бежала к пруду, подобрала с земли ржавый прут, крепко сжала.

Схватка была в самом разгаре. Кирилл сражался с одним здоровым детиной, Толя взял на себя другого, с третьим разделялись Суслик (его Катя узнала сразу) и еще какой-то парень, кажется, со станции. Немного в стороне валялась любимая разодранная куртка Кирилла, из-под которой выглядывало что-то металлическое, на мгновение поймавшее лунный блик. Но было некогда взглядеться! Лизка-то где? Вот в чем вопрос!

Лиза стояла в стороне, под ивой, и поэтому Катя не сразу ее заметила. Однако, разглядев в темноте белое пятно, поспешила к сестре. Распирала какая-то дикая горячая радость от боя, от близости крови... а еще гордость, что враги терпят поражение. Подбегая, с молниеносным ужасом увидела, как к Лизе крадется четвертый, никем пока не замеченный, парень. Катя машинально посмотрела на прут — только сейчас о нем вспомнила. Присела. Точно рассчитала расстояние, и в тот момент, когда парень занес руку над Лизой, распрямила тело,

прыгнула и изо всей силы обрушила прут на его голову. В последнюю долю секунды тот метнулся вправо, и удар получился смазанным, однако парень тем не менее грузно осел на землю совсем недалеко от куртки Кирилла.

«Если бы не увернулся, я, скорее всего, убила бы его», — со спокойным удивлением подумала Катя.

Лиза охнула, испуганно обернувшись.

— Ты? О Господи, — машинально отошла от упавшего у ее ног парня.

— Смотри, — Катя кивнула на дерущихся, брезгливо бросила прут в траву, вытерла рукой нос, провела ладонями по джинсам — вверх-вниз, вверх-вниз. — Наши побеждают.

Лиза только кивнула, сцепила пальцы. Толя своего успокоил и теперь помогал Кириллу. Худощавый Суслик и его крепко сбитый приятель заканчивали разбираться с третьим. Сопrotивления противник практически уже не оказывал. Лиза судорожно вздохнула. Можно было выйти из укрытия.

— Я кому сказал, сидеть дома? — тут же вскинулся на сестер Кирилл.

Девушки замерли, не зная, что делать дальше — то ли бросаться победителям на шею, то ли виновато трусить домой. Но Кирилл уже смеялся, улыбался и Толя, Суслик притоптывал на месте и все время похлопывал по плечу безымянного пока для Лизы и Кати своего напарника.

Кто первым увидел опасность? Лизе вдруг показалось, что за ее спиной выросла зловещая тень. Смех Кирилла смыло выражением ужаса в глазах. И лишь Толя не успел убрать улыбку.

Как в замедленной съемке, мучительно медленно

обернулась Лиза. Оглушенный Катей парень, стоя на коленях, тяжело поднимал пистолет, дуло которого направлял на Кирилла. Застыли на месте Суслик и его друг. Катя медленно-медленно повернула голову и открыла рот — а крика еще не было. Толя в длинном прыжке оторвался от земли.

Грохнул выстрел. На землю рухнули два человека, завизжала Катя. Лиза бросилась к Кириллу с истошным криком:

— Нет!!!

Он был весь в крови. Кровь повсюду — на майке, на руках, на лице. Сама того не замечая, Лиза продолжала кричать. Она кричала до тех пор, пока Кирилл не ударил ее по лицу.

— Прости, любимая, — сгреб ее в охапку, прошептал: — Это не моя кровь.

Рядом лежал Толя. Он так и не успел изменить выражение лица, и улыбка выглядела на его лице, как елочная игрушка летом.

— Боже мой, — прошептала Лиза и склонилась над ним.

Внезапно стало тихо. Смолк ветер, деревья разом опустили листья, и только пруд все продолжал пожеваться, как от холода.

— Надо кровь остановить. — Суслик рванул на себе рубаху, скомкал, сунул Лизе. — Ты, Серый, за «скорой», быстро. Толян, Толян, не умирай! — По его лицу покатились слезы. — Ты, это, Толян, нельзя же...

— Я тут еще, — раздался слабый голос.

Лиза облегченно выдохнула, наклонилась к его лицу, зашептала горячо:

— Толя, родной мой, никогда не забуду, никогда...

— Ради этого стоит умереть, — сказал он, попробовал усмехнуться, но по его лицу прошла гримаса боли.

Этого Лиза уже не выдержала. Из глаз неудержимо хлынули слезы. Она не всхлипывала, не пыталась сдерживать их — они лились и лились на его лицо, шею, грудь.

Словно только этого и дожидался дождь. Крупные капли зашуршали в листве, покрыли пузырями пруд. Листья ивы скорбно обвисли.

И «скорая» и милиция приехали одновременно. Чудом не застряли в овраге. Аккуратно положили Толю на носилки, погрузили в машину. Лиза все это время не отходила от него.

Дождь пошел сильнее, забарабанил по крышам, небо прочно окутала темень — без единого проблеска. Зигзаг молнии разрезал небо, и сразу, совсем рядом, ударил гром. И снова почти без паузы — молния, гром, ливень, косой и сильный, сливающийся в один поток. На околице молния расщепила молодой дуб, который гордо и отстраненно стоял у самого поля.

Но этого Толя уже не узнал. Он умер по дороге в больницу.

ЭПИЛОГ

В последний раз я встречалась с Лизой совсем недавно. Заезжала к ним сразу после Нового года. Поздравить, обменяться подарками, поболтать. Чувствовала она себя уже нормально, хотя до сих пор говорит, что с родовыми муками творец определенно погорячился, — лучше придумал бы для женщин какое-нибудь другое наказание.

Ребенок у них на удивление спокойный. Пока мы сидели на кухне, обсуждали последние новости, он тихо-мирно спал в своей детской. И только когда пришло время кормления, настойчиво и громко запищал.

Лиза не без гордости продемонстрировала мне наследника — крепкого большеглазого малыша с беззубой очаровательной улыбкой.

— На Кирилла похож, — сказала она, хотя, честно говоря, увидеть сходство в таком малом возрасте можно лишь по очень большой любви. — Если все будет хорошо, — суеверно постучала по столу, — летом махнем к бабушке, правда, маленький?

— Как она?

— Держится, — Лиза вздохнула. — Но знаешь, мы потихоньку начинаем готовить ее к тому, что придется хотя бы зиму проводить в Москве.

— У вас?

— Возможно, — Лиза загадочно улыбнулась. — А может, и у родителей. Мама в последнее время только об этом и говорит. Они даже ремонт затеяли по этому случаю.

— Надо же, — я недоверчиво покачала головой.

— Странно, да? Как меняются люди.

Мы ненадолго замолчали, погруженные в личные философские размышления. У малыша, однако, были свои соображения на сей счет. Цепкими крошечными пальчиками он ухватил мамину прядь и изо всех своих силенок потянул. Лиза даже ойкнула.

— Ты что же хулиганишь, — ласково сказала сыну, отнимая свои волосы. — Смотри, придет папа, я ему расскажу про выходки Толеньки. Страшно?

— И давно ты научилась ябедничать?

— Нет, — Лиза мотнула головой. — Со дня рождения вот этого постреленка. Ты не представляешь, какого полного отчета требует у меня Кирилл, когда приходит с работы.

— Я слышала, дело его процветает.

— Дело-то процветает, да вот нам меньше внимания достается.

— Такова уж наша женская доля, — серьезно изрекла я, и мы легко рассмеялись.

Жаль было уходить от Лизы и маленького Толи. Их дом, наполненный теплом и любовью, затягивал, и обычно, придя к ним в гости, я вместо намеченного часа застревала как минимум на три.

Но сегодня меня ждали в другом месте, и, еще раз поздравив Лизу, я с ней простилась. Надеюсь, ненадолго.

Кстати, не так давно я узнала, что Катя разводится со своим третьим мужем, кажется, сценаристом.

Поставь на себя!

**«Своя игра» – новая серия
криминальных романов**

Когда возникает череда опасных ситуаций, из которых, кажется, нет выхода, женщина – нежная и слабая – становится сильной и способной постоять за себя, ведь на карту поставлено все: любовь, благополучие, жизнь...

Читайте:

**Диана Успенская
«Жена нового русского»**

**Диана Успенская
«Криминальный репортаж»**

**Екатерина Доменикова,
Андрей Соколов**

«Новая русская леди»

**Наталья Невская
«Игры за кадром»**

Ищите, требуйте, читайте!

**ЛУЧШИЕ БОЕВИКИ И ДЕТЕКТИВЫ СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СЕРИЯХ:**

**ПРАВОСУДИЕ
ПО-РУССКИ**

ПРАВОСУДИЕ ПО-РУССКИ

Суперсыщики, элитные бойцы и просто люди, доведенные до отчаяния криминальным беспределом, — они вершат свой суд, когда закон бессилен...

Наталья Варфоломеева «Стерва»

Алексей Рыбин «Мужик»

Владимир Черкасов «Крутой опер»

ВОЛКОДАВ

Один за всех. Один против всех. Помощи и поддержки ждать неоткуда. Но кто сказал, что один в поле — не воин, если он отважен, силен и у него мертвая хватка?..

Федор Бутырский «Лютый»

Владимир Черкасов «Палач»

МУЖСКОЕ ДЕЛО

Настоящие мужчины помнят о своем предназначении — бесстрашно идти в бой, сколь бы сильным не казался противник, и добиваться успеха несмотря ни на что...

Сергей Таранов «Мстители»

Сергей Таранов «Меченый»

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Они вне закона: бандиты, убийцы, насильники, воротилы «черного бизнеса», короли зон и тюрем — армия зла, угрожающая всем нам. Они уверены в своей победе, но так ли они непобедимы?..

Юрий Волошин «Гладиатор»

Владимир Крук «Аферист»

Алексей Рыбин «Отморозки»

СВОЯ ИГРА

Когда возникает череда опасных ситуаций, из которых, кажется, нет выхода, женщина — нежная и слабая — становится сильной и способной постоять за себя, ведь на карту поставлено все: любовь, благополучие, жизнь...

Диана Успенская «Жена нового русского»

Наталья Невская «Игры за кадром»

Екатерина Доменикова,

Андрей Соколов «Новая русская леди»

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнют, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обобщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудайнда, Г.Кука, К.Шашефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные куклы-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книжки по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Лутанская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Невская Наталья

СЕСТРЫ

Редактор *И.Н. Слюсарева*
Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *Е.Н. Волченко*
Технический редактор *Н.В. Сидорова*
Корректор *К.С. Бодрова*

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года.

Подписано в печать 20.08.99. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 19,3.

Тираж 10000 экз. Заказ № 1543.

Издательство «ВАГРИУС»
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1
Интернет/Home page — <http://www.vagrius.com>
Электронная почта (E-Mail) — vagrius@mail.sitek.ru

Информацию о наших книгах можно получить
в сети Интернет по адресам:
— www.guelman.ru/slava (Современная Русская Литература);
— www.russ.ru (Русский Журнал);
— www.litera.ru (Литера);
— www.gazeta.ru (Газета РY);

Издание осуществлено при участии
ООО «Фирма «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства «Самарский Дом печати».
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

